Мертвецки смешной юмор

РАССКАЗЫ АНЕКДОТОВ В ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

РУДОЛЬФ ГЕРЦОГ

«Захватывающая книга». — Шпигель

Мертвецки смешной юмор: Рассказы анекдотов в гитлеровской германии

ПЕРЕВОД ДЖЕФФЕРСОНА ЧЕЙЗА

Первоначально опубликовано на немецком языке как Heil Hitler, Das Schwein Ist Tot!

Смех при Гитлере - комизм и юмор в Третьем рейхе, автор Eichborn Verlag.

© 2006 Eichborn AG, Франкфурт-на-Майне, Германия

Перевод © 2011 Джефферсон Чейз

Первая печать Melville House: март 2011 г.

Издательство Мелвилл Хаус

145 Плимут-стрит

Бруклин, Нью-Йорк 11201

www.mhpbooks.com

Библиотека Конгресса каталогизировала издание в твердом переплете следующим образом:

Герцог, Рудольф. [Хайль Гитлер, свинья мертва! Английский]

Мертвый юмор: юмор в гитлеровской Германии / Рудольф Херцог; Перевод Джефферсона Чейза.

п. см. «Первоначально опубликовано на немецком языке как «Хайль Гитлер», свинья мертва! : Смех под Гитлером: комедия и юмор в Третьем рейхе ... Eichborn Verlag, c2006 ... Франкфурт-на-Майне, Германия »– Т.п. оборотная сторона

eISBN: 978-1-935554-93-6

1. Германия-Политика и правительство-1933-1945. 2. Национал-социализм. 3. Холокост, еврейский, 1939-1945 гг. 4. Немецкое остроумие и юмор -- История и критика. 5. Политическая сатира на немецком языке. История и критика. 6. Германия-Политика и правительство-1933-1945-Юмор. 7. Национал-социализм – юмор. 8. Холокост, еврейский, 1939-1945 гг. — Юмор. 9. Немецкое остроумие и юмор. 10. Политическая сатира, нем.

I.Название.

ДД256.5.Х3746913 2011

943.08602'07-дк22

2011006705

v3.1

СОДЕРЖАНИЕ

Обложка

Титульная страница

Авторское право

I. Политический юмор при Гитлере: Взгляд изнутри на Третий рейх

II. Возникновение и развитие политического юмора

III. Захват власти нацистами 31

IV. Юмор и преследования

Фотовставка 1

V. Юмор и война

Фотовставка 2

VI. Юмор и уничтожение

VII. Смеяться над Освенцимом? Юмор и национал-социализм после Второй мировой войны

Примечания

Цитируемые работы

Кредиты на фотографии

Мертвецки смешной юмор: Юмор в гитлеровской Германии

ПЕРЕВОД ДЖЕФФЕРСОНА ЧЕЙЗА

I. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЮМОР ПРИ ГИТЛЕРЕ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ НА ТРЕТИЙ РЕЙХ

Допустимо ли смеяться над Гитлером? Это вопрос, который часто обсуждается в Германии, где, видя масштабы ужасов, совершенных Третьим рейхом от их имени, многие граждане все еще испытывают трудности с сатирическим взглядом на них. А когда другие осмеливаются сделать именно это, их обвиняют в тривиализации Холокоста. Тем не менее, немецкие юмористы постоянно пытаются затронуть эту самую деликатную тему, и шутки в адрес нацистов становятся наиболее сильными и показательными, когда они произносятся в экономичном, обыденном тоне сатирика.

Правомерно ли подходить к Освенциму, используя приемы сатиры, или это преуменьшит преступления настолько чудовищные, что их трудно выразить словами? Каким бы ни был ответ на этот вопрос, факт остается фактом: немцы всегда смеялись над Гитлером, даже в течение двенадцати лет его ужасающего правления. При его режиме не было конца политическим шуткам. Сегодня некоторые из этих шуток сохраняют свою силу, хотя другие кажутся банальными или просто плохими. Однако их объединяет то, что они дают представление о том, что волновало и волновало гитлеровское "расовое сообщество". Обычные люди отпускали саркастические замечания в адрес тех аспектов жизни, которые действовали им на нервы, а юмористы нацистской эпохи - независимо от того, симпатизировали ли они вскоре исчезнувшей левой оппозиции или поддерживали фашистские силы - отпускали политические шутки.

Анализируя эти шутки, мы получаем необычный доступ к тому, что люди действительно думали во время "тысячелетнего рейха", что их раздражало и что вызывало смех, а также к тому, что они знали и что старались подавить в своем сознании. В то же время реакция нацистского государства на вызовы комиков и других людей, рассказывавших политические анекдоты, показывает, каких видов юмора фашистское руководство активно опасалось. Эта книга задумана как путешествие назад в эпоху, которую принято считать лишенной юмора, но не для того, чтобы рассмешить читателей, а для того, чтобы дать им возможность по-новому взглянуть на самую страшную эпоху немецкой истории. Она не игнорирует моральные дебаты послевоенного периода, но и не фокусируется на них.

Среди использованных источников - интервью с людьми, жившими во времена Третьего рейха, среди которых друзья убитого нацистами протестантского пастора, сын известного комика и дрессировщика, а также известная немецкая артистка кабаре. Другими важными источниками стали биографии выдающихся немецких юмористов и различные сборники "анекдотов шепотом",1 которые были опубликованы сразу после окончания Второй мировой войны. Люди, которые смеялись над Гитлером в своих собственных четырех стенах, пытались предположить авторы таких сборников, не одобряли нацистов и, возможно, даже были частью негласного сопротивления. Однако последние исследования показали, что это представление, хотя и является утешительной идеей, не более чем выдача желаемого за действительное и создание исторических легенд.

Политические шутки не были формой сопротивления. Это был клапан для сдерживания народного гнева. Люди рассказывали анекдоты в соседних барах или на улице, потому что жаждали момента освобождения, когда они могли выпустить пар. Это было в интересах нацистского руководства, независимо от того, насколько невесело они представляли себя в публичной сфере. Многие немцы осознавали темную сторону нацистского режима. Их также раздражали законы, заставлявшие их делать то или иное, и партийные верхи, которые позволяли себе роскошную жизнь, принимая произвольные решения относительно жизни других. Но это не выливалось в антинацистские

протесты. Те люди, которые выпустили пар с помощью нескольких шуток, не вышли на улицы и не бросили вызов нацистскому руководству.

И наоборот, что очень важно, подавляющее большинство шутников, которые были осуждены и предстали перед специальными нацистскими судами, получили мягкое наказание, если таковое вообще было. Обычно их отпускали с предупреждением. "Шутки шепотом" были суррогатом, а не проявлением социальной совести и личного мужества. Люди, пережившие Третий рейх, также утверждают, что политические шутки отнюдь не произносились в частной жизни только шепотом. Только на заключительном этапе войны, когда стало ясно, что Германия проигрывает, были введены драконовские наказания для тех, кто высмеивал нацистов. О них мы поговорим позже в этой книге. Когда нацистская система вступила в предсмертные муки и пыталась сопротивляться своей неизбежной гибели, появилось заметное количество особенно резких шуток, но у нас нет возможности точно узнать, насколько широко они были распространены.

Подавляющее большинство политических шуток во время правления Гитлера были в основном некритичными по отношению к системе, играя на человеческих слабостях нацистских лидеров, а не на преступлениях, которые они совершали. Имперский маршал Герман Геринг, например, был популярной мишенью из-за своей напыщенной внешности и любви к гламуру и медалям. Одна из типичных шуток гласила: Геринг недавно добавил стрелу к многочисленным медалям на своей груди. Она там в качестве указателя направления: "Продолжение следует на моей спине".

Как и во многих шутках о Геринге, тон здесь скорее семейный и ласковый, чем суровый. Политический юмор того времени никогда не намекал на то, что Геринг был садистом, который стал еще и массовым убийцей. Напротив, имперский маршал чаще всего предстает в образе напыщенного, но в конечном итоге симпатичного Фальстафа. На самом деле, слишком очевидные человеческие слабости Геринга сделали второго по могуществу человека Третьего рейха

привлекательным для широких слоев населения. Тот факт, что он был хладнокровным, циничным деспотом, не считавшимся с человеческим достоинством, не помешал немцам симпатизировать ему вплоть до его послевоенного самоубийства в плену у союзников.

Конечно, были и такие шутки, которые выражали чистую ненависть к нацистскому режиму и его неприятие. В Берлине, с его грубым, тупым, космополитическим чувством юмора, такие шутки были известны как surefire, но не потому, что они обязательно вызывали смех, а потому, что они гарантированно приводили любого, кто их рассказывал, к расстрелу или в концентрационный лагерь. Но можно привести хороший аргумент в пользу того, что даже эти самые критические шутки в конечном счете служили стабилизации системы. Ведь хотя некоторые шутки и выражали недовольство нацистским режимом, они также передавали мысль о том, что никто ничего не может с этим поделать - парализующий фатализм. Например, одна шутка времен Третьего рейха пародировала нацистский лозунг "Фюрер ведет, а мы следуем" как "Фюрер ведет, а мы следуем". Подтекст заключался в том, что простые немцы не имели возможности повлиять на катастрофические решения, принятые сверху. Другая шутка, которая была популярна в Вене после аннексии Австрии Германией, была похожа по тону: Плакат для Зимнего фонда помощи гласил: "Никому нельзя позволять голодать или страдать от холода". Рабочий говорит коллеге: "Теперь нам даже этого не разрешают".

Зимний фонд помощи был пропагандистской благотворительной организацией нацистов, которая помогала бедным немцам оплачивать отопление и другие расходы в холодные месяцы года.

Покорное отношение, выраженное в таком юморе, было характерно не только для шуток, рассказанных немцами, имевшими, по мнению нацистов, надлежащую расовую родословную. Это было типично и для еврейского юмора, где он имел более жесткую грань и гораздо более острый сарказм. Одна из типичных еврейских шуток обыгрывает цвет фирменной униформы фашистов:

Швейцарец, навещающий еврейского друга в Третьем рейхе, спрашивает его: "Ну и как ты себя чувствуешь при нацистах?". Тот

отвечает: "Как ленточный червь. Каждый день я продираюсь сквозь массу коричневого вещества и жду, когда меня выведут".

Но фундаментальное различие между немецкими и немецко-еврейскими шутками было не столько вопросом тона или грани, сколько функцией. Если "шутки шепотом" среди немцев служили в первую очередь клапаном для сдерживания народного недовольства, то шутки, рассказываемые их еврейскими соотечественниками, можно интерпретировать как попытку набраться мужества или, как выразился великий собиратель еврейско-немецких шуток Зальсия Ландманн, как выражение воли евреев к выживанию вопреки всему. Эти шутки высмеивают ужасы, которые евреи переживали каждый день. Таким образом, самый черный еврейский юмор выражает вызов: Я смеюсь, значит, я смеюсь. Спиной к стене, а я все равно смеюсь. Один пример из последних лет Второй мировой войны доводит это отношение до макабрической крайности: Два еврея ожидают расстрельной команды, когда приходит известие, что их повесят. Один поворачивается к другому и говорит: "Видишь, у них кончились патроны!".

Ситуация для этих двух евреев может быть безнадежной, говорится в строке, но для еврейского народа есть надежда: нацистский режим вот-вот рухнет.

Еврейский юмор был уникально мрачным и не допускал никаких ошибок. Контраст в послании и тоне между этой шуткой и беззубой шуткой о медалях Геринга вряд ли может быть более разительным. Он с болезненной ясностью демонстрирует, насколько радикально расходились взгляды жертв Гитлера и миллионов соучастников преступлений фюрера.

ЮМОР НЕ определяется только групповой принадлежностью его создателей и аудитории. Он может быть понят только с учетом социального контекста своего времени. Многие шутки, приведенные в этой книге, особенно шутки профессиональных юмористов и комиков нацистской эпохи, сегодня едва ли могут быть признаны смешными. Нам трудно представить, что люди могли смеяться над шутками, настолько черствыми, поверхностными и малоподвижными. Что делает их важными сегодня, так это то, что они, как и все старые

шутки, отражают то, что действительно занимало, забавляло и раздражало людей того времени. Они открывают окно в Третий рейх, давая нам взгляд изнутри, более достоверный, чем можно найти в официальных исторических документах.

Современные немцы не любят признавать это, но их восприятие гитлеровских лет во многом основано на пропагандистских фильмах той эпохи. Еженедельная кинохроника и фильмы Лени Рифеншталь - это те артефакты, на которые всегда ссылаются документальные фильмы - артефакты, которые были рассчитаны и идеологически испорчены. Они никогда не были отображением реальности или выражением того, что действительно происходило в нацистской системе. Даже сегодня они обманывают зрителя силой образов, которые даже самый предостерегающий комментарий вряд ли сможет вписать в надлежащий контекст.

Но в нашем искаженном восприятии нельзя винить только кинематографические документы нацистской эпохи. Наша историческая ретроспектива также играет свою роль. Мы наблюдаем за Третьим рейхом в ретроспективе, слишком хорошо зная, чем закончится путь, пройденный этой системой зла. Ужасы Холокоста и гитлеровских войн на уничтожение так сильно представлены в сегодняшнем коллективном сознании, что годы, предшествовавшие этим преступлениям против человечества, отодвигаются на задний план. Поэтому мы упускаем из виду тысячи случаев, когда постепенно закручивались гайки, чтобы подавить верховенство закона, а затем и почти любую форму гуманного поведения. В начале своего режима власть нацистов была несокрушимой.

На самом раннем этапе нацистского правления доминировала политика Gleichschaltung, что означает, грубо говоря, "приведение немцев к единой идеологической линии", которую национал-социалисты проводили, заставляя замолчать или убивая большинство своих критиков. Но даже такая жестокость не могла в одночасье превратить немецкое общество, каким оно было во времена Веймарской республики, в нацистское народное сообщество, основанное на расовой принадлежности. Шутки первых лет

нацистского правления, в том числе шутки профессиональных комиков, дают нам особое представление о настроениях населения. Эти шутки комментируют и высмеивают политические события того времени и бросают суровый обличительный свет на некоторые социальные трансформации, хотя другие социальные процессы, которые могут показаться более значимыми с сегодняшней точки зрения, практически не упоминаются.

Как писали в своих отчетах сотрудники нацистской тайной полиции, народ в целом поддерживал Гитлера в годы перед Второй мировой войной, несмотря на жесткую линию, которую занимали власть имущие. Кипящий энтузиазм, изображаемый еженедельной немецкой кинохроникой, возможно, был преувеличением, но большинство немцев были довольны своим правительством, которому, казалось, особенно повезло в области международных отношений.

Это удовлетворение отражалось в современных ему политических шутках, в большинстве своем безобидных и глупых. Лишь с началом Великой Отечественной войны настроения горожан стали существенно меняться. А с военным поражением Германии под Сталинградом и первыми волнами бомбардировок союзниками немецких городов немецкий политический юмор приобрел мрачный фаталистический оттенок. Глупость сменилась сарказмом.

Описывая, как и почему люди смеялись во времена Третьего рейха, эта книга стремится исследовать чувства немецкого народа — и все изменения, которым эти чувства подвергались — за двенадцать лет нацистской диктатуры. Среди прочего это проясняет, что Третий рейх был далеко не таким монолитным, как его любили изображать создатели современных кинохроник. Нацистское общество оставалось неоднородным, находившимся под влиянием самых разных интересов, разочарований, тревог и страхов, которые отражались в юморе того времени.

II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЮМОРА

Большинство политических шуток можно рассматривать как нападки, предпринятые с помощью юмористических средств, на тех, кто находится у власти, или на преобладающие политические условия. С помощью комического преувеличения они заставляют государство и его представителей выглядеть смешными. Многие из этих шуток рассказываются в подмигивающем духе веселья, в других присутствует скрытая горечь. Но даже те, кто рассказывает этот второй вид политических шуток, не обязательно восстают против системы. Политический юмор сам по себе не является формой сопротивления; напротив, политические юмористы, как собака в старой поговорке, обычно лают хуже, чем кусаются.

Политический юмор часто описывают как относительно недавнее историческое явление. В более древние эпохи, так утверждается, власть государства была узаконена не народом, а Богом, поэтому любая критика власть имущих была богохульством и, следовательно, каралась церковным осуждением и государственным законом. Таким образом, политические шутки могли возникнуть только в современном, светском мире. Эта теория верна до определенного момента: действительно, политический юмор смог развиться как жанр только в современную эпоху. Причина этого, однако, не столько в том, что западный мир стал более светским, сколько в том, что отношения власти стали более сложными. После Французской революции способы взаимодействия народа и его представителей стали гораздо более многогранными, чем раньше.

Количество мишеней для сатирических атак увеличилось, поскольку расширились возможности граждан выражать критику. Это не означает, что в государствах, легитимированных господствующей концепцией божественного, не может быть политического юмора. Современные теократии, такие как нынешнее иранское государство, а также Древний Рим, доказывают обратное. Те, кто утверждает

обратное, отрицают важнейшее человеческое качество политического юмора - стремление оспорить идеальный образ, который пытаются создать все системы, претендующие на божественную легитимность. Людям нравится смеяться над своими лидерами. Так было всегда, так будет и впредь. Не имеет значения, законен такой смех или нет, считается ли он оскорблением Его Величества или оскорблением Бога.

Изображения из Древнего Рима не оставляют сомнений в том, что римляне агрессивно относились к слабостям своих лидеров. Бюсты власть имущих бескомпромиссно реалистичны. Императоры изображались с адамовыми яблоками, торчащими, как птичьи гусеницы, сенаторы - с двойными подбородками. В отличие от древних греков, римляне были положительно одержимы человеческими недостатками, и это также отразилось в выборе имен. Варавву назвали так потому, что у него была большая кустистая борода? Римляне с радостью раздавали прозвища, основанные на хромоте, лысине или заячьей губе человека, используя, казалось бы, неограниченное воображение для обозначения своих жертв. Римляне не менее творчески подходили к оскорблениям любого рода, и их любовь к непристойному хорошо известна. Политики постоянно оскорбляли друг друга, а народ с удовольствием передавал эти колкости в виде пикантных сплетен. Большинство власть имущих спокойно терпели такие оскорбления, о чем свидетельствует следующий анекдот, который не имел никаких последствий для человека, рассказавшего его:

Где-то в империи был найден человек, имевший поразительное сходство с Августом Цезарем. Его представили императору, который, удивленный существованием этого двойника, спросил его: "Скажи мне, твоя мать была когда-нибудь в Риме?". "Нет, - ответил тот, - но мой отец точно был".

Политические колкости попадали в цель, как тогда, так и сейчас, везде, где можно было найти и нацелить ахиллесову пяту, и чем выше был пьедестал, на котором эта пята покоилась, тем лучше. Императоры, диктаторы и другие крупные шишки, правящие на основе возвышенных принципов, имеют большое расстояние для падения.

Поэтому они быстро становятся излюбленными мишенями для язвительного презрения. Правители, которые представляют собой идеал, конечно же, измеряются собственными амбициями и тщеславием. Если между идеалом и реальностью обнаруживается слишком большое расхождение, если правитель явно установил слишком высокую планку, он открывает себя для шутливых нападок. Так богоподобный император превратился в юродивого сомнительного происхождения, а член народного трибунала - в дряхлого старика с кривым носом. Подобные насмешки можно встретить не только в современной истории, но и в античности и средневековье.

Показательно, что сборник "анекдотов, рассказанных шепотом" стал одной из первых книг, изданных в послевоенной Германии. Этот факт отражает не только стремление немцев оправдать себя, поскольку такие шутки воспринимались как знак "сопротивления" Гитлеру, но и базовую человеческую потребность. Нет ничего удивительного или нового в том, что люди пытаются использовать смех, чтобы справиться с травмирующими событиями. Как в немецкой, так и в мировой истории есть множество сопоставимых примеров, и не нужно далеко искать, чтобы найти их.

Читатель сталкивается с примером этого явления в раннее Новое время, после Тридцатилетней войны. Европа лежала в руинах, и целые участки территории были обезлюжены. В Южной Германии, одном из наиболее сильно опустошенных регионов, уцелела едва ли треть населения. Многие, кто не погиб в бою, стали жертвами голода и болезней. В первые годы после этого беспрецедентного урагана разрушений мало что говорилось или делалось для его осуждения. И вдруг в 1699 году Ганс Якоб Кристоффель фон Гриммельсхаузен возвысил свой голос в первом приключенческом романе, когда-либо опубликованном на немецком языке. Абсурдный псевдоним автора, Шейфхейм фон Сульсфорт, был предвестием того, что читатели найдут на страницах романа. Приключения Симплициуса Симплициссимуса", первое крупное литературное произведение после апокалипсиса Тридцатилетней войны, было книгой, полной шуток.

Герой романа, простой пастух, пробирается через войну в самых разных ролях - от шарлатана-врача до дурака в коровьей шкуре. Происходящие вокруг него массовые поджоги, убийства и изнасилования служат фоном для его плутовских выходок. Читатели видят причудливо искаженную реальность глазами главного героя-дурака, который был воспитан как дикий зверь. В детстве Симплициссимус перенес страшные страдания, но его описания ужасов, через которые он сам прошел, веселы и обезоруживающе ироничны. Даже когда отколовшаяся группа солдат нападает на дом его детства и убивает его приемных родителей, повествование остается гротескно бесстрастным:

Первым делом рыцари привязали своих коней, после чего каждый занялся своими странными делами, все из которых привели к гибели и разорению. Пока одни занимались мясом, варили и жарили, другие штурмовали дом сверху донизу. Даже тайная комната хозяина не была в безопасности, как будто в ней было спрятано Золотое руно.

Гриммельсгаузен сам участвовал в Тридцатилетней войне, и роман полон автобиографических подробностей. Автор берет ужасную бойню, которую он пережил, и превращает ее в фарс. На первый взгляд, роман с героем-изгоем, который на самом деле рассказывает о кровавой бойне, длившейся несколько десятилетий, сам по себе может показаться странной идеей. Почему бы Гриммельсгаузену просто не написать хронику событий? Смысл "Симплициссимуса" в том, что страх и ужас лишь наполовину так плохи, когда можно посмеяться им в лицо.

По иронии судьбы, традиция немецкого романа начинается с юмора, который и сегодня вызывает споры, когда люди пытаются комически относиться к Гитлеру. Однако правда заключается в том, что ужасные события, похоже, требуют юмора. После катастрофы юмор часто оказывается единственным эффективным противоядием против затянувшегося ужаса. Можно привести десятки примеров того, как самые глубокие человеческие бездны вызывают у людей смех. Менталитет, лежащий в основе черного юмора Гриммельсгаузена, можно найти и в еврейском юморе.

Подобно тому, как менее идеальные римские императоры вызывали насмешки, лидеры нацистской империи постоянно сравнивались с арийскими образцами, которые они пропагандировали. "Дорогой Бог, пожалуйста, сделай меня слепым, чтобы я мог сказать себе, что Геббельс выглядит арийцем", - была популярная в то время присказка. Является ли эта "молитва" словесной атакой или безобидной шуткой, не имеет значения. Более примечательно, что, как бы вы к ней ни относились, этот вид немецкого политического юмора расцвел при тоталитарном правлении, а не в открытом, свободном и демократическом обществе. Бесчисленные артисты кабаре могут высмеивать современных немецких политиков, но, как и в Веймарской республике, спонтанно придуманные, популярные политические шутки сегодня не так распространены, как в Третьем рейхе или коммунистической Восточной Германии.

В ретроспективе Вильгельмовская Германия кажется промежуточной между этими двумя крайностями. Зафиксировано мало политических анекдотов того времени, но это может быть связано скорее с отсутствием интереса исследователей, чем с отсутствием антиправительственной сатиры того периода. Ученый Ральф Винер собрал несколько примеров. Они состоят из добродушных шуток и коротких анекдотов, столь же вычурно барочных, как и монархия, для которой они были придуманы. Политический юмор при кайзере становился по-настоящему абсурдным и язвительным только тогда, когда его мишенью становился зловещий рост милитаризма. Бездумное повиновение прусских солдат и взрыв имперской бюрократии были легкой добычей для шутов в вильгельмовской Германии.

Следующий пример - одна из лучших шуток того времени:

Во время восстания туземцев в Германской Восточной Африке имперское министерство в Берлине отдало следующий приказ своим представителям на местах: "Туземцы должны быть проинструктированы, что под страхом суровых наказаний о каждом восстании должно быть объявлено в письменном виде за шесть недель до его начала".

С нашей точки зрения, шутка не так уж смешна, но в ней есть ряд явлений, характерных для той эпохи, включая ошибочное и жестокое поведение запоздалой колониальной Германии и невозможно многословный бюрократический язык имперских государственных служащих, от которого не избавлены даже их африканские подданные. Для граждан Вильгельминской империи эта история, возможно, имела грубый шарм - привлекательность, которую мы сегодня можем только представить.

Имперское руководство было свинским и самодовольным, а правила, определяющие, кто находится на вершине, а кто в подчинении, были жестко зафиксированы. Бюрократия была устаревшей и склонной к вмешательству в жизнь людей. В целом, вильгельмовские немцы примирились с устаревшим общественным строем. С высоких высот немецкий кайзер управлял государством, которое часто казалось изумленным и немного испуганным тем, насколько большим оно стало. Кайзер Вильгельм II со своими восковыми усами имел мало общего с простыми смертными, многим он казался скорее памятником самому себе, чем человеком из плоти и крови. Однако позерство немецкого руководства не осталось незамеченным народом, и шутки этого периода часто высмеивали потусторонность и тщеславие кайзера. Но эти юмористические высказывания в адрес Вильгельма II были относительно бескровными и безобидными. Даже следующая шутка, направленная на культ личности, окружавший монарха, не имеет реальной силы по сегодняшним меркам:

Покупатель заходит в отдел подарков большого универмага, чтобы купить себе сувенир на память. Но все, что он видит, - это бюсты и еще больше бюстов кайзера. Они сделаны из гипса, и нет никакой видимой разницы между ними. Покупатель стоит в растерянности, пока к нему не подходит продавец, откашливается и вежливо спрашивает: "Вы сделали свой выбор?"

Здесь нет особого напряжения. Ударная фраза совершенно мягкая - никакое воображение не сможет найти в ней ничего комичного, язвительного или критического. Шутка указывает на абсурдность вездесущности кайзера, который уже стал памятником, но она явно не

предназначена для чего-то большего, чем вызвать у слушателей легкую улыбку.

Столь же безобидной, хотя и несколько более смелой, была первая публикация Курта Тухольского, уроженца Берлина, который стал величайшим сатириком Веймарской Германии. В 1907 году его задержали в школе из-за плохих оценок по немецкому языку. Но 22 ноября того же года в сатирическом журнале "Ульк" 17-летний юноша опубликовал небольшое произведение под названием "Сказка":

Жил-был кайзер, правивший бесконечно большой, богатой и прекрасной землей. Как и все другие императоры, он владел палатой, полной сокровищ, в которой среди всех блестящих и сверкающих драгоценностей лежала труба волынщика. Это был странный инструмент. Если заглянуть в одно из четырех отверстий, то можно было увидеть чудеса! Там был пейзаж, крошечный, но полный жизни: пейзаж Томаса с облаками работы Бёклина и озерами работы Лейстикова. Крошечные женщины в стиле Резничека воротили носы от фигурок карикатуриста Зилле, а крестьянка Менье несла охапку цветов работы Орлика. Короче говоря, все "современное" немецкое искусство было в трубе. А кайзер? Он не мог дать свисток.

Текст Тухольского ставит под сомнение обыденный вкус монарха в искусстве. Вильгельма II не интересовали ни миниатюрные фигурки Константина Менье, ни натюрморты соратника поэта Рильке Эмиля Орлика. Все новое и современное, что увлекало 17-летнего Тухольского, просто отскакивало от императора, который застрял в прошлом. Правитель в этой сказке не видит за деревьями леса. Он понятия не имеет, какие великие таланты таит в себе его империя.

С другой стороны, тот факт, что хрупкий, несгибаемый правитель немцев приведет их к мировой войне, размеры которой он сам предвидел менее отчетливо, чем кто-либо другой, никогда не становился темой для политических шуток. Энтузиазм немцев по поводу войны и их пылкий патриотизм изначально были слишком наивными, а последовавшее за этим разочарование наступило слишком внезапно. Вильгельм II не смог обеспечить пресловутую прогулку по Парижу. Вместо этого немецкое население получило

мучительно долгую и чрезвычайно жестокую войну с ожесточенными фронтами, которая закончилась поражением Германской империи. Однако только после ее окончания немецкие сатирики открыли для себя войну как тему. Среди них был и Курт Тухольский, чья журналистская карьера прервалась, когда его призвали служить на фронт.

ЕГО ПОРАЖЕНИЕ изгнало кайзера из Германии, но помпезность, одержимость военной дисциплиной и другие негативные артефакты прусской культуры остались. После бегства Вильгельма II в 1918 году консерваторы стали рассматривать кандидатуру Пауля фон Гинденбурга, и в 1925 году фельдмаршал был избран имперским президентом - своего рода эрзац-кайзером. Эта странная фигура так и не смогла вписаться в демократию и модернизированное государство Веймара. Его мышление, поведение и весь облик были слишком ориентированы на прошлое. Неудивительно, что немцы с особым удовольствием смеялись и шутили над этим реликтом ушедшей эпохи.

И опять же, шутки были примитивными и безобидными, даже ласковыми. Следующий пример остроумия - это замаскированное признание в любви:

После битвы при Танненберге в 1914 году фельдмаршал Пауль фон Гинденбург посетил Франкфурт-на-Майне. Он остановился перед незнакомым зданием и спросил, что это такое. "Это собор Святого Павла", - объяснил кто-то. С характерной скромностью Гинденбург ответил: "О, вам не стоило беспокоиться, я здесь всего на несколько дней".

Эта шутка играет на непомерном эго Гинденбурга, а также, кстати, на его предполагаемом незнании демократической истории: Собор Святого Павла был местом проведения первого немецкого национального собрания в революционном 1848 году. Но его невежество, как и его самомнение, изображено с симпатией, как простительный человеческий недостаток.

В Третьем рейхе рассказывали один и тот же анекдот про Германа Геринга: Имперский маршал Геринг посещает памятник вождю

германских племен Герману в Тевтобургском лесу и говорит: "О, не стоило". Многие шутки о Гинденбурге спустя десятилетие стали появляться в виде шуток о Геринге. Причина была проста. Оба мужчины любили помпезные публичные выступления и византийское великолепие, и грудь обоих была усыпана медалями. Одна популярная шутка про Гинденбурга, вероятно, появилась еще до Веймарской республики:

Жалоба Святого Петра: "Каждый раз, когда Гинденбург приезжает на выходные, я обнаруживаю пропажу звезды".

Эта мягкая шутка была также рассказана о Геринге во времена Третьего рейха. И, как и в случае с Гинденбургом, она не несла в себе никакого жала. Напротив, это было словесное конге перед своим объектом, не критика, а скорее выражение восхищения и уважения к этой многократно орденованной груди, несмотря на детскую любовь награжденного к публичной демонстрации своих почестей, а может быть, именно благодаря ей. Действительно, в подобных анекдотах Третьего рейха не прослеживается ненависть к партийным верхам, несмотря на то, что многие редакторы, составлявшие сборники таких "анекдотов шепотом" после конца нацизма, пытались это внушить.

Ни один из приведенных выше анекдотов не является спонтанным или саркастическим, а основной анекдот, предположительно, существовал в той или иной форме задолго до этого. Они относятся к тому жанру политического юмора, в котором оболочка древнего анекдота просто наполняется содержанием, соответствующим своему времени. Некоторые модели человеческого поведения настолько очевидны, что могут пережить любую смену системы или режима. По своей сути такие шутки аполитичны, даже если они направлены против известного политического деятеля. Особым долголетием отличается следующая шутка: В Германии вводится новая мера. Один гёр равен максимальному количеству медалей, которые можно повесить на грудь одного человека. В коммунистической Восточной Германии название меры было изменено, чтобы перенаправить ударную реплику на секретаря партии и политического лидера Вальтера Ульбрихта и

известного подхалима-ведущего новостей на восточногерманском телевидении Эдуарда фон Шницлера:

В конце шестидесятых годов в Восточной Германии была введена новая мера: Ульб.

Один ульб - это время, которое требовалось восточному немцу, чтобы встать со стула и переключить канал, когда по телевизору выступал секретарь. А что такое одна сотая часть ульба? Шнитц. Таким образом, шутка была не только адаптирована к послевоенному коммунистическому обществу, но и расширена для него. Однако идея шутки не расширена, а просто повторена, что делает шутку более многословной и значительно снижает ее комическую эффективность.

Шутка по-прежнему работала в коммунистической Восточной Германии благодаря не ее актуальности, а ее формуле, которая поднимает любопытство, создает напряжение, а затем заканчивается умной ударной фразой. И нацистский, и коммунистический варианты можно классифицировать как политические только потому, что их субъектами являются представители правящего класса. Этих лидеров называют тщеславными и усыпляющими, но ни один из этих недостатков не является гротескным нарушением социальных норм или злодеянием против цивилизации, поэтому шутки не несут в себе большой подрывной политической силы. Это приятные языковые уловки, призванные вызвать улыбку, не более и не менее.

Следующая загадка, появившаяся в конце Первой мировой войны, несколько более критична:

Кто спасется, если кайзер, канцлер и их генералы утонут во время морского путешествия? Германия.

Та же самая шутка была рассказана в конце Второй мировой войны, а в качестве людей за бортом оказались Гитлер, Геринг и Геббельс. На 17 лет эта подрывная загадка была забыта, а затем извлечена из нафталина, когда немецкие города подвергались бомбардировкам, а нацистский террор находился в предсмертной агонии. Но хотя шутка выражает надежду на то, что политическое руководство будет

уничтожено, она скорее фаталистическая, чем зажигательная. Страну спасает счастливый случай, сверхчеловеческая сила моря, а не восстание людей. Немецкий народ не призывают к восстанию, а просят молиться о спасении благодаря маловероятному повороту судьбы. В другом варианте этой шутки Гитлер сидит в бункере, и в него попадает бомба. В этом случае враг - все еще не немецкий народ - берет на себя роль тираноубийцы от природы. Третья шаблонная шутка, имеющая еще более долгую историю, в своем первоначальном виде лишена горького сарказма предыдущего примера. Впервые он был рассказан за счет Густава Штреземана, канцлера, а затем министра иностранных дел во времена Веймарской республики, который постоянно подвергался нападкам за подписание спорных международных соглашений:

Штреземанн едет на поезде, и инженер вынужден остановиться на небольшой станции из-за повреждения путей впереди. После этого начальника станции арестовывают. Почему? Потому что как раз в тот момент, когда Штреземанн сходит с поезда, несчастный служащий говорит запаниковавшим пассажирам: "Пожалуйста, сойдите вниз".

Смысл фразы - призыв к Штреземанну уйти в отставку - немного колкий, и в демократической системе у кассира не было бы больших проблем. Но в условиях диктатуры такая шутка становится гораздо более взрывоопасной. По свидетельству современника Карла Шульца, артист берлинского кабаре Вернер Финк перед самым началом Второй мировой войны исполнил скетч Гитлера, похожий на эту шутку. Нужно было иметь мужество, чтобы выйти на сцену на глазах у тайной полиции и осведомителей, которые могли находиться в зале. Шульц описывает эту сцену:

После прихода нацистов к власти был издан указ о том, что во всех правительственных учреждениях должна висеть фотография Гитлера. Вернер Финк придумал из этого комический номер... Вилли Шеффер [директор кабаре] вынес фотографию на сцену так, что зрители могли видеть только задник. Однако все зрители подумали: "Это фотография Гитлера". Вдруг Шеффер споткнулся и чуть не уронил картину. Финк

поспешил к нему, призывая: "Не падайте, не падайте!" - что было встречено громким смехом.

Сегодня эта шутка может показаться слабой, но, учитывая напряженное настроение в нацистской Германии перед началом Второй мировой войны, скетч не был лишен подрывной силы. Никому не разрешалось думать вслух на публике о том, что Гитлер будет свергнут. Дерзкий скетч Финка жил тем, что не было видно, но происходило в сознании зрителей. Тот факт, что люди смеялись, показывал, что они поняли шутку. Когда люди смеялись над своим престарелым имперским президентом в последние годы Веймарской республики, не было необходимости в уловках. Непопулярная демократия была на последнем издыхании, как и высший представитель государства. В годы, предшествовавшие его смерти, Пауль фон Гинденбург все больше отстранялся от общественной жизни. Он жил в уединении в своем поместье, окруженный людьми, которым он покровительствовал, и подхалимами. Прусский фельдмаршал передал большую часть своих полномочий правительственному кабинету, который с радостью продолжал заниматься привычными делами, в то время как надвигалась большая политическая катастрофа.

Сдержки и противовесы, заложенные в политическую систему Веймарской республики, оказались совершенно недостаточными для контроля над фюрером нацистской партии. Доверенные лица Гинденбурга - его собственный сын Оскар и его заместитель Отто Майсснер - не могли сравниться с Гитлером, который прошел путь от баварской местной политики до самого Берлина. Гинденбург был единственным национальным политиком, который мог бы сдержать провинциального демагога. Но стареющий лидер, как и электорат, не был заинтересован в сохранении непопулярного Веймарского государства. Однако немцы не были настолько разочарованы в политике, чтобы не заметить постепенную потерю власти своим президентом. Они так и сделали, и это послужило основой для следующей шутки, популярной в Берлине:

Однажды Оскар фон Гинденбург и Отто Майсснер поспорили о том, кто должен принимать решение от имени их лидера. В конце концов, Майсснер сказал: "Слушай, кто здесь президент? Ты или я?"

Многие немцы поняли, что ни Оскар фон Гинденбург, ни Майсснер не смогут занять место старого патриарха. В то же время появились слухи и шутки о якобы растущей дряхлости патриарха.

Согласно одной истории, после того как Гитлер приехал на встречу с Гинденбургом в его поместье Гут-Нойдек, президент спросил, с каких пор Генрих Брюнинг (бывший канцлер Германии) носит усы. Анекдот, скорее всего, был апокрифическим, но он удивительным образом предвосхитил то, что должно было произойти в реальности - по крайней мере, по словам самого Гитлера, который утверждал, что во время последней встречи со смертельно больным фельдмаршалом Гинденбург обратился к нему "Ваше Величество".

Другую шутку, которая в разных вариантах ходила в конце Веймарской республики, трудно перевести, поскольку она обыгрывает двойное значение немецкого слова Blatt - "лист" и "лист бумаги":

Уборщик улиц в десятый раз за день сгребает листья перед президентским дворцом. Прохожий спрашивает его: "Почему ты снова сгребаешь?". Он отвечает: "Потому что иначе президент их подпишет". То, что президент подпишет все, что угодно, было пророческим. Веймарская республика, по сути, закончилась с подписью Гинденбурга на листе бумаги, сделавшей Адольфа Гитлера канцлером Германии. О последних днях умирающей демократии и приходе нацистов к власти написано много, и нет необходимости повторять это здесь. Нацистская диктатура означала исчезновение общества, которое породило процветающую культурную жизнь "золотых двадцатых", рай для тех, кто имел возможность и финансовые ресурсы, чтобы принять в ней участие.

Для сатириков и комедиантов Веймарская эпоха была временем относительного процветания. Особенно в блистательном Берлине, где повсюду возникали сцены кабаре и подвальные театры, а немецкая кинокомпания UFA снимала бесчисленные комедии прямо у ворот

города. Директором студии был неприятный и высокомерный Альфред Хугенбюрг, человек крайне правых взглядов, который создавал глупые комедии, чтобы отвлечь население, страдающее от инфляции и безработицы, от мрачных будней. Большинство этих аполитичных постановок были забыты - и по праву. Исключением стал грандиозный хит 1930 года "Трое с бензоколонки" с комическим актером Хайнцем Рюманном в главной роли. Его смотрят и сегодня. Устойчивая популярность этого наивно смешного фильма вряд ли объясняется его простой сюжетной линией. Секрет его довольно детского очарования заключался в продуманных музыкальных интермедиях. Такие песни, как "Друг, друг, друг, нет ничего лучше на свете...", до сих пор хорошо известны в Германии.

Сложные и часто совершенно глупые гэги, которые занимают в фильме больше места, чем сюжет, легко простить как продукт эпохи. Фильм не нагромождает действие в суматошном темпе эпохи постмодернизма. Вместо этого он черпает жизнь в утвердительном очаровании "золотых двадцатых".

Звездный состав актеров также обеспечил фильму массовую привлекательность. Фильм "Трое с бензоколонки" ознаменовал начало переменчивого взлета молодого комика Рюмана, который быстро стал национальной звездой и личным фаворитом Геббельса, в то время как его коллегу, еврейского артиста кабаре Курта Геррона, постигла куда менее счастливая судьба. В фильме "Трое с бензоколонки" Геррон изображает нахального адвоката, который в необычайно абсурдной манере сообщает герою фильма, что они банкроты. Одним из кульминационных моментов картины стал почти дадаистический телефонный обмен между Рюманном и Герроном. Это было столкновение двух талантов - молодого с блестящим будущим и старшего, который уже вышел из зенита своей карьеры.

Геррон, прекрасно сыгравший роль сомнительного фокусника в фильме Йозефа фон Штернберга "Голубой ангел", в начале 1930-х годов сделал успешную режиссерскую карьеру. Но больше всего он запомнился как симпатичный актер с избыточным весом. Он и его коллеги еврейские комики задавали тон в годы между войнами.

Юмористический мир двадцатых годов был стремительным, полным артистов кабаре, клоунов и сатириков, таких как Геррон или Отто Вальбург, который в пятидесяти фильмах сыграл широкий спектр благонамеренных персонажей, от простых парней до государственных консулов. Прежде всего, Вальбург был популярен своей странной, заикающейся речью, или "блеянием", которая привлекала множество подражателей. Другой важной фигурой был Вилли Розен, чьи умные музыкальные аранжировки приводили в восторг зрителей в ряде известных берлинских театров, включая "Скала" и "Кабаретт дер Комикер".

В Вене, которая была другой столицей еврейского юмора, уступая лишь Берлину, жил блестящий Фриц Грюнбаум, маленький, ласковый, остроязычный актер, и его партнер Карл Фаркас, человек с большим кривым носом и удивительным талантом к импровизации. Фаркас был известен своей способностью спонтанно придумывать рифмы к словам, выкрикиваемым зрителями. Современник писал о его выступлении:

Однажды антисемит в аудитории попытался спровоцировать его, попросив найти рифму к слову "еврейский вор". Он взял розу из вазы и сказал: "Вот роза, а вот лист. Вот еврей, а вот вор".

Грюнбаум и Фаркас были венским эквивалентом Лорела и Харди как по известности, так и по популярности. Пол Морган был еще одним популярным комическим актером; Фридрих Холлендер сочинил большую часть музыки, использовавшейся в спектаклях. Список можно продолжить. Это был золотой век еврейской комедии, и вся Австрия смеялась вместе со звездами. Но через несколько лет все это закончилось. Остроумные замечания о повседневной жизни, ироничные куплеты и умные диалоги замолчали. Некоторые еврейские комики уехали в изгнание. Но Курт Геррон, Отто Вальбург, Вилли Розен, Фриц Грюнбаум и многие другие погибли в гитлеровских лагерях смерти.

III. ЗАХВАТ ВЛАСТИ НАЦИСТАМИ

Когда нацисты пришли к власти в 1933 году, они уже прошли зенит своей популярности. На национальных выборах 6 ноября 1932 года НСДАП, или (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия), оставалась сильнейшей партией, но она потеряла около двух миллионов голосов и 34 места в парламенте, в основном уступив партиям крайне левого толка и консервативным националистам. Путь к власти казался закрытым, но слабые места в политической системе Веймарской республики сговорились с несчастливым созвездием лидеров во главе немецкого государства и позволили Гитлеру стать канцлером в следующем году. Оглядываясь назад, становится слишком очевидным, что ведущие политики недооценили нацистского лидера, который легко натравливал друг на друга своих бесталанных соперников.

Тем не менее, трудно понять, как политический истеблишмент мог позволить так манипулировать собой. На публичных выступлениях Гитлер колебался между неловкостью и высокомерием и часто выглядел не более чем надутым болваном из пивной палатки. Мероприятия нацистской партии были столь же пронзительными, сколь и соблазнительными, а их лидер представлял собой причудливую фигуру, смешивая евреев и "большевиков" в бесконечных тирадах и проповедуя ценности немецкого народа, публикуя при этом беспорядочные книги, написанные на убогом немецком языке. Столпы веймарского общества слишком хорошо знали, насколько заблуждающейся и экстремистской была нацистская идеология, и, возможно, по этой причине они не понимали, насколько опасным мог быть ее главный выразитель. Напротив, они думали, что смогут укротить выскочку Гитлера, наделив его политической ответственностью. Мало кто из его современников понимал, что он был не просто вспыльчивым демагогом, а хитрым тактиком, умевшим маневрировать и менять свои позиции. У большинства буржуазных немцев НСДАП ассоциировалась с головорезами из штурмовиков СА, Sturmabteilung, которые маршировали по улицам в мешковатых военных штанах, производя много шума. Их самозваный "фюрер" с его

нелепыми усами был преступно недооценен. Например, автор этого полицейского отчета за 1927 год был совершенно не впечатлен ораторским искусством Гитлера:

[Гитлер] говорит без записок, вначале растягивая слова, чтобы сделать акцент. Позже слова вырываются, а в слишком драматичных пассажах его голос напряжен и едва понятен. Он размахивает руками, возбужденно прыгает взад и вперед и, кажется, все время пытается увлечь свою внимательную тысячную аудиторию. Когда его прерывают аплодисментами, он театрально вытягивает руки. Слово "нет", которое неоднократно встречается в конце его речи, звучит по-стариковски и подчеркнуто. Сам по себе его талант оратора был... для этого репортера ничего особенного.

Гитлер как комическая фигура? Когда мимо маршировали причудливые ряды мужчин СА в коричневых рубашках, распевая "германские" песни, многие левые интеллектуальные наблюдатели того времени не знали, смеяться им или плакать.

Новое политическое движение было одновременно напыщенным и гротескным, а назначение Гитлера канцлером Германии, вероятно, показалось его многочисленным немецким недоброжелателям неудачной шуткой. Один из современников вспоминает триумфальные шествия нацистов после прихода Гитлера к власти:

В свете факелов лица под фуражками СА почти напоминали лица воинов с пропагандистских плакатов нацистов. Мы часто высмеивали эти нордические профили. Мы слишком хорошо знали унылые лица наших противников. Но теперь они были здесь, фактически маршировали мимо нас, опьяненные своим триумфом, выкрикивая свою идиотскую любимую песню: "Когда еврейская кровь хлынет из ножа, вернутся счастливые дни". Но эти отряды головорезов и их руководство были серьезны в своих убийственных словах. "Теперь начнется процесс чистки во всех областях", - заявил главный идеолог Гитлера Альфред Розенберг вскоре после того, как партия захватила власть.

В январе 1933 года состоялось первое заседание кабинета министров Гитлера, на котором нацистский лидер якобы находился под сдерживающим влиянием своих партнеров по коалиции из основных партий. Но представители политического разума вскоре попали под влияние люпинового обаяния Гитлера. Подобно уличной публике, они были ослеплены маршами и пропагандистскими зрелищами в первые дни правления нацистов и быстро стали не более чем марионетками, по мере того как Гитлер укреплял свою власть. Дух времени, казалось, благоприятствовал национал-социалистам. С поразительной быстротой Гитлер осуществил свои планы по избавлению от многопартийной демократии "законными" методами. Ему удалось это сделать не только потому, что нацисты действовали безжалостно и эффективно, но и потому, что конкурирующие политические силы оказывали вялое сопротивление. Общее настроение граждан также подорвало способность Веймарского государства противостоять атаке изнутри. Гитлеру удалось направить эмоциональную энергию, высвобожденную в результате прихода нацистов к власти, в русло ощущения, что все становится лучше. Новый энтузиазм, порожденный политическим мейнстримом, сопровождался чувством облегчения, даже радости, что демократии приходит конец. Многие немцы чувствовали, что система была неэффективной, устаревшей и неспособной решать проблемы. Гитлер в одночасье добился того, чего Веймарская республика не смогла сделать за пятнадцать лет: он завоевал сердца людей.

С изменением политических настроений и растущим желанием иметь сильное политическое руководство критика Гитлера отошла на второй план. Немецкий юмор тоже сменил сторону. Многие комики присоединились к политическим победителям, хотя от этого их шутки не стали смешнее. Исполнитель кабаре Дитер Хильдебрандт, который провел свое детство в Третьем рейхе, вспоминает вечер развлечений, организованный гитлерюгендом, на котором старшие члены играли в кабаре сценку, высмеивающую веймарскую политику:

"Что трогало людей в Германии, что заставляло их раздирать бока от смеха, так это старая, затхлая Веймарская республика и ее демократия. Вся публика разделяла эту точку зрения и каталась по полу, хихикая".

В тот вечер, о котором идет речь, сценка разыгрывалась в парламенте. Один из мальчиков, переодетый депутатом парламента, все это время спал. Когда вдруг зазвонил будильник, зрители закричали от восторга. У другого депутата был дефект речи, у третьего - проблемы с метеоризмом. Весь вечер был посвящен высмеиванию демократии, у которой истек срок годности, и зрители не могли насытиться. Таково было настроение. Уже тогда существовала поговорка: Немцы не просто отвергали демократию - они ее люто ненавидели. Но они также не хотели возвращения прежней монархии. Это тоже отталкивало их. В этом смысле нацисты появились на сцене точно в нужный момент".

Единственным аспектом возвышения нацистов, вызвавшим недовольство народа, была быстрота, с которой партийные верхи захватили желанные позиции в обществе. На всех фронтах, от полиции до гражданских учреждений, люди были вытеснены со своих рабочих мест и заменены лояльными партии людьми. Скорость, с которой это происходило, была беспрецедентной. Например, в крупнейшей бюрократической структуре Германии, МВД Пруссии, для проведения политической "чистки" были назначены десятки "добровольных комиссаров". Они сразу же начали увольнять людей и нанимать им замену.

Не все были довольны новыми карьерными путями, открывавшимися перед фашистскими приверженцами, и в шутках того периода можно найти немало колкостей в адрес нацистских социальных альпинистов. Больше всего люди беспокоились о собственном благополучии, которое внезапно оказалось под вопросом. Что произойдет, если ваш новый директор, вышестоящий комиссар или начальник отдела окажется нацистом? Как договориться с новым фашистским начальством? Эти опасения были выражены в ряде саркастических шуток. Один непереводимый пример обыгрывал партийную аббревиатуру НСДАП. Буквы, как гласила шутка, на самом деле означали "Na? Suchst du auch Pöstchen?" - "Значит, вы тоже ищете удобную маленькую работу?". Для беспартийных страх потерять власть и привилегии в пользу нацистов вряд ли был необоснованным, и такие опасения волновали немцев гораздо больше, чем беспокойство за своих еврейских сограждан или членов политической оппозиции,

хотя нацисты не оставляли сомнений в том, что будущее будет крайне неприятным для обеих групп. Благотворительность, если говорить о будущем, начиналась дома.

Опрашивая свидетелей этой истории и анализируя шутки того времени о фашистских чиновниках и неофициальных шерифах общин, можно быстро прийти к выводу, что граждане гитлеровской Германии в тот момент не воспринимали мелких нацистов всерьез. Немцы воспринимали их не как исполнителей глубоко преступного режима, а скорее как наглые комические фигуры, пробивающие себе дорогу в общественную сферу. В одной из шуток обыгрывались случайные выпады против "реакционеров", встречающиеся в нацистской пропаганде:

Вопрос: Что такое реакционер? Ответ: Тот, кто занимает хорошо оплачиваемую работу, желанную для нацистов.

Похожей по направленности, хотя и несколько более оригинальной, была другая популярная шутка:

Кухарка пытается приготовить жареный картофель без сала и начинает размахивать над духовкой знаменем со свастикой. Когда ее спрашивают, почему, она отвечает: "Под этим флагом, похоже, многие сальные задницы выходили очень хорошо".

Одним из нацистских верзил, который особенно грубо брал то, что хотел, был министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп. В 1939 году, после аннексии Австрии, фон Риббентропу приглянулся идиллический замок Фушль, и он просто лишил его владельца, Густава Эдлера фон Ремиза, собственности. Это вынужденное вступление в ряды земельной знати принесло ему прозвище "фон Риббенсноб". Грубое поведение Риббентропа и других фашистских чиновников расстраивало немецкое население гораздо больше, чем жестокие нацистские погромы. Сомнения населения в отношении партии были выражены в политическом анекдоте, в котором использовались два значения немецкого слова wählen: "набирать номер телефона" и "голосовать за кого-то": Звонит телефон, и мужчина говорит: "Алло, могу я поговорить с Мюллером?". "С кем?" "Мюллер.

Мюллер на месте?" "Нет, меня зовут Шмидт". "Ой, извините, я, наверное, набрал не того человека". "Ничего страшного, мы все так делали на последних выборах".

Сам Гитлер не был избран напрямую, но как лидер партии, занявшей первое место на всеобщих выборах, он получил от президента Пауля фон Гинденбурга задание сформировать коалицию для захвата государственной власти. Тем не менее, в первые дни существования Третьего рейха не существовало значительной антигитлеровской оппозиции. Напротив, исторические современники постоянно вспоминают время перед Второй мировой войной как "хорошие годы" нацизма, период, когда безработица снизилась и немцы снова начали чувствовать себя уверенно после десятилетия глубокой неуверенности и депрессии. Сейчас такое отношение может показаться циничным, если учесть, что вместе с экономическим подъемом пришло все большее число правительственных строгостей, быстрое уничтожение гражданских прав и жестокое подавление оппозиции. Тем не менее, огромное количество людей чувствовали, что ситуация изменилась к лучшему.

Заметное улучшение экономики и юношеский оптимизм, который распространяли нацисты, заслоняли темную сторону режима. Кроме того, Гитлер знал, как представить свой безжалостный захват власти, который распространялся на самые незначительные должности, как "национальное восстание". Общественность практически не сопротивлялась светлому будущему, о котором постоянно трубило Министерство пропаганды. Идеологические приемы, которые Йозеф Геббельс использовал для ослепления немецкого населения, были эффективны. Муссолини потребовалось семь лет, чтобы собрать в Италии такую власть, которую нацисты смогли захватить в Германии за считанные месяцы. Оставшиеся парламентские структуры быстро рухнули, отчасти потому, что им изначально не хватало народной поддержки. Люди на улицах подавляли беспокойство, которое они могли испытывать по поводу быстрого и жестокого захвата власти Гитлером, и говорили себе, что бесполезно идти против течения. Отдельные немцы подавляли беспокойство по поводу ужасных последствий, ожидавших многих их сограждан, или просто

игнорировали их. Их больше заботило собственное место в новом арийском расовом сообществе.

Показательно, что в течение нескольких месяцев после прихода Гитлера к власти ряды нацистской партии пополнялись. Люди со всего политического спектра отказывались от традиционных приверженцев и вступали в НСДАП, особенно часто происходило обращение от коммунистов. И сам Гитлер, и население с недоумением отмечали количество так называемых "мартовских фиалок", опоздавших вступить в нацистскую партию. Один из популярных анекдотов гласил:

[нацистский министр труда] Лей посещает завод и после экскурсии спрашивает директора о политических взглядах его рабочих. "У вас еще есть социал-демократы?". "Да, около 80 процентов". "А центристы?" "Конечно, около 20 процентов". "Но это значит, что у вас нет национал-социалистов?". "Конечно, есть. Они все теперь нацисты".

В целом, шутки первых лет Третьего рейха были не более чем безобидным подтруниванием над режимом, и их можно было рассказывать на публике, не опасаясь репрессий. "Мы не были встревожены", - вспоминает Карл-Людвиг Шульц из Берлина, живший в тот период. "Но в Германии существовала своего рода политкорректность, и она начала приводить к конкретным актам угнетения, как только началась война".

Шутки, затрагивающие нацистскую жестокость, были очень необычными. Гораздо чаще немцы смеялись над нацистскими привычками и обычаями, которые имели свою смешную сторону. Одним из ярких примеров было нацистское настаивание на "немецком приветствии" - приветствии поднятой рукой, которое Гитлер скопировал у итальянских фашистов. Нацистские пропагандисты не уставали призывать немцев демонстрировать таким образом свою лояльность. "Когда вы как немец входите в какое-либо место, - гласил лозунг одной из таких кампаний, - вашими первыми словами должны быть "Хайль Гитлер!". "Только самые ярые нацисты чувствовали себя комфортно, используя новое приветствие, но оно быстро стало

обязательным для всех общественных зданий и всех правительственных ситуаций. Жители Кельна вскоре придумали шутку, связанную с этим ритуалом, используя две фигуры из местного фольклора, Тюннеса и Шеля:

Тюннес и Шель идут по коровьему пастбищу, когда Тюннес наступает на кучу коровьего дерьма и чуть не падает. Тут же он поднимает правую руку и кричит: "Хайль Гитлер!". "Ты с ума сошел?" - спрашивает Шель. "Что ты делаешь? Здесь больше никого нет". "Я следую правилам", - отвечает Тюннес. "Каждый раз, когда ты входишь куда-либо, ты должен говорить "Хайль Гитлер". "

Но намерения, стоящие за этим приветствием, не были смехотворны. Приветствие и слова "Хайль Гитлер" были лакмусовой бумажкой, по которой нацисты могли определить, является ли человек союзником или потенциальным врагом. Бывшие социал-демократы или коммунисты не всегда с энтузиазмом выполняли этот странный жест, но те, кто его не выполнял, могли столкнуться с серьезными последствиями. В одном случае власти забрали ребенка у родителей после того, как он несколько раз не смог произнести это приветствие в школе. Однако это было в 1940 году, когда политическая напряженность уже возросла и немцы привыкли к этому обычаю. В первые годы рейха большинство людей все еще считали это приветствие тревожным и сделали его основным элементом политического юмора. В одной шутке говорилось, что пока немцы будут говорить "Хайль Гитлер", не будет больше "хороших дней", поскольку приветствие "Хайль Гитлер" заменило более типичное "хороший день". Одной из самых смешных шуток того времени была следующая:

Гитлер посещает психушку, где все пациенты послушно исполняют немецкое приветствие. Вдруг Гитлер замечает одного человека, у которого рука не поднята. "Почему вы не приветствуете меня так же, как все остальные", - шипит он. Тот отвечает: "Мой фюрер, я санитар, а не сумасшедший!".

Менее забавными были шутки, каламбурящие на двух значениях слова "хайль": "приветствовать" и "исцелять". В одной из них врач из другой

психушки в ответ на "Хайль Гитлер!" отвечает "Лечите его сами!". Во многих шутках о приветствии использовался тот же каламбур. Ниже приводится шутка (ошибочно приписываемая мюнхенскому комику Карлу Валентину):

Пьяница проходит мимо продавца на улице, который кричит: "Heilkräuter!" ("Лекарственные травы!"). "Heil Kräuter?" - размышляет он. "У нас должно быть новое правительство".

Многочисленные пародии на "немецкое приветствие", возможно, позволяли тем, кто не слишком близко отождествлял себя с нацистской идеологией, избежать использования оскорбительной оригинальной фразы. При входе в бары было принято говорить "Drei Liter" ("три литра") или переиначивать "Heil Hitler" в "Heitler". Самая оригинальная пародия появилась благодаря группе молодых людей, которые называли себя "Дети свинга"; они восставали против духа времени, отращивая длинные волосы и слушая свинг, который нацисты отвергали как "черномазую музыку". Они приветствовали друг друга словами "Swing heil!". А поскольку немецкое приветствие на самом деле было итальянским, в одной шутке Иль Дуче приветствовал Дер Фюрера во время государственного визита словами "Ave, Copycat".

Однако, возможно, лучшим вариантом приветствия Гитлера было приветствие артиста из Падерборна: он научил своих дрессированных шимпанзе вытягивать руки в нацистском стиле. (По словам сына исполнителя, шимпанзе это нравилось.) Каждый раз, когда животные видели кого-то в форме, даже почтальона, они отдавали нацистское приветствие. Этот дадаистический переворот падерборнского комика, который был убежденным социал-демократом, вызвал гнев его "расовых товарищей", которые сообщили о нем властям. Вскоре было издано распоряжение, запрещающее обезьянам использовать гитлеровское приветствие, а наказанием за невыполнение было "умерщвление" животных. Когда дело доходило до выражения уважения к своему лидеру, нацисты не отличались особым чувством юмора.

27 ФЕВРАЛЯ 1933 года катастрофический пожар уничтожил Рейхстаг, и нацистское руководство восприняло это событие как возможность,

которой они воспользовались с инстинктивной уверенностью. Это стало началом процесса, в ходе которого нацисты заставили замолчать своих политических противников и разрушили демократическую систему. Геринг был первым нацистским лидером на месте пожара; вскоре после него прибыл Гитлер. Пока остатки здания еще тлели, оба решили свалить вину за катастрофу на коммунистов и социал-демократов: они заявили, что пожар был устроен намеренно, как первый акт зарождающегося левого восстания.

На самом деле, политические просчеты их руководства и снижение популярности в массах настолько ослабили немецких коммунистов, что они вряд ли смогли бы организовать эффективное общенациональное сопротивление нацистскому режиму. Но Геринга и Гитлера не интересовали различия между реальными и мнимыми угрозами. Они бдительно воспользовались моментом и арестовали около 4000 коммунистических функционеров, включая лидера партии Эрнста Тельмана. Они также нанесли удар по оппозиционным писателям, врачам и адвокатам. На следующее утро после пожара Гитлер предстал перед престарелым Паулем фон Гинденбургом и нарисовал самую мелодраматическую картину ситуации. Покоренный сценарием канцлера, последний президент Веймарской республики подписал Закон о разрешении, сделав Гитлера виртуальным диктатором и фактически лишив его прав, гарантированных Веймарской конституцией. В условиях чрезвычайного положения правительство могло отдавать приказы об арестах по своему усмотрению и было освобождено от любых правовых сдержек и противовесов. Было расширено применение смертной казни, а правительству было поручено обеспечивать "порядок" и "безопасность" везде, где это необходимо - положение, которое урезало права отдельных местных земель, составлявших Германию, и создавало монолитную центральную власть.

Скорость и эффективность, с которой нацисты ввели в действие свои меры после поджога Рейхстага, постоянно порождали догадки о том, кто же был настоящими поджигателями. После Второй мировой войны ходили упорные слухи, что Геринг сам отдал приказ о поджоге, и даже непосредственно после пожара многие немцы питали подобные

подозрения. То, во что верили люди, было связано не столько с имеющимися неопровержимыми фактами, сколько с политическими взглядами отдельных людей. То же самое касалось и иностранной прессы. Некоторые иностранные журналисты сразу же обвинили нацистов в том, что они сами устроили пожар, в то время как другие просто вели хронику споров о личности истинного виновника.

В конечном итоге нацисты обвинили голландского коммуниста, растерянного и частично слепого человека по имени Маринус ван дер Люббе. Но мало кто из тех, кто критически относился к нацистскому правительству, верил, что ван дер Люббе, используя всего несколько бытовых зажигалок, мог разжечь огонь, который уничтожил такое огромное сооружение. "Восемь дней до выборов, и тут такой грубый трюк, как поджог Рейхстага", - писал Виктор Клемперер в своем дневнике. "Я не могу представить, что кто-то верит в виновников-коммунистов, а не в заказную работу по заказу свастики". Другой современник, Рольф Роте, отмечал: "Этот молодой парень Ван дер Люббе, как мог он один поджечь Рейхстаг? Ни один человек не мог вызвать пламя в таком массивном каменном здании! Никто в это не верил. Это было бы полным абсурдом!".

Тайна, окружавшая пожар в Рейхстаге, стала отличным материалом для юмористов. Вскоре люди стали распространять бесчисленные шутки, в которых безошибочно, хотя и с разным комическим успехом, обыгрывалась идея о том, что пожар вызвали сами нацисты.

Эти шутки делились на две группы. Первая группа обвиняла в катастрофе СА и СС, которых многие немцы ненавидели и боялись. В одной из таких шуток был использован каламбур на букву S, омоним буквы Ess, по-немецки означающей знакомый императив "Ешь!":

Отец и его сын сидят за обеденным столом. Сын спрашивает: "Папа, а кто устроил пожар в Рейхстаге?". Отец отвечает: "Эсс, эсс [СС], и перестань задавать столько вопросов". Другие шутки в этом ключе были в форме загадок:

Q. Кто поджег Рейхстаг?

A. Братья Засс [SA+SS].

Q. В чем разница между регулярной армией и подразделением СА?

A. В армии говорят: "Готовься, настраивайся, огонь!". В СА говорят: "Приготовиться и поджечь!".

Вторая группа анекдотов возлагала вину не на нацистских головорезов, а скорее на самого Геринга. Был ряд веских причин, по которым его выделили. Он был известен как человек немедленных и хладнокровных действий. Будучи премьер-министром Пруссии, он также контролировал исполнительную власть, которой пользовался достаточно беспринципно. Но на показательных процессах после пожара, направленных на разоблачение "коммунистического заговора", выступления Геринга были настолько неуклюжими, что люди начали сомневаться в его честности. Один из обвиняемых коммунистов, Георгий Димитров, вел энергичную защиту, и его красноречие неоднократно загоняло Геринга в словесный угол. В итоге коммунисты были оправданы - серьезный конфуз для нацистского руководства.

Суд выпустил джинна из бутылки, и у нацистов не было возможности сдержать его. Во время процесса Димитров высказал подозрение, что нацисты сами устроили пожар, а поскольку процесс транслировался по радио в прямом эфире, подобные заявления невозможно было просто подавить. Сомнения относительно роли Геринга в пожаре попали прямо в гостиные немцев и стали предметом разнообразных острот: Вечером 27 февраля помощник Геринга приходит запыхавшийся в кабинет своего шефа и кричит: "Государственный премьер Геринг, Рейхстаг горит!". Геринг смотрит на часы, удивленно качает головой и говорит: "Что, уже?".

"Вчера Геринга видели на Лейпцигской улице". "Правда? А где был пожар?"

Время уничтожило большую часть улик, а показания свидетелей были противоречивы, поэтому нет возможности узнать, действительно ли Геринг был ответственен за разрушение Рейхстага. Можно предположить, что ни Гитлер, ни Геббельс не планировали поджог, так

как оба отреагировали шоком, услышав новость о том, что здание охвачено пламенем. В свете последних исследований наиболее вероятным, хотя и наименее эффектным, является сценарий, согласно которому ван дер Люббе действительно устроил поджог самостоятельно.

Мало оснований полагать, что какая-либо политическая партия поручила ему это сделать. У коммунистов не было мотивации, и нет веских доказательств участия нацистов. Ясно лишь то, что с 27 февраля 1933 года СА и Геринг, занимавший один из самых высоких постов в правительстве Германии, были окружены отвратительными подозрениями, которые поддерживались в бесчисленных шутках. Тем не менее, несмотря на гнев, вызванный результатами показательных процессов, и ущерб, нанесенный их собственной репутации, благодаря пожару нацисты сделали решающий шаг к укреплению своего правления.

Партии удалось сохранить вид, что Гитлер получил власть совершенно законным путем, даже когда она демонтировала Веймарскую конституцию, и в целом полагаться на максиму, что никогда народ так не готов мириться с несправедливостью, как в начале новой диктатуры.

В ТЕЧЕНИЕ нескольких месяцев после прихода Гитлера к чрезвычайной власти нацисты старательно уничтожали средства защиты, предоставляемые немецкой правовой системой. Их целью было привести все общество в соответствие с нацистской идеологией, если не добровольно, то принудительно. Одним из первых шагов стал указ "О защите немецкого народа", изданный 4 февраля 1933 года и позволявший новому правительству запрещать публикации и собрания своих политических противников. Гитлер предостерегал журналистов от "ошибок" в их репортажах, сопровождая предупреждения самыми страшными угрозами о том, что произойдет, если они этого не сделают. Другие меры следовали одна за другой. Красно-черно-золотой флаг Веймарской республики был заменен свастикой, а федеративное устройство Германии было упразднено декретом. Нацисты были особенно беспринципны в уничтожении местных

центров власти и централизации политической власти. В Баварии Гиммлер и начальник штаба СА Эрнст Рём заставили местного премьера уйти в отставку, а Геринг принял насильственные меры против всех, кто выступал против "национального восстания", пропагандируемого нацистами. Скорость, с которой развивались события, растущая свобода действий СА, сочетание патриотической агитации и голой жестокости произвели желаемый эффект на немецкое население. Новый режим представлял собой два лица: одно эйфорическое, а другое мрачное и угрожающее. Тех, кто был устойчив к фашистскому энтузиазму, систематически запугивали, заставляя подчиняться. Это вдохновило на следующую остроту, обыгрывающую слова braun, по-немецки "коричневый" - цвет, ассоциирующийся с СА, и schweigen, "молчать":

Поскольку все федеральные земли были приведены в соответствие, мы снова стали единым народом. Больше нет ни пруссаков, ни баварцев, ни тюрингов, ни саксонцев. Вместо этого мы все - брауншвейгцы. Эта реплика приобрела особую остроту благодаря тому, что город Брауншвейг очень рано, в сентябре 1930 года, избрал нацистское местное правительство и действительно предоставил Гитлеру, родившемуся в Австрии, немецкое гражданство. Натурализация, конечно же, была ключевым условием для того, чтобы Гитлер стал канцлером Германии.

С самого начала фашистские правители Брауншвейга сыграли решающую роль не только в приходе партии к национальной власти, но и в ее попытке привлечь в свои ряды протестантскую церковь. Веймарская республика провела секуляризацию немецкого государства. Государственные субсидии церквям были сокращены, и во многих частях Германии религия больше не играла доминирующей роли в школах. Это возмутило многих немецких священнослужителей. Нацистское правительство в Брауншвейге вновь ввело школьные молитвы и выплачивало субсидии. Эта политика возымела желаемый эффект. Треть протестантских священнослужителей Брауншвейга вступила в нацистскую партию, и вскоре крест и свастика красовались бок о бок на церковных изданиях.

Придя к власти на государственном уровне, нацистское руководство продолжило и даже расширило эту дружественную церкви политику. В официальных государственных актах всегда присутствовали религиозные атрибуты, а Гитлер в своих речах не уставал благодарить Бога за вновь обретенную власть. Конечно, это было не более чем маневрирование, чтобы заставить церковь идти в ногу с нацистской идеологией, но такие шедевры пропаганды приносили долгие дивиденды. Некоторые пасторы даже стали появляться на кафедре в коричневых рубашках и сапогах. Скептики однажды пошутили: "Гитлер бессилен против ладана (религии) и чеснока (предполагаемого еврейского влияния)". Гитлер, однако, доказал, что они ошибались.

Протестантская церковь вряд ли была монолитным институтом, и между нацистскими "немецкими христианами", возглавляемыми протестантским пастором Людвигом Мюллером, и оппозиционным "Чрезвычайным союзом пасторов" во главе с Мартином Нимёллером вскоре начался раскол. Мюллер, личный знакомый Гитлера, был назначен имперским епископом. Он не был известен своими интеллектуальными способностями и, конечно, не мог сравниться со своими оппонентами из традиционной церкви, особенно с Нимёллером. Он получил ряд нелестных прозвищ в народе и стал объектом множества более или менее удачных шуток: Когда Геббельс опубликовал свою книгу "От императорского двора до германской канцелярии", императорский епископ не мог успокоиться, пока не написал свой собственный труд. Название было таким: "От ведущего света до тусклой лампочки".

Другая шутка того времени гласила, что у императорского епископа такая толстая кожа, что ему не нужен позвоночник. Несмотря на недостатки Мюллера как главы "немецких христиан", нацисты достигли соглашения как с католической, так и с протестантской церковью, хотя угрозы все еще были необходимы для того, чтобы никто не нарушал эту искусственную гармонию.

Священнослужители, критически относившиеся к режиму, пользовались симпатией среди населения, поскольку после начального периода чисток и травли они были единственными в обществе, кто

продолжал представлять систему верований, альтернативную нацизму. Один анекдот прославил католического епископа Мюнстера, графа Клеменса Августа фон Галена:

В одной из своих проповедей граф фон Гален критиковал образовательные программы гитлерюгенда. Один из прихожан прервал его: "Как может человек, у которого нет детей, осмеливаться говорить об образовании?". Фон Гален возразил: "Сэр, я не потерплю в своей церкви никакой критики нашего фюрера".

Фон Гален получил прозвище "Мюнстерский лев" за свое бесстрашное сопротивление нацистской образовательной политике и программам эвтаназии. Немцы восхищались им за то, что он, несмотря на риск возмездия, выступил против убийства умственно отсталых людей - политики, которая в то время возмущала многих людей. Один нацистский советник пытался оправдать эту программу, утверждая, что заповедь "Не убий" была не словом Божьим, а "еврейским изобретением", направленным на то, чтобы "лишить своих врагов эффективной защиты, чтобы легче от них избавиться".

Фон Гален пережил Третий рейх, но бесчисленное множество других священнослужителей были убиты в так называемом "блоке пасторов" концентрационного лагеря Дахау. Преследование священнослужителей, критиковавших режим, возможно, послужило вдохновением для создания ряда сатирических риффов на религиозные праздники. В качестве примера можно привести "Мария Инкарцерата" и "Мария Денонсиата". Латинский текст молитвы "Отче наш" также был спародирован: строка "et ne nos inducas temptationem" (не введи нас в искушение) была заменена на "et ne nos inducas concentrationem" - явная отсылка к концентрационным лагерям.

Преступления, совершенные нацистами во времена Третьего рейха, были возможны только потому, что немецкие суды также были приведены в соответствие. В 1935 году власть над судебной системой была передана от федеральных земель центральному правительству. Сразу после захвата власти нацисты начали систематически готовить немецких адвокатов и судей, традиционно консервативно настроенных, к работе в правовом государстве. Ассоциация национал-

социалистических адвокатов готовила молодых судей, прокуроров и защитников. Новая доктрина немецкой правовой системы заключалась в том, что судебные решения должны выноситься в интересах государства, и нет необходимости слишком строго придерживаться законов. Здравое мнение народа" было поставлено выше правовых гарантий, а фраза "здравое мнение" служила для того, чтобы обелить правосудие, которое фашисты вершили по своему усмотрению. По крайней мере, некоторые немецкие граждане с тревогой наблюдали за тем, как нацисты грубо нарушали конституцию Германии - это беспокойство отразилось в сардоническом слухе о том, что вот-вот будут приняты следующие законы:

§1 Каждый, кто что-то делает или не делает, будет наказан.

§2 Наказание будет назначаться в соответствии с народным мнением.

§3 Народное мнение определяется нацистским руководителем района [гауляйтером].

Действительно, некоторые люди во времена Третьего рейха задавались вопросом, зачем правительству вообще нужна правовая система. С самого начала имели место вопиющие случаи несправедливости, а меры, принимаемые для устрашения врагов, были крайними и произвольными.

Один анекдот обыгрывал именно этот момент, и его ударная линия имела извращенную логику:

Высокопоставленный нацистский чиновник, приехавший в Швейцарию, спрашивает, для чего предназначено определенное общественное здание. "Это наше военно-морское министерство", - объясняет ему швейцарский хозяин. Нацист смеется и говорит: "Зачем Швейцарии военно-морское министерство? У вас всего два или три корабля". Швейцарец отвечает: "Почему бы и нет? У Германии есть министерство юстиции".

Однако даже на заключительном этапе Второй мировой войны, даже убивая ежедневно тысячи евреев в Восточной Европе, нацисты не

желали обходиться без притворства законности, например, в виде решений, вынесенных пресловутым Народным судом. В 1933 году нацисты уже мыслили категориями того, что Гитлер называл "правовой революцией", и начали закладывать основы своей новой системы отправления несправедливости. Постоянно издавались законы, превращавшие граждан Германии в произвольных жертв государственных властей. Уже 28 февраля 1933 года они приняли печально известную идею "защитного заключения" - концепцию, которая позволяла им заключать в тюрьму своих политических противников без суда и следствия. Основным судебным принципом, шутили циники, теперь была жестокость перед законностью.

Нацификация правительства, церкви и судебной системы сопровождалась фашистской чисткой и культурного наследия Германии. В течение первых нескольких месяцев после прихода Гитлера к абсолютной политической власти Геббельс заявил о своей власти над культурой через недавно созданное им Министерство пропаганды. Каждый, кто хотел работать в Германии в качестве писателя, художника или актера, должен был вступить в Рейхсминистерство культуры или одну из подчиненных ему организаций. Тем, кто оставался вне этого государственного объединения или был исключен из него, фактически запрещалось работать. Более того, нацисты не обращались с артистами, которых они считали помехой, в перчатках. К весне 1933 года около 250 известных немецких авторов, включая Томаса Манна, Льва Фойхтвангера и Стефана Цвейга, были лишены гражданства, а произведения "вражеских" писателей публично сжигались в театрализованных представлениях с причудливыми "костровыми речами" нацистских агитаторов. Тем временем, вместо того чтобы выразить свое несогласие с сожжением книг, другие видные деятели культуры, такие как актер Густав Грюндгенс и писатель Герхарт Гауптман, а иногда даже личные друзья преследуемых писателей, клялись в верности своим новым лидерам. За закрытыми дверями многие из этих художников, возможно, жаловались на банальное однообразие "Жалкой культурной палаты", но большинство из них просто приспосабливались к времени.

Геббельс в равной степени стремился к быстрой и плавной нацификации немецкой прессы. Оппозиционные газеты были запрещены, а другие были вытеснены из бизнеса за счет государственных субсидий, выдаваемых конкурентам. Министерство пропаганды позаботилось о том, чтобы сохранить некое подобие журналистского разнообразия, но только в оформлении и внешнем виде, а не в централизованно диктуемом, строго националистическом содержании статей.

Как бы странно это ни казалось сегодня, но многие немцы в то время приветствовали уничтожение свободной прессы. Например, исполнитель мюнхенского кабаре и ранний сторонник нацизма Вайс Фердль написал песню, восхваляющую нацификацию и сравнивающую ее с нацистскими кампаниями против джаза и других форм "черномазой музыки". Сегодня этот текст может показаться пародией, но во времена Третьего рейха он исполнялся без иронии. Его "юмор" заключался в обыгрывании Gleichschaltung (буквально - "одинаковое содержание"), немецкого термина для приведения всего в соответствие с нацистскими интересами и идеологией:

Раньше было так много партий,

а также много трений

Пока один инженер не высказал свое мнение:

Нет, дорогие немцы, так больше продолжаться не может,

Никаких больше переменных токов.

Одного вполне достаточно.

Он преобразовал одни и выключил другие,

и привел все в соответствие.

Раньше считалось, что чтение газет

делало тебя глупым и даже сумасшедшим.

Один писал: "Браво! Очень хорошо!"

Другой "Пфуй!" Истина оставалась туманной.

Теперь вы можете сэкономить свои деньги,

Если ты прочитал хоть одну, ты знаешь, что правильно,

Они говорят одно и то же каждый раз,

Приведены в соответствие, приведены в соответствие.

Нам больше не нравится саксофон.

Мы не танцуем румбу или чарльстон.

Больше никакого джаза или негритянских шагов,

Мы перестали играть в простаков,

Мы слышим песни прошлых лет

Маршевая музыка, немецкие рифмы,

И они приятны для слуха,

В строй, в строй, в строй.

Если мужчина хочет вторую женщину

И не может хранить верность своей жене,

Немецкая дама может пригрозить

отправить его в Дахау на всю жизнь.

"Двадцать лет ты наслаждался

Всеми моими прелестями, и это было прекрасно,

И так будет дальше - ты тоже постарел".

Взяли в оборот, взяли в оборот.

На собраниях по разоружению,

французы не переставали жаловаться

"Германия представляет угрозу для всех нас".

Но мир больше не слушает.

Наш канцлер сказал открытое слово:

"Только тот может сказать, что мир - мой.

кто уничтожит свое оружие и сдержит свое слово".

Взялись за дело, взялись за дело.

Объединились пруссаки и баварцы.

И больше никогда не расстанутся.

Вместо того, чтобы отправиться в горы

Давайте проведем выходные в Берлине.

Покатаемся на санках в Луна-парке.

А пруссаки научатся тонко петь.

Боже, как мы теперь держимся вместе,

В строю, в строю, в строю.

И если мы будем держаться вместе,

Все будет выглядеть прекрасно

Для фермера, рабочего и каждого слуги

Благородный или простой, та же хорошая судьба.

На земле, за которую мы сражались

И страдали годами,

Теперь мы хотим жить вместе,

В едином строю, в едином строю.

Фердль написал эти стихи через год после того, как Гитлер стал канцлером, и они являются одним из многочисленных примеров того, как деятели культуры заявляли о своей лояльности нацистам в те ранние дни. Однако в тот период некоторые люди все еще сопротивлялись нацификации. Многие респектабельные представители среднего класса качали головой над провокационными, резко антисемитскими публикациями нацистов. Но среди немцев, которые считали себя народом "мыслителей и поэтов", не было значительного бунта, поскольку нацисты начали переделывать немецкую прессу и немецкую культуру по своему образу и подобию. Их сопротивление ограничивалось лишь тем, что они прятали произведения великих немецко-еврейских писателей во вторых рядах своих книжных полок и, возможно, позволяли себе небольшие саркастические шутки наедине с банальностью нацистской культуры. Один, к сожалению, непереводимый пример такой шутки рассказывает о том, как школьный учитель заставляет своих учеников упражняться в сравнении и превосходстве, используя три нацистские газеты. В кульминационный момент один из учеников отвечает, что Der Stürmer, яростно антисемитский орган СА, лучше всего подходит для самого интимного применения, то есть для вытирания задницы. Характер шутки типичен для нацистских лет: ударная фраза - наивное, необдуманное замечание, вложенное в уста ребенка, что снимает остроту оскорбления, направленного на нацистскую культуру, и позволило бы шутнику заявить о своей невиновности, если бы его обвинили в разжигании политического недовольства.

В первые годы Третьего рейха немецкое общество было не только нацифицировано, но и милитаризировано. Нацисты создали многочисленные и, отчасти, конкурирующие между собой организации, в которых люди из всех слоев общества и всех возрастов должны были появляться в военной форме. В результате вскоре после прихода Гитлера к власти на улицах Германии возникла кафкианская путаница в официальных одеждах. Это породило популярную шутку о том, что солдатам скоро придется носить гражданскую одежду, чтобы выделяться из общей массы.

Распространение нацизма также означало абсурдное распространение аббревиатур для часто неуклюжих названий нацистских организаций, которые включали не только СС и СА, но и БДМ (Союз немецких девушек), ГЮ (Гитлерюгенд) и НСКК (Национал-социалистический корпус автомехаников). Взрыв аббревиатур быстро стал предметом в основном безобидных шуток:

Число организаций продолжает расти. Прежде чем попасть в СС и СА, молодые люди вербуются в HJ, более молодые - в Jungvolk, а еще более молодые - в нацистские детские сады. Теперь организуются детские сады. Их называют скаутами T.U.R.D.".

Подобные шутки не были направлены на серьезную критику военизированного характера нацистских организаций. В лучшем случае, такие остроты были направлены на нарушение нормальной семейной жизни, которое влекли за собой партийные обязанности:

Мой отец - член СА, мой старший брат - член СС, мой младший брат - член HJ, моя мать принадлежит к нацистской женской группе, а я состою в BDM. Мы встречаемся раз в год на Нюрнбергских митингах.

В частности, аббревиатура BDM стала поводом для шуток на сексуальную тему: аббревиатура расшифровывалась как "Скоро будущие немецкие матери", "Товары для немецких мужчин" или "Мальчик, заведи меня". Как это было типично для того времени, эти шутки не имели острого политического содержания и вряд ли могут быть истолкованы как признаки базового скептицизма населения по отношению к режиму. Немцы с удовольствием смеялись над

причудливыми особенностями национал-социализма, но новая система, несмотря на некоторую первоначальную критику, вскоре прочно укоренилась в немецком обществе. И в качестве жеста благодарности режим отплатил населению случаями кажущейся либеральности. Нацисты, очевидно, беспокоились, что их будут воспринимать как толстоголовых головорезов без чувства юмора, и иногда их политика была направлена на то, чтобы донести до населения мысль о том, что лидеры партии не так страшны, как их репутация. Одним из самых странных результатов этого наступления очарования стал сборник иностранных антигитлеровских карикатур, который был опубликован в Германии в 1933 году. Редактором этого причудливо переплетенного тома был не кто иной, как нацист, отвечавший за работу с иностранной прессой, Эрнст "Путци" Ханфштангль.

В своем предисловии Ханфштангль написал:

Издевательские, искаженные образы, используемые дегенеративной прессой для изображения Адольфа Гитлера, выполняющего свою историческую миссию, напоминают какофоническую джазовую музыку. Недоброжелатели и клеветники с позором разоблачаются в своих собственных работах.... Ценность этой подборки карикатур на фюрера заключается в том, что они, как никакие другие противоположные голоса, выступают в его защиту. Каждое изображение показывает, насколько неверно мир видел и оценивал Адольфа Гитлера. Те, кто внимательно изучит книгу, смогут вдоволь посмеяться над каждой картинкой, но не потому, что карикатуристы так остроумны, а потому, что они так явно ошибались.

На самом деле Ханфштангль не доверял своим читателям в том, что они сделают правильные выводы. Чтобы читатели смеялись над правильными вещами по правильным причинам, Ханфштангль добавлял к карикатурам пропагандистские глоссы.

Например, на одной из картинок в газете The Nation Гитлер был изображен в виде мрачного жнеца с армией скелетов, марширующих у его ног. Коса жнеца имела форму свастики, а с ее лезвий капала кровь.

На следующей странице Ханфштангль интерпретировал эту картину для своих читателей:

Пресса: Изображение говорит о том, что Гитлер - сторонник войны.

Факты: 15 июля 1933 года Гитлер уполномочил немецкого посла в Риме подписать Пакт четырех держав, по которому Англия, Франция, Италия и Германия обеспечивали мир в Европе на ближайшие десять лет. Другая карикатура в сборнике изображала Гитлера в виде грозного индейского вождя с головой врага, насаженной на копье. Надпись гласила: "Вождь дикого племени после битвы при Лейпциге и в полном военном облачении". Глянец Ханфштангля:

Пресса: 25 сентября 1930 года Гитлер дал показания в суде Лейпцига о том, что "головы покатятся", когда нацисты придут к власти в Германии.

Факты: После прихода к власти Гитлер действительно заставил несколько голов "скатиться" в концентрационные лагеря. Это произошло потому, что он решил быть великодушным победителем и хотел избавить здоровые производительные массы немецкого народа от кровавой конфронтации с врагами.

"Поправки" Ханфштангля вряд ли могли быть более циничными, но фашистская пресса аплодировала его махинациям. В рекламной статье на обложке книги режиссер фильмов о природе Луис Тренкер написал, что работа Ханфштаенгля "напомнит нам о героической борьбе нашего фюрера".

Декларация Ханфштаенгля о верности Гитлеру прошла даром. В 1937 году он был вынужден бежать в Америку после конфликта с Геббельсом. Человек, который пытался разжечь ненависть к евреям и политическим врагам нацистов, стал персоной нон грата в Третьем рейхе. Но его карьера продолжалась. Франклин Рузвельт использовал его в качестве политического и психологического советника во время Второй мировой войны. В 1946 году, после падения нацистского режима, Ханфштангель вернулся в Германию и написал свои мемуары. Он умер там в 1975 году, так и не дождавшись ответа за свое прошлое.

Трагическая судьба, напротив, ждала человека, который добровольно и гораздо раньше обратился против нацистов. Карикатурист Эрих Оссер, родившийся в 1903 году, вызвал недовольство нацистов в начале 1930-х годов, опубликовав ряд сатирических изображений Гитлера. На одной из них был изображен мужчина, гуляющий по снегу и мочащийся в форме свастики. На другом изображении усы и прическа Гитлера были объединены в устрашающую гримасу, изображавшую фюрера как поджигателя войны. Смелость Осера не осталась безнаказанной. Когда позже он подал заявление о вступлении в Имперскую культурную палату, ему было отказано, и он не смог получить никакой работы. Письмо, полученное им из палаты 17 января 1934 года, гласило: "На основании Вашей прежней, явно марксистской общественной работы, комиссия Регионального объединения прессы Берлина приняла отрицательное решение относительно Вашей просьбы о принятии в экспертную комиссию журналистов-иллюстраторов Имперского объединения немецкой прессы и вступлении в его профессиональные ряды". В панике Озер сжег оригиналы рисунков, которые он сделал для левой газеты "Vorwärts", но безрезультатно. Его антинацистские карикатуры появились массовым тиражом, и вряд ли можно было ожидать, что Геббельс и его приспешники забудут его прежнюю критику фашизма.

Скрежеща зубами, Оссер приспособился к времени, по крайней мере, внешне, и начал публиковать аполитичные карикатуры под псевдонимом Э. О. Плауэн. Его серия "Отец и сын" пользовалась огромной популярностью, и это открыло ему двери в газету "Дас Райх", которая считалась относительно либеральной. Там он продал ряд политических карикатур, которые старались не переходить фашистские границы. Оссер рисовал антибританские и антисоветские карикатуры, но в личной жизни он не скрывал своих истинных политических убеждений. В предпоследний год Второй мировой войны эта личная откровенность подвела его. Сосед сообщил об антинацистских высказываниях, сделанных в разговоре между Осером и его другом Эрихом Кнауфом, и обоих привлекли к суду Народного суда. Оссер покончил с собой до суда; Кнауф был казнен в мае 1944 года.

Кабаретному артисту Вернеру Финку повезло гораздо больше, чем Озеру. Нацистские прокуроры игнорировали его поразительно долго, хотя смелый комик стал подпольным хитом в начале гитлеровской эры благодаря своим рискованным политическим шуткам. У Финка был постоянный ангажемент в берлинском кабаре "Катакомба". Этот небольшой театр стал чем-то вроде легенды в послевоенной Германии, но, несмотря на свою последующую репутацию, "Катакомба" не была местом для политических кабаре. Вместо этого здесь ставились эстрадные шоу, в которых разыгрывались скетчи и номера на малой сцене. Перед тем как Финк выходил на сцену, обычно появлялся певец шансона, а затем мим. Можно сказать, что он отвечал за политический сегмент общего развлечения. Действительно, некоторые артисты, работавшие в "Катакомбе" в начале 1930-х годов, посчитали ее слишком аполитичной и основали собственное кабаре с более жесткой направленностью.

После прихода к власти Гитлера эти артисты были вынуждены отправиться в изгнание, а Финк стал мастером двусмысленности. Его выступления были знамениты тем, что они не говорили. Каждое его выступление было танцем на острие ножа. Финк знал, что если его критика режима станет слишком явной, нацисты запретят его выступления, заклеймят его как политического врага и отправят в концентрационный лагерь. Он был вынужден прибегнуть к ряду уловок, чтобы скрыть политические послания в безобидной упаковке. Его зрители знали суть игры Финка, а смелая словесная акробатика комика придавала его выступлению дополнительную привлекательность. Потрясение, которое получали зрители, было сродни наблюдению за работой артиста на канате без сетки. Люди были в восторге от опасности и смеялись, потому что умели читать между строк. Сам Финк точно описал ситуацию, когда сказал, что во времена Третьего рейха достаточно было ударить в маленький колокол крошечным молоточком, чтобы создать оглушительный грохот, в то время как позже можно было ударить в огромный колокол огромным молотком, и раздался бы лишь крошечный звук. Немцы при Гитлере были очень чувствительны и могли определить, когда пересекались невидимые границы.

Финк, мастер юмористических проступков, был также хитрым оператором. Например, в 1933 году он основал невинную на первый взгляд "Боевую ассоциацию за безобидный юмор" (KfhH) - организацию, название которой хорошо звучало в ушах нацистов. В программе "Катакомб" "Ассоциация" опубликовала следующие стихи Финка:

Дует свежий ветер

Мы хотим снова смеяться

Юмор, пробудись!

Мы дадим тебе волю.

Пока лев коронован

И Марс правит часами

Хорошее настроение, которое мы все любим,

медленно становится кислым.

Давайте не позволим дьяволу

или любым другим силам

Лишить нас веселья

которое принадлежит нам по праву.

Пусть сила слов

Вибрирует в барабанных перепонках

И если кто-то возражает, он может

Поцеловать нас в задницу.

Эти строки полностью пародировали нацистские лозунги, такие как "Германия, пробудись!", и власти вмешались и запретили программу. Рифмованное обращение Финка к нацистскому жаргону подтолкнуло нацистов к тому, что, очевидно, было больным местом. Но в псевдотолерантные годы начала Третьего рейха допускалась некоторая доля критики. Действительно, у нацистов иногда находились добрые слова для Финка. В рецензии на весеннее шоу Catacomb, опубликованной в главном органе нацистской партии, газете Völkischer Beobachter, адъютант министра пропаганды Геббельса похвалил исполнителя за его "остроумные шутки и иногда неожиданные реплики". А главный редактор журнала Der Angriff, который издавал сам Геббельс, написал в книге посетителей катакомб: "Опасно или нет - продолжайте!".

Позже, в 1960-х годах, Финк рассказал анекдот, который подытожил абсурдность ситуации в якобы либеральную эпоху начала Третьего рейха. Однажды вечером к нему подошел человек в гражданской одежде. После некоторого выяснения отношений он сообщил, что является офицером СА. Он пригласил Финка посетить его офис, сказав, что там они смогут рассказывать неполиткорректные шутки и получать массу удовольствия. Предложение было совершенно бесхитростным, но Финк, понятное дело, отказался.

Удивительным проявлениям толерантности и дружеским замечаниям быстро пришел конец. Пропагандистская демонстрация либерализма в первые месяцы после прихода Гитлера к власти была лишь шагом к осуществлению общего убийственного плана нацистов. Поначалу режим старался выглядеть снисходительно, особенно перед остальным миром. Однако вскоре гайки были закручены, и комик из катакомб остался смотреть в бездну. ОДНОЙ из самых знаменательных вещей, которые национал-социалисты сделали в месяцы после поджога Рейхстага, было создание первых концентрационных лагерей в Германии. Парадигмой этих лагерей стал Дахау, расположенный недалеко от Мюнхена. Созданный в марте 1933 года под руководством коменданта-садиста Теодора Айхе, он быстро приобрел трагическую известность далеко за пределами Баварии. Поначалу здесь чаще всего содержались коммунисты, профсоюзные активисты и социал-

демократы, которых иногда подвергали пыткам. Однако вскоре к ним присоединились синти и цыгане, евреи, свидетели Иеговы, гомосексуалисты и обычные преступники. Дахау никогда не был лагерем уничтожения, как Освенцим. Тем не менее, на протяжении многих лет тысячи людей погибли там - расстрелянные или замученные до смерти.

В первые годы существования Рейха нацисты делали вид, что Дахау - это "лагерь перевоспитания" и что заключенные в нем люди могут надеяться, что когда-нибудь их освободят. Но было открытым секретом, что на самом деле лагерь был внелегальным пространством, в котором разрешались пытки и убийства. Современники рассказывают, что родители часто говорили непослушным детям, что их отправят в Дахау, если они не будут вести себя хорошо. Но общественное возмущение, которое должно было возникнуть в связи с этим примером государственного террора, так и не было реализовано. Один человек, Фриц Мулиар, вспоминает, что в 1937 году в Австрии были опубликованы фотографии Дахау, на которых были изображены заключенные с ранами на голове. Немцы подозревали об истинных масштабах преступлений, которые совершались в Дахау, но увидеть их и поверить своим глазам - это требовало действий. Реакцией общества на Дахау было молчание. Немцы держали рот на замке и смотрели в другую сторону.

Название Дахау стало сокращением для всей сети концентрационных лагерей, о чем свидетельствуют шутки того времени. Только наполовину сатирическая молитва была распространена: "Дорогой Бог, пожалуйста, заставь меня замолчать и раскаяться, чтобы меня не отправили в Дахау". Но многие шутки про Дахау, похоже, были направлены скорее на то, чтобы приучить немцев к этому новому явлению, чем на то, чтобы выразить реальную критику в его адрес. Следующая шутка приписывается сочувствующему нацистам Вайсу Фердлю:

Я ездил на экскурсию в Дахау, и что это за место! Колючая проволока, пулеметы, колючая проволока, еще пулеметы, а потом еще колючая проволока. Но я вам скажу: Тем не менее, если я захочу, я туда попаду.

Иронично, что Фердлю, который открывал счет выступлениям Гитлера, когда фюрер был еще относительно неизвестным агитатором, иногда приписывали антинацистские шутки. Хотя артист кабаре иногда позволял себе двусмысленные высказывания, его политическая ориентация не вызывала сомнений. Его репутация противника Гитлера была незаслуженной и, вероятно, была обусловлена тем, что публика неправильно истолковывала двусмысленные фрагменты его песен.

Но даже приверженцу нацизма не было нужды загадывать о Дахау, который никогда не принимали за санаторий. Разнообразие популярных идиом и шуток, в которых Дахау фигурирует как концентрационный лагерь, опровергает утверждения многих немцев после Второй мировой войны о том, что они не знали, что там происходит. Следующая шутка, например, абсолютно зависит от предположения слушателя, что концентрационный лагерь - это внезаконное пространство, где заключенных терроризируют, и место, куда в любой момент могут отправить за критику нацистского режима:

Двое мужчин встречаются на улице, и первый говорит: "Рад снова видеть вас на улице. Как тебе в концлагере?".

Второй мужчина отвечает: "Было здорово. По утрам мы получали завтрак в постель, на выбор свежемолотый кофе или какао. Мы занимались спортом, а потом был обед из трех блюд: суп, мясо и десерт. После этого мы играли в настольные игры и дремали. А после ужина показывали фильмы".

Первый мужчина не может поверить своим ушам. "Ничего себе! И какую ложь они распространяют об этом месте. Недавно я разговаривал с Мейером, который тоже провел там некоторое время. Он рассказал мне ужасные истории".

Второй мужчина серьезно кивает и говорит: "Вот почему его отправили обратно".

Эта шутка наглядно показывает, что даже в первые дни Третьего рейха немцы боялись, что если они скажут что-то не то, то их арестуют и

отправят в такое место, как Дахау. Таким образом, опасность юмора сама быстро стала предметом юмора:

Что у вас есть для новых шуток?

Три месяца в Дахау.

Такие шутки, по иронии судьбы, являются доказательством того, что концентрационные лагеря, наряду с чрезвычайными постановлениями, разрешающими такие вещи, как "защитное содержание", действительно были эффективным сдерживающим фактором для свободы слова - включая свободу юмористической речи, - каким они и должны были быть.

После пожара в Рейхстаге Германия постоянно находилась в состоянии чрезвычайного положения, чтобы оправдать осуществление правительством автократических полномочий. Нацисты утверждали, что "врагов государства" невозможно остановить с помощью обычных инструментов веймарской судебной системы, и под этим предлогом выстраивали колоду против тех, кого они обвиняли в измене. Решения специальных судов, введенных нацистами, обжалованию не подлежали, а те, кто просто находился под подозрением, вряд ли были в безопасности, поскольку подозреваемые могли содержаться под стражей без предъявления обвинения. Гестапо, действовавшее независимо от обычной нацистской правовой системы, имело право задерживать людей по любой причине и на любой срок, какой сочтет нужным. Те, кто был освобожден из-под стражи, несли на себе клеймо преступников, и другие немцы избегали их, как носителей заразной болезни. Государственные органы принимали решения о том, какое поведение разрешено или запрещено, более или менее произвольно.

Большинство законов, принятых нацистами, были не более чем псевдоюридической витриной. 21 марта 1933 года "Указ имперского президента о защите от злонамеренных нападок на правительство национального обновления" провозгласил, что распространение "неправдивых" (то есть критических) высказываний о режиме карается тюремным заключением. И хотя в первый же год его существования было зафиксировано 3744 нарушения, нацистские власти сочли закон

недостаточно строгим и через год заменили его "Законом против злостных нападок на государство и партию и в защиту партийной формы". Этот новый указ включал частную критику правительства в число правонарушений, за которые полагалось тюремное заключение.

Точная формулировка закона была следующей:

§1

Тот, кто намеренно делает или распространяет неправдивое или грубо искаженное заявление о фактах такого рода, которое может нанести серьезный ущерб благосостоянию империи или репутации имперского правительства или национал-социалистической немецкой рабочей партии, подлежит, если другие законы не предусматривают более сурового наказания, тюремному заключению на срок до двух лет. Кроме того, если он делает или распространяет такое заявление публично, он подлежит тюремному заключению на срок не менее трех месяцев.

Лицо, совершившее подобное правонарушение по грубой неосторожности, подлежит тюремному заключению на срок до трех месяцев или штрафу.

Если такое преступление направлено исключительно против репутации НСДАП или ее членов, оно преследуется по согласованию с представителем фюрера или назначенным им должностным лицом.

§2

(1) Лицо, публично высказывающее враждебные, подстрекательские или уничижительные замечания в адрес руководителей государства, НСДАП, ее постановлений или мер, способные подорвать доверие народа к ее политическому руководству, подлежит тюремному заключению.

(2) Непубличные враждебные высказывания считаются публичными в той мере, в какой автор мог или должен был рассчитывать на то, что они станут публичными.

(3) Преступления преследуются по приказу имперского министра юстиции; если преступление направлено против ведущего деятеля НСДАП, имперский министр юстиции издает свой приказ по согласованию с представителем фюрера.

(4) Имперский министр юстиции по согласованию с представителем фюрера определяет, какие лица включаются в число ведущих деятелей партии в соответствии с параграфом 1.

Таким образом, закон предоставил нацистской партии и ее представителям особую правовую защиту, как будто они были вымирающим видом, а также предложил немцам осуждать друг друга.

Тем не менее, население не было полностью подавлено более жесткими условиями нового закона. Невозможно точно определить, какое влияние оказал изменившийся политический климат на рассказывание политических анекдотов. В конце концов, система никогда не функционировала так полно, как хотелось бы нацистам. Невозможно было держать под наблюдением всех граждан Германии или следить за тем, что происходит в каждом доме и на каждом углу улицы. И немцы, живущие своей повседневной жизнью, несомненно, знали, что государство не всесильно.

Тем не менее, послевоенные составители сборников анекдотов о Третьем рейхе были убеждены, что все острословы жили опасно. Один из редакторов, Курт Селлин, писал во введении к своей книге "Гитлеризмы в народной речи", опубликованной в 1946 году с одобрения союзных оккупационных сил:

Люди часто называли шутки и иронию смертельно опасными. Третий рейх не погиб из-за шуток, которые о нем сочиняли. И не только в Третьем рейхе шутка могла оказаться смертельной для того, кто ее рассказал. Но в Третьем рейхе было немало случаев именно такого рода.

Селлин очень подробно описывает "личные опасности", которые возникали при рассказывании популярных шуток. Он также утверждает, что немцы, опасаясь драконовских наказаний,

рассказывали политические анекдоты только наедине, тихим тоном или предварительно оглядевшись, чтобы убедиться, что никто не подслушивает. Однако эта картина не соответствует показаниям других свидетелей, опрошенных для этой книги. Большинство из них сказали, что они действительно могли свободно, открыто и без страха наказания рассказывать политические анекдоты.

Историк Мейке Вёлерт проанализировала и сравнила решения, вынесенные судами, ответственными за злонамеренные акты государственной измены в пяти городах. Хотя в ее исследовании рассматриваются только зарегистрированные дела, а не неофициальные, результаты свидетельствуют о том, что рассказывание политических анекдотов было массовым явлением, не контролируемым государством. В 61 проценте официальных случаев рассказчики анекдотов отделались предупреждением, причем в качестве смягчающего обстоятельства часто приводилось употребление алкоголя. (Люди, выпившие слишком много в баре, считались лишь частично ответственными за свои действия, а поскольку большинство популярных шуток, дошедших до суда, были рассказаны в барах, приговоры были соответственно мягкими). Штрафы назначались редко, и только в 22 процентах случаев виновные были приговорены к тюремному заключению. Как ни странно, самые суровые приговоры за "злонамеренность" выносились в довоенной нацистской Германии, но даже тогда срок заключения редко превышал пять месяцев.

Исторические данные опровергают предположение о том, что во время Второй мировой войны нацисты приговаривали к смерти большое количество людей за рассказывание анекдотов. На заключительном этапе Третьего рейха некоторые случаи действительно приговаривались к смертной казни, но это были крайние исключения из правил. (Мы вернемся к ним позже.) Сборники анекдотов, которые распространялись в Германии после войны, носили такие названия, как "Смертельный смех" и "Когда смех был опасен", но нет особых доказательств того, что содержащиеся в них анекдоты были неизбежно рискованными для рассказывающего.

Несомненно, однако, что ситуация стала напряженной после принятия закона, позволявшего нацистам легально расправляться со своими политическими врагами. Даже ловкому Вернеру Финку приходилось быть начеку. Каждую ночь в катакомбы приходили нацистские "культурные наблюдатели" и записывали все, что он говорил. Эти шпионы были настолько неосмотрительны, что Финк часто узнавал их и встраивал в свое выступление. Иногда он прерывал свое выступление, чтобы обратиться к ним напрямую: "Вы хотите, чтобы я говорил медленнее? Вы не отстаете? Или я должен вас подождать?".

Нацистов среди зрителей Финка не забавляли эти импровизированные колкости. В протоколе с кафкианским обозначением Nr. 41551/35II2C8057/35 фашистские наблюдатели сообщили следующее:

Аудитория "Катакомб" состоит в основном из евреев, которые неистово аплодируют общим оскорблениям и язвительной, уничтожающей критике исполнителя Вернера Финка [sic]. Финк - типичный культурный большевик, который, очевидно, не понимает нового времени, или, во всяком случае, не хочет понимать, и пытается, в той же манере, что и предыдущие еврейские писатели, протащить национал-социализм и все святое для национал-социалистов через грязь.

Через два года после прихода Гитлера к власти, властям надоело, и они внезапно изменили свою политику показной терпимости по отношению к Финку. До 1935 года артист кабаре получал незначительные роли в фильмах государственного производства, таких как безобидная комедия "Свежий ветер из Канады". Но его следующая роль, в фильме "Апрельские дураки", должна была стать последней. Финк был арестован во время съемок и доставлен в штаб-квартиру гестапо в центре Берлина.

Финк позже вспоминал, что вначале он думал, что все закончится через час. Но по мере того, как допросы затягивались, а время его выступления в Катакомбе приближалось, он начал подозревать, что на этот раз власти настроены серьезно. Он не знал, что помещение его работодателя также было закрыто навечно. После некоторого колебания чиновники, некоторые из которых были поклонниками

Финка, сказали ему, что его "не отпускают". Позже Финк описал эту сцену, не лишенную некоторой черной комедии, в своих мемуарах:

Наконец, моим наблюдателям пришлось признаться. В смущенном и искренне вежливом тоне они сказали, что у них не было другого выбора, кроме как арестовать меня. Затем они проводили меня в тюрьму на противоположной стороне дороги. Когда я вошел, передо мной выпрыгнул очень высокий эсэсовец и спросил: "У вас есть оружие?" "Зачем?" ответил я. "А оно мне нужно?"

Нацистская пресса сделала из ареста Финка настоящую трапезу. Орган СС Das Schwarze Korps назвал "Катакомбы" "культурной мусорной кучей" и вскользь упомянул, что другие кабаре, такие как Larifari и популярное Tingel-Tangel, также были вынуждены навсегда закрыть свои двери.

Арест Финка был частью более масштабных, согласованных действий против артистов кабаре, которые попали в шкуру нацистов. Принятые меры были спланированы до мельчайших деталей. Один из приближенных Геббельса, майор Третгельский, даже рекомендовал, чтобы "рассадники еврейской и марксистской пропаганды были закрыты на время выступлений, а все участники, включая зрителей, были взяты под охрану".

Не все арестованные артисты оказались в тюремных камерах. Например, Эккехард Арендт вытащил членскую книжку нацистской партии, а Рудольф Платте выразил сожаление и поклялся изменить свои поступки. Оба были освобождены. Но такого снисхождения не было проявлено к Финку, Вальтеру Гроссу, Вальтеру Траутшольду, Гюнтеру Людерсу и Генриху Гизену, которых отправили в концентрационный лагерь Эстервеген на границе Германии с Голландией. Театр, ранее занимаемый "Катакомбой", заняла труппа кабаре "Татцельвурм", руководители которой, Татьяна Зейс и Бруно Фриц, позаботились о том, чтобы любой юмор в их шоу был слишком безобидным, чтобы оскорбить власти.

Для Финка и его коллег это было началом долгого тяжелого периода. Эстервеген не был лагерем уничтожения, но с заключенными вряд ли

обращались мягко. Одним из видов испытаний, которые не стоит недооценивать, была неуверенность в том, что человека когда-нибудь освободят.

Финку повезло больше, чем большинству заключенных: благодаря своей относительной известности и популярности он был избавлен от жестокости охранников. Более того, ему даже разрешили устроить вечер кабаре. Его реприза "Не бойтесь, мы уже здесь" сохранилась до наших дней. Это яркий пример черного юмора Финка:

Товарищи, мы попытаемся развеселить вас, и наше чувство юмора поможет нам в этом, хотя выражение "юмор висельника" никогда еще не казалось таким логичным и уместным. Внешние обстоятельства складываются как раз в нашу пользу. Нам достаточно взглянуть на заборы из колючей проволоки, такие высокие и полные электричества. Прямо как ваши ожидания.

А еще есть сторожевые башни, которые следят за каждым нашим шагом. У охранников есть пулеметы. Но пулеметы нас не запугают, товарищи. У них только стволы пушек, тогда как у нас будут стволы смеха. Вас может удивить, насколько мы бодры и веселы. Что ж, товарищи, на это есть свои причины. Прошло много времени с тех пор, как мы были в Берлине. Но каждый раз, когда мы там появлялись, мы чувствовали себя очень неспокойно. Мы боялись, что нас отправят в концентрационные лагеря. Теперь этот страх ушел. Мы уже здесь".

В итоге Финк и его коллеги пробыли в заключении всего шесть недель. Это произошло не благодаря милосердию со стороны Геббельса, а скорее благодаря тому, что актриса по имени Кете Дорш, которая когда-то была любовницей Германа Геринга, вступилась за них перед ним. И Геринг был готов выслушать ее, потому что ему нравилось одерживать верх над своим вечным соперником Геббельсом. Тем не менее, освобождение Финка из концлагеря не означало, что комик был помилован. Все артисты из "Катакомб" и "Тингель-Тангель" должны были ответить за себя перед судом.

Дело рассматривалось в Специальном суде земли Берлин. Подсудимых обвинили в нарушении закона о запрете "злонамеренности", и это

разбирательство должно было войти в историю кабаре. Власти допустили ошибку, допустив публику. Пока прокуроры зачитывали обвинения, которые почти полностью состояли из политических шуток и текстов шансона, среди зрителей началась волна веселья. Затем судья приказал Финку повторить "Фрагмент портного", его самую оскорбительную с точки зрения государства сцену.

Скетч был построен на основе быстрого обмена мнениями между портным и клиентом. Портной спрашивает: "Чем я могу служить вам, сэр?". На что клиент отвечает: "Служить, служить - все хотят служить! Мне нужна одежда для отдыха, теплая. В воздухе что-то зябко". Портной спрашивает: "Для походов?" На что клиент отвечает: "Для похода? Нет, нет, ничего общего с кемпингом!". Тогда портной измеряет вытянутую правую руку клиента (измерения - это лукавая отсылка к годам коммунистических волнений, 1918-19, и к году захвата власти нацистами, 1933). Когда клиент не сразу опускает руку, портной спрашивает: "Почему вы не опустили руку?". Наконец клиент отвечает: "Право приостановлено!".

Перед судом Финк прочитал безобидную версию сценки с путаными репликами. Его принудительное выступление закончилось словами "поднятая правая рука", отсылкой к приветствию Гитлера, а когда прокурор напомнил ему, что скетч изначально заканчивался фразой "право отстранено", Финк ответил: "Это вы сказали, а не я". В зале суда раздался громкий смех. Суд закончился тем, что Финка оправдали за недостаточностью улик. Финк отделался легким испугом. Но ему было запрещено выступать в течение года, а его работодатель стал жертвой культурной чистки нацистов. Мужественный шутник снова стал свободным человеком, но заключение в концентрационном лагере все еще представляло собой лишь начало цезуры в его жизни.

В конечном счете, ранний псевдолиберализм нацистов и последующая активизация их усилий по уничтожению реальных и мнимых политических врагов не были ни случайностью, ни порождением момента. Новая, более жесткая версия нацизма возникла давно и была предвосхищена в 1934 году вспышкой каннибалистических убийств в самой партии. В ходе партийной чистки, которая стала известна как

"Ночь длинных ножей", начальник штаба СА Эрнст Рём и другие члены руководства СА стали жертвами этой оргии насилия. Будучи близким другом Гитлера, Рём настаивал на "второй революции", когда первоначальная эйфория, связанная с приходом Гитлера к власти, начала спадать. Он хотел, чтобы больше внимания уделялось слабым членам немецкого общества, а также требовал повышения роли СА.

Бывший солдат оказался между молотом и наковальней: организация, которую он возглавлял, была революционным ополчением, у которого не было шанса проявить себя благодаря ненасильственному приходу Гитлера к власти. Рём стремился придать СА больший вес в Германии, организуя большее количество маршей и закупая дополнительное оружие. Однако, делая это, он наступил на пальцы некоторых влиятельных лиц. Он заслужил вражду прусских генералов, командовавших немецкой армией, предложив подчинить вооруженные силы Германии СА. В то же время простые немцы боялись неконтролируемого бандитизма и жестокой готовности СА к насилию. У Рёма и его частной армии неотесанных головорезов, разочаровавшихся в необходимости действовать, было мало союзников, а требования Рёма и мрачные угрозы мало способствовали укреплению репутации СА.

Гитлер выступил с серией предупреждений в адрес Рёма, озвученных сначала в узких кругах, а затем перед собранием районных руководителей партии. Суть этих речей стала известна широким слоям населения, которые поняли содержащиеся в них угрозы. Рём быстро стал объектом многочисленных шуток. Примечательно, что большинство острот вращалось вокруг относительно открытой гомосексуальности Рёма, а не вокруг насильственных эксцессов его коричневорубашечников.

Поскольку Гитлер открыто жаловался на извращения, царившие в рядах СА, люди поняли, что на самом деле имел в виду начальник штаба Рём, когда сказал: "В каждом гитлерюгенде есть лидер СА". В официальной нацистской идеологии вряд ли существовал грех хуже, чем гомосексуализм. В милитаризованном социальном порядке нового режима, где доминировали мужчины, не было места для

"женственности". И ряд стандартных "гей-шуток" был адаптирован под Рёма лично. В одном из примеров обыгрывалось немецкое Po, детское слово, означающее "задница", также название реки в Италии:

Вы слышали, что Рём собирается провести свой следующий отпуск в Италии? Он хочет провести несколько дней, наслаждаясь теплом реки По.

Эти остроты не были придуманы лично для Рёма; они уже были направлены на подобные фигуры при других правительствах в истории Германии. Они были политическими лишь постольку, поскольку их использовали для того, чтобы подчеркнуть фатальную слабость Рёма для его товарищей по партии.

Но враги Рёма в 1934 году не довольствовались тем, что просто привлекали внимание к его нарушению общепринятых сексуальных норм. Злейшие враги лидера СА, прежде всего босс СС Генрих Гиммлер и его слишком амбициозный заместитель Рейнхард Гейдрих, придумали сложный заговор, якобы возглавляемый Рёмом, с целью свержения правительства Гитлера. 30 июня Гитлер с особой жестокостью расправился с предполагаемыми "контрреволюционерами". В сопровождении двух вооруженных полицейских детективов Гитлер разбудил посреди ночи лидера мифического путча Рёма и арестовал его. Другого лидера СА и предполагаемого участника заговора, Эдмунда Хайнеса, вытащили из постели, которую он делил со своим любовником.

За арестами последовали несколько часов убийственного насилия. В ходе чистки погибло не менее 85 человек. Рём был казнен 2 июля после того, как отказался покончить жизнь самоубийством. Ночь длинных ножей" пролила свет на истинный нрав нацистского режима, который увидели не только в Германии, но и во всем мире. И хотя многие радовались тому, что наконец-то что-то было сделано для обуздания бандитов из СА, взрыв кровопролития, который привел к этому, не был обнадеживающим. Ликвидация руководства штурмовиков показала гражданам Германии, что их правительство не остановится ни перед чем для достижения своих целей. Вскоре стала распространяться шутка, что конституция Германии была изменена

таким образом: "Фюрер исполняет назначение министров, а при необходимости и министров".

Сам Гитлер в течение нескольких недель после убийства своего бывшего союзника выглядел несколько неуверенно. В последующих публичных выступлениях он иногда оправдывал серию убийств как акт "государственной обороны" против планируемого путча СА; иногда он говорил, что это было необходимо по моральным соображениям. 13 июля Гитлер выступил в Рейхстаге с явно сумбурной речью. Один отрывок напрямую касался гомосексуальности Рёма:

Хуже всего было то, что из определенной общей ориентации в СА начала формироваться секта, которая, в свою очередь, стала основой заговора не только против нравов здорового народа, но и против безопасности государства.

Немецкое население с благодарностью подхватило мяч, который Гитлер непреднамеренно бросил им, и придумало ряд крайне мрачных шуток о горьком конце Рёма. Шофер Рёма, говорили они, подал заявление на получение вдовьей пенсии. А с тех пор как Рём попал на небеса, ангелы носят на спине фиговые листья.

Такие шутки давали понять, что мало кто проливал слезы по поводу смерти начальника штаба СА. Но другие шутки были уколами в адрес всего нацистского руководства. Одна шутка использовала репутацию Рёма как жестокого революционера и немецкую идиому von hinten anfangen, означающую как "начать сзади", так и "начать с самого начала":

Жаль, что они расстреляли Рёма.

Почему?

Говорят, его сердце было на правильном месте. Он собирался начать все сначала фон Хинтен.

Другая шутка, одна из немногих, не связанная с гомосексуальностью Рёма, была нехарактерно прямолинейной в отношении других нацистских лидеров. В ней обыгрывалось двойное значение слова erhalten во фразе Gott erhalte, или "Боже сохрани" (как в "Боже, храни королеву"), которое также означает "принять" (как в "Бог принял Рёма на небесах"):

Да сохранит Бог Гитлера. Да сохранит он также Геринга и Геббельса. Он уже сохранил Рёма.

Мы не знаем, насколько популярной была эта шутка и была ли она рассказана непосредственно после убийства Рёма или нет. Но ясно одно: немцы к тому времени должны были знать, что их страна находится в руках ужасного режима, который не гнушается ни нарушениями основных прав человека, ни пытками, ни убийствами. То, что должно было стать очевидным с созданием концентрационного лагеря Дахау в марте 1933 года, стало ослепительно очевидным после Ночи длинных ножей 30 июля 1934 года, которая унесла жизни не только руководства СА, но и нескольких консервативных политиков.

Еще долго после окончания Второй мировой войны и гибели Третьего рейха целое поколение немцев продолжало настаивать на том, что они ничего не знали о преступлениях нацистов. Но анекдоты, популярные в первые годы, когда нацистский режим еще укреплял свою власть, говорят о том, что подобные утверждения были неправдой даже с самого начала правления Гитлера.

IV. ЮМОР И ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

В первые месяцы своего правления нацисты использовали преследования и убийства главным образом для того, чтобы избавиться от политических противников, но как только они подавили коммунистов, социал-демократов и буржуазных традиционалистов, они быстро обратили свой взор на немецких евреев. Чем больше нацисты укрепляли свою власть, чем в большей безопасности они чувствовали себя от политической оппозиции, тем больше разрушительной силы они могли направить на это меньшинство, которое до этого было прочно интегрировано в немецкое общество. Уже в марте 1933 года мародерствующие отряды СА совершали антисемитские акты насилия, хотя другие нацисты были обеспокоены критикой в иностранной прессе. Йозеф Геббельс и Юлиус Штрейхер, ведущие антисемиты партии, хотели дать добро на масштабный погром на улицах Германии, но Гитлер был более осторожен. В конце концов, руководство партии согласилось призвать к национальному бойкоту магазинов, принадлежащих евреям, а также еврейских врачей и адвокатов. 1 апреля вооруженные бойцы СА заняли позиции перед еврейскими предприятиями и пытались помешать покупателям тратить в них деньги. Некоторые солдаты рисовали антисемитские лозунги и звезды Давида на витринах; другие довольствовались тем, что держали таблички с призывом к бойкоту и ругались на еврейских бизнесменов. В некоторых районах также наблюдались грабежи и акты насилия.

В целом, эта демонстрация активности произвела на большинство людей очень негативное впечатление, и бандиты из СА с их необразованными криками стали еще менее популярны среди населения, чем раньше. Хотя очень немногие немцы открыто заявили о своей солидарности с еврейскими согражданами, бойкот, как и предполагалось, не настроил немецких язычников против немецких евреев. Напротив, простые люди сочувствовали им, и если верить сообщениям нацистов, разочарованных бойкотом, объем торговли, осуществляемой впоследствии еврейским бизнесом, ничуть не уменьшился.

Еврейские немцы придумали множество шуток, связанных с бойкотом - первой общенациональной антисемитской инициативой нацистского правительства. Одной из постоянных тем - что вряд ли было неожиданностью - был произвольный характер этого государственного принуждения. Несмотря на значительный ужас, который они испытывали, когда бойцы СА выкрикивали грубые антисемитские лозунги, в ретроспективе шутники прекрасно понимали абсурдность бойкота:

Город на Рейне во время бойкота: бойцы СА стоят перед еврейскими предприятиями и "предостерегают" прохожих от входа в них. Тем не менее, женщина пытается зайти в магазин вязания.

Мужчина из СА останавливает ее и говорит: "Эй, ты. Оставайся снаружи. Это еврейский магазин!".

"Ну и что?" - отвечает женщина. "Я сама еврейка".

Мужчина из СА толкает ее в спину. "Любой может так сказать!"

Смысл шутки заключался в том, что обычно невозможно было отличить немцев-евреев от немцев-неевреев.

Бойкот дал понять, что нацисты серьезно относились к своему обещанию изгнать даже полностью ассимилированных евреев из немецкого общества. Относительно небольшое еврейское меньшинство Германии превратилось в магнит для расистских обид, которые были глубоко укоренены в немецком социальном ядре. В обильной пропаганде, сопровождавшей бойкот, евреев сделали козлами отпущения, пусть и неправдоподобными, за целый ряд социальных бед, хотя во многих сельских регионах Германии евреев не было вообще - факт, который породил следующий анекдот:

Юлиус Штрейхер, представитель антиеврейского бойкота, получил телеграмму из маленького городка на севере Германии. Она гласила: "Высылайте евреев немедленно - остановитесь - иначе бойкот невозможен". Бойкот стал первым из бесконечной череды антиеврейских мер, которые были подробно описаны в дневниках

Виктора Клемперера и других летописцев того времени. Третий рейх начался не с Освенцима. Лагеря уничтожения стали ужасной кульминацией, достигнутой после того, как антисемитизм в Германии нагнетался в течение нескольких лет. Самые первые антисемитские законы были направлены на то, чтобы заставить как можно больше евреев эмигрировать, поскольку государство стремилось получить в свои руки имущество, которое оставалось после тех, кто, по нацистской терминологии, "уезжал".

Первым официальным антисемитским законом нацистского правительства стал "Закон о восстановлении профессиональной гражданской службы", принятый 7 апреля 1935 года. Этот закон отправлял всех "неарийских государственных служащих" на принудительную досрочную пенсию и произвольно определял неарийцев как лиц, имеющих хотя бы одного еврейского дедушку или бабушку. Было введено свидетельство о наследстве, а строгое требование к государственным служащим было позднее распространено на нотариусов, акушерок, фармацевтов и других специалистов. Этот абсурдный клочок официальной бумаги требовался также для получения кредита и даже являлся квалификационным требованием для получения свидетельства о спортивной подготовке.

Те евреи, которые остались в Германии, снимали свое разочарование юмором висельника:

"Какая женщина самая желанная?" - "Конечно, арийская бабушка." - "Нет, это неправильно." - "А кто же тогда?" - "Еврейская прабабушка. Она принесла в семью деньги, но не проблемы!".

Еще одним ранним законодательным актом стал "Закон о защите немецкой крови и немецкого брака", который запрещал браки между язычниками и евреями и внебрачные сексуальные отношения. За нарушение этого закона предусматривались драконовские наказания. Согласно несколько неуклюжему каламбуру того времени, больше не нужно было беспокоиться о "расовом позоре" (нацистский термин для обозначения межнациональных браков). Причина, согласно шутке,

заключалась в том, что богатые евреи все переехали за границу, оставив только бедных, а в бедности нет ничего постыдного.

Примерно в то же время, когда немецкая судебная система решила вторгнуться в сексуальную жизнь всех граждан, немцы-евреи подверглись нескончаемой батарее других запретов. Им больше не разрешалось нанимать "арийскую" прислугу, водить автомобили, вывешивать немецкие флаги и отправлять своих детей в школу. Еврейские шутники придали трагикомический смысл многим из этих бессмысленных ограничений:

Школьный инспектор заходит в класс и видит белокурую девочку, одиноко сидящую на скамейке. Инспектор жалеет ее и спрашивает: "Почему ты сидишь одна, дитя мое?". Девочка отвечает: "Спроси у бабушки". Еврейский ребенок, вынужденный слушать антисемитские тирады своего учителя в школе, приходит домой и спрашивает родителей: "Мама, папа, не можете ли вы поменять меня на какого-нибудь другого ребенка?". Некоторые слои населения Германии, возможно, сочувствовали своим соотечественникам-евреям, а некоторые, возможно, принимали участие в их судьбе. Но подавляющее большинство людей молча наблюдали за ежедневными притеснениями, а некоторые по возможности присоединялись к ним.

Следующий анекдот наглядно показывает, как много пришлось пережить немцам-евреям в преддверии Второй мировой войны:

Элегантная пожилая дама не может найти места в трамвае. Куда бы она ни посмотрела, нет ни одного джентльмена, готового встать. Скромная молодая еврейская девушка предлагает подняться, но дама в ужасе отшатывается от "еврейского" места. В этот момент встает пожилой джентльмен и серьезно указывает, что его место - чисто "арийское".

Немцы редко поднимали руку, чтобы защитить своих еврейских сограждан. Напротив, многие из них охотно занимали рабочие места, освобожденные уволенными или вынужденными эмигрировать евреями. Например, 30 сентября 1933 года, когда тысячи еврейских

адвокатов потеряли право заниматься адвокатской деятельностью, их "арийские" коллеги были очень рады унаследовать их клиентов и дела.

Одна шутка того времени отражала эту ситуацию, играя на двойном значении слова Klage: "жалоба" и "иск". Один человек спрашивает другого: "Как дела", а тот отвечает: "Как еврейский адвокат: никаких жалоб". С каждым годом строгость преследования евреев возрастала. Евреям запрещалось пользоваться скамейками в парках, посещать кинотеатры и даже держать домашних животных. Многие евреи поняли, какой оборот принимают события, и бежали в изгнание. Оставленное ими имущество было продано на аукционе благодарным арийцам по бросовым ценам и без какой-либо компенсации владельцам. Немцы, всегда жаждущие выгодной сделки, стекались на такие аукционы.

Евреи, оставшиеся в Германии, рисковали потерять не только свое имущество, но и жизнь. Тем не менее, многие из них продолжали с легкостью относиться к своему все более шаткому положению:

Леви и Хирш сталкиваются друг с другом в пустыне Судана. Каждый из них несет тяжелую винтовку и ведет колонну носильщиков. "Как дела", - спрашивает один из них. "Что ты здесь делаешь?" "У меня мастерская по резьбе по слоновой кости в Александрии, и чтобы снизить расходы, я сам стреляю в слонов. А вы?" "Почти то же самое. У меня бизнес по производству крокодиловой кожи в Порт-Саиде, а здесь я охочусь на крокодилов". "А как обстоят дела с нашим другом Саймоном?" "О, он настоящий искатель приключений. Он остался в Берлине".

Но и жизнь еврейских эмигрантов вряд ли была прогулкой в парке, поскольку за границей их редко встречали с распростертыми объятиями. Во время первого великого еврейско-немецкого исхода многие евреи-интеллектуалы отправились в Австрию, но, несмотря на общий язык, лишь немногим удалось закрепиться в этой маленькой альпийской стране. Безработица в Австрии в 1930-е годы достигла катастрофических масштабов. По некоторым оценкам, более полумиллиона человек сидели без работы, а тех, кто искал поденную работу, можно было встретить на каждом углу. Австрийское

правительство, возглавляемое антинацистским, но фашистским Энгельбертом Дольфусом, потерпело полный провал в своих попытках поставить экономику под контроль. Еврейско-немецким артистам кабаре и комикам было еще труднее, чем другим эмигрантам, ищущим работу, поскольку в Австрии уже существовала устоявшаяся еврейская сцена кабаре, возглавляемая Фрицем Грюнбаумом, Карлом Фаркасом и Юрой Зойфером. Те новички, которым посчастливилось получить ангажемент, часто выступали перед пустыми домами.

Короче говоря, многие из этих первых беженцев прокладывали себе путь в страну, которая уже находилась в запустении. Долльфус был убит в 1934 году, а его преемник, Курт Шушнигг, был бесхребетным и непопулярным. При поддержке немецкого правительства австрийские нацисты постоянно пытались подлить масла в огонь, организуя серию ярких пропагандистских мероприятий и совершая все больше антисемитских акций. Ситуация была ядовитой, но, тем не менее, Австрия оставалась местом назначения для большинства еврейско-немецких эмигрантов начала 1930-х годов.

Популярный характерный актер Курт Геррон был одним из тех, кто искал убежища на берегах Дуная. Он переехал туда в 1934 году, через шесть лет после того, как сыграл уличного певца в "Мак-ноже" на триумфальной мировой премьере "Трехгрошовой оперы" Брехта в Берлине. Он также снялся вместе с Марлен Дитрих в фильме "Голубой ангел" и начал успешную карьеру режиссера кинокомедий. И вдруг он оказался на свободе. 1 апреля 1933 года, в день бойкота, директор по производству пришел на съемочную площадку, где Геррон снимал фильм, и объявил: "Те, у кого нет чистой арийской крови, должны немедленно покинуть студию". Магда Шнайдер, игравшая главную женскую роль в фильме, позже вспоминала, что громоздкий Геррон страшно побледнел и покинул съемочную площадку со сгорбленными плечами. Никто из других участников не предпринял никаких попыток защитить его.

Отто Вальбургу, коллеге Геррона, еврейскому комику, известному своей плаксивой манерой речи, позволили остаться в немецких фильмах, потому что он быстро подал заявление на получение

"временного" разрешения на работу. Закона, запрещающего еврейским актерам заниматься своей профессией, по-прежнему не было, но протестовать против решений компании было бесполезно. Те жалобы, которые подавались, отклонялись с большой долей вероятности. Геррон, осознав безнадежность своего положения в новой нацистской империи, решил не подавать в суд на своего бывшего работодателя и покинуть Германию. "Если здесь все сложится хорошо", - заметил он Вальбургу, - "меня зовут Мориц". Ответственность за фильм, режиссером которого он был, была передана верному нацистам Хансу Штайнхоффу. Звезда Штайнхоффа должна была взойти в Третьем рейхе, и впоследствии он стал режиссером одного из самых популярных нацистских фильмов, "Квекс для гитлерюгенда". Геррон, напротив, стоял на пороге десятилетия ужасных страданий, которые закончились его смертью. Приехав в переполненную, политически взрывоопасную австрийскую столицу, Геррон совершил редкий для эмигранта переворот, сразу же устроившись на работу. Для студии "Тобис" он снял романтическую комедию "Доски, которые значат мир". В фильме снялся Вальбург, который последовал за Герроном в изгнание. Но, несмотря на знаменитый актерский состав, фильм потерпел финансовую неудачу. Фильмы, снятые евреями, не могли продаваться в Германии, а австрийский рынок был слишком мал, чтобы покрыть расходы. Вскоре венские студийные боссы стали избегать Геррона и перекрыли его денежные потоки.

Тем временем родители и жена Геррона присоединились к нему в Австрии, и это еще больше осложнило его финансовое положение, поэтому через восемнадцать месяцев он решил переехать. Сначала он отправился в Гаагу в Голландии, страну, которая принимала эмигрантов с распростертыми объятиями. Еврейских артистов, решивших остаться в Вене, ждало тяжелое пробуждение. Вскоре Гитлер начал бросать жадные взгляды на страну своего рождения.

Другая альпийская страна, Швейцария, в течение всего Третьего рейха оставалась безопасным убежищем для тех евреев, которым удалось туда попасть. Иммиграционная политика Швейцарии была жесткой, а отношения страны с нацистской Германией были неоднозначными. Швейцарское правительство никогда не занимало четкой позиции

против бесчеловечной практики своего гораздо более крупного соседа. Отношение швейцарских чиновников к страданиям потенциальных эмигрантов варьировалось от дипломатической осторожности до черствого безразличия. И на фоне этого официального молчания швейцарское фашистское движение становилось все более громким в своих требованиях к политической власти.

Пронацистские фашисты в Цюрихе особенно возмущались политическим кабаре "Корнишон", а Вальтер Леш, основатель этого культурного учреждения, стал врагом номер один для ультраправых. Все вопросы, по которым швейцарское правительство предпочитало хранить молчание, из вечера в вечер в театре Леша выносились на суд публики. Сатира была настолько острой, что министр иностранных дел Германии фон Риббентроп неоднократно обращался с официальными жалобами к швейцарскому правительству. Но ни эти жалобы, ни нытье швейцарских фашистов не возымели никакого эффекта. Несмотря на призывы подвергнуть театр цензуре или закрыть его, двери "Корнишона" оставались открытыми.

Театр стал магнитом для немецкой сцены кабаре в изгнании, местом, где артисты могли осыпать нацистов презрением и насмешками, не опасаясь возмездия. Сам Леш нагнетал атмосферу антинемецкими песнями с текстами, гораздо более бескомпромиссными, чем в других альпийских странах. В 1938 году он написал эту песню с рифмованным текстом в оригинале о нации под названием Назидония и ее любимом враге:

"Во всем виноват он"

В Назидонии, счастливой стране.

где собираются первобытные арийцы,

Рейх тысячи маленьких лет

И расово чистый брачный союз

Приходит вождь, большой и сильный,

Обещающий масло, кровь и сливки.

И хотя он, как Вотан, стоит.

Славные песни свои провозглашая.

И правит страной во весь голос,

Приготовить жир - все еще несбыточная мечта.

И фюрер зорко следит

за коварным убийцей.

Поскольку несомненно.

что кто-то виноват в том, что мы вляпались.

И вот, смотрите-ка.

Злодей уже найден,

Исидор, вечный дегенерат,

виновен и в этом, гончая!

И чтобы наказать его злобу, мерзкую и развратную,

Он лишен денег и паспорта за это,

И хотя у них до сих пор нет жира для приготовления пищи,

Люди думают, что они спасены.

И мораль этой истории

Коротко и ясно.

Если бы не злой еврей

Как бы мы могли управлять государством?

В Италии, в Италии

Страна музыкальности

Ненавистные вороны теперь поют свою песню

С крыш дворцов,

Лира едва держится на ногах,

И Иль Дуче ужасно обеспокоен,

Что в далекой Абиссинии

Где качаются пальмы и сосны.

Никто не может править, как ему вздумается

Или гулять по пескам без ожогов.

Но лидер не может ошибаться, и поэтому

нет никакого возможного вывода

Но это известные предатели, враги нам,

По всей По распространяют свое смятение

как и везде.

И виновника мы уже знаем.

Синьор Коэн, так кажется,

и его обычные предательские планы.

Если кто-то сломает ему шею надвое,

люди, хотя их по-прежнему обманывают,

думают, что их страдания облегчены.

И мораль дела

остается одинаковой во всех местах:

Если бы не злой еврей,

Что бы делали те, кто ищет козла отпущения?

В Румынии, в Румынии

(Да, почему бы не в Румынии?)

Даже маленькие дети там

должны иметь своего злого еврея.

Как еще их правители могут осмелиться

обманывать их так, как они это делают?

Они должны были сделать все возможное.

чтобы натянуть шерсть на их глаза.

Им всегда нужен хороший козел отпущения.

Чтобы замазать грязной ложью.

Немецкие, римские, японские,

Свежие и непорочные, и франко-испанские,

Уничтожить право народа можно только

Дав им повод для казни,

Коммунист или злой еврей,

Но и библеиста или католика тоже,

Любой из них подойдет.

Чтобы удержать нас от ненависти к тем, кого мы должны ненавидеть.

Но как только все козлы отпущения исчезнут.

Мы те, кому перерезают горло.

А люди становятся жертвами преступления,

И все равно они этого не понимают.

А мораль стихотворения

До самого конца времен?

Если бы не было злого еврея

Нам бы его не хватало, мне и тебе.

Другое цюрихское кабаре, "Пфеффермюле" ("Перечная мельница"), было несколько более сдержанным, упаковывая политическую критику в аллюзии и метафоры. Эта труппа была создана в 1933 году Клаусом и Эрикой Манн, детьми Томаса Манна. Клаус Манн позже описал проект как "литературное кабаре с сильной политической направленностью, игривый, но глубоко серьезный и бесстрастный протест против позора фашизма". Он добавил: "Тексты для большинства номеров - шансонов, декламаций, скетчей - были написаны Эрикой, хотя некоторые написал я. Эрика была эмчеэсом, режиссером и главным организатором. Она пела, заряжала энтузиазмом, нанимала сотрудников, вдохновляла артистов - словом, была душой и сердцем всего театра".

Первоначально "Пфеффермюле" находился в Мюнхене, но там публика была полна нацистских шпионов, а фашистская пресса вела

постоянную кампанию по разжиганию вражды к маленькому театру. После пожара в Рейхстаге политическая атмосфера стала слишком опасной для левых кабаре. Но труппа обнаружила, что даже в Швейцарии политический юмор - рискованное предприятие, и большинство швейцарской публики отвращается от сатиры, замаскированной под аллегорию.

Хорошим примером стиля "Пфеффермюле" является следующий текст Эрики Манн, который открыто посвящен Гитлеру:

Я - принц страны лжи.

Я могу лгать так, что деревья дрожат.

Боже правый, как я умело лгу!

Никто не лжет так блестяще.

Я лгу так изобретательно.

Что с неба падает синева.

Вижу, как ложь летит по воздуху.

Я - источник этого лживого шторма.

Вот и лето наступило

И деревья все в бутонах

Поле полно фиалок

И война не проливает кровь.

Ха, ха. Вы повелись на это.

По вашим лицам я могу это прочесть.

Хотя это была полная ложь,

каждый из вас поверил в это.

Врать приятно

Ложь - это хорошо.

Ложь приносит удачу

Ложь поднимает настроение.

У лжи прекрасные длинные ноги.

Ложь делает вас богатым

Ложь хорошо сшита

Кажется, что это правда

Смывают с тебя грех

И следуют на поводке, как собаки.

Вернулся в свой дом, в страну лжи,

правда должна оставаться невысказанной.

Красочная паутина лживых нитей

держит нашу великую империю в целости и сохранности.

У нас все хорошо, у нас все прекрасно.

Мы убиваем всех наших врагов

И награждаем себя высшим знаком

За нашу ложную славу.

Однажды солгав, никогда больше не верь;

Всегда лжец, всегда верит!

Что он говорит что-то кроме правды

это совершенно невыносимая мысль.

Лгать легко

Все просто.

если ты можешь это сделать,

Ложь - средство для достижения цели.

В страну лжи

Ложь приносит славу

Ложь красочна и элегантна.

В то время как серая правда выглядит всегда одинаково.

Чтобы защитить свою землю

Я смешиваю яд и поджигаю костры.

Если вы сомневаетесь во мне, я заткну вам рот,

Я, принц страны лжи.

К 1934 году фашистский Швейцарский национальный фронт устраивал жестокие протесты внутри театра. В них бросали стаканы и стулья, а фашисты скандировали "Евреи убирайтесь вон" и "Нам не нужны евреи в Швейцарии". Вместо того чтобы получить помощь от швейцарских властей, Маннам пришлось публично защищать свой политический проект. Вскоре представители Третьего рейха начали наседать на швейцарское правительство, которое в ответ приняло закон, запрещающий иностранцам, проживающим в Швейцарии, делать политические заявления. В Европе была выбрана политика

умиротворения, и малые соседи Германии надеялись, что компромисс умиротворит Гитлера.

Когда политические лидеры Швейцарии уступили нацистским придиркам, это стало концом для кабаре Клауса и Эрики Манн. В ответ на новый закон Эрика Манн отправила открытое письмо в самую влиятельную швейцарскую газету, оправдывая свою работу:

Pfeffermühle - это не сцена для подстрекательства масс или продвижения политической партии, и не эмигрантский театр. Это объединение молодых людей разных национальностей (швейцарцев, немцев, русских, австрийцев), которые пытаются предложить достойное развлечение и развлечь людей таким образом, чтобы заставить их задуматься. "Pfeffermühle хотел бы, чтобы вы задумались о..." - таким может быть слоган на наших программах и приглашениях. Мы пытаемся в сознательно легкомысленной манере говорить о серьезных вещах, которые должны быть сказаны сегодня. И у нас были бы все основания стыдиться, если бы мы перестали делать это сейчас".

В 1937 году, после эмиграции Маннов в США, Эрика и Клаус предприняли короткую попытку возродить свой театр в Нью-Йорке, но люди там не особенно интересовались ни кабаре, ни проблемами континентальных европейцев. Однако, несмотря на свой окончательный крах, "Пфеффермюле", безусловно, была самой успешной и влиятельной эмигрантской труппой кабаре того периода.

Ее судьба была симптоматичной для ситуации, в которой оказались политически активные изгнанники в годы, предшествовавшие Второй мировой войне. Многие принимающие страны издавали приказы о запрете на выезд, но положение политических беженцев в Швейцарии было особенно опасным. Швейцарцы были весьма ксенофобны и постоянно опасались нашествия иностранцев. Поскольку она была замужем за поэтом У.Х. Оденом, имевшим британский паспорт, на Эрику Манн не распространялись строгие визовые правила страны. Но для еврейских эмигрантов, которых Швейцария не признавала политическими беженцами, пересечение немецко-швейцарской границы слишком часто было просто объездной дорогой на пути в концентрационный лагерь. "Сопровождение на выход" - так

швейцарцы называли депортации, и во многих случаях это было сопровождение в могилу.

Положение евреев в Германии становилось все хуже и хуже. Евреи постоянно подвергались различным преследованиям, а публичные оскорбления и поддерживаемые правительством нападки усугублялись ненавистным презрением со стороны таких газет, как Der Stürmer, орган Юлиуса Штрейхера, который публиковал карикатуры на евреев, которые вряд ли могли быть более примитивными, и пестрил свои первые страницы всевозможными антисемитскими клише.

Газета была заметно и, возможно, показательно одержима идеей о том, что евреи хотят сексуально растлить молодых арийских женщин. Подавленная порнография и гомоэротизм иллюстраций, сопровождавших статьи на эту тему, также были гротескным отражением увлечения эпохи физиогномикой. Кривой нос, провозглашал Der Stürmer, был самым значительным и заметным внешним признаком еврейства. Похотливые еврейские "осквернители расы" изображались с зачесанными назад волосами на манер латинских любовников; еврейские банкиры, которые якобы жаждали денег арийцев, изображались в виде отталкивающе тучных существ с косящими глазами. Один из них был изображен пытающимся вскрыть банковские ящики, другой - сидящим на корточках на глобусе и гадящим на него. Мир, показанный в "Der Stürmer", был полон извращений, и больные умы, придумавшие его, правили Германией от имени немецкого народа.

Прежде всего, эти нацистские карикатуры были пугающе совершенными визуальными зеркальными отражениями мировоззрения верховного нацистского лидера, которое он сам изложил в "Майн кампф": Черноволосый еврейский юноша часами бродит с сатанинским ликованием на лице вокруг невинной девушки, чью кровь он оскверняет и тем самым отнимает у ее собственного народа.

Письма к редактору, опубликованные в Der Stürmer, были полны подобных выражений подростковой сексуальной зависти. То же самое можно сказать и об антисемитском юморе, который они привносили.

Другой популярной темой была еврейская жадность и алчность, и читатели Der Stürmer придумывали бесконечные вариации на эту тему в придуманных ими шутках:

Пинкус и язычник подвергаются нападению в лесу, и когда разбойники собираются их обыскать, Пинкус достает бумажник и говорит своему товарищу по несчастью: "А, я только что вспомнил. Я должен тебе 500 шиллингов".

Подобные шутки были в постоянном ходу и укрепляли и подтверждали популярные антиеврейские стереотипы. И хотя читатели "Штюрмера" могли собирать и передавать их, антиеврейские анекдоты рассказывали и аполитичные немцы. Они были симптомом скрытого антисемитизма, который сохранялся под поверхностью немецкого общества и задолго до прихода нацистов к власти заложил основу для преследования евреев в Третьем рейхе. Грань между безобидной шуткой и клеветнической шуткой, полной негодования, была размыта, и не каждый шутник мог осознать, когда он переходит границу от простого дурного вкуса к вредительству.

Тем не менее, даже наивно повторяемые клише способствовали остракизму некогда полностью интегрированного еврейского меньшинства. Как только евреи стали восприниматься обществом как чужаки или незваные гости, власти могли делать с ними все, что хотели. В этом смысле ни одна антиеврейская шутка, какой бы мягкой она ни была, не была безобидной. Более того, высмеивание евреев на фоне их преследований, присвоения и насильственного изгнания было бессердечным и цикличным, оно придавало лоск легитимности этим актам несправедливости. Разница между шутками нацистской эпохи о помешанных на деньгах евреях и шутками о тугодумах-шотландцах, которые были популярны после войны (многие из последних были адаптацией первых), заключалась в том, что шотландцы не были преследуемым меньшинством в Германии, и против них не было широко распространено недовольство.

По мнению нацистских умов, евреи были не только жадными до денег, но и коммунистами - еще одно антисемитское клише. Следующая

шутка, записанная домохозяйкой из Вестфалии, была очень популярна. Вероятно, ее придумал редактор нацистской газеты:

Троцкий, Ленин и Литвинов идут по маленькому российскому городку, и дети на улице кричат: "Мы знаем, кто вы, мы знаем, кто вы". Троцкий с гордостью поворачивается к своим спутникам и говорит: "Видите, какие мы знаменитые. Даже дети нас узнают". После этого дети убегают, крича: "Вы евреи, вы евреи".

Максим Литвинов, советский министр иностранных дел, как и Троцкий, имел еврейское происхождение, и это сделало его излюбленной мишенью антисемитских пропагандистов; нацистская пресса называла его "евреем Финкельштейном". Для нацистов Литвинов олицетворял все, что было плохо в мире, и был живым доказательством неразрывной связи между большевизмом и еврейством. В Германии его воспринимали не как человека, а как гротескную двухмерную пародию на него - злую карикатуру.

Существовали даже анекдоты, в которых смеялись над антиеврейским насилием, и их рассказывали не только убежденные сторонники нацистской партии, но и полчища добровольных оппортунистов и мартовских фиалок. Согласно одному из примеров, зафиксированных в различных источниках, слово RADIO означало "Rein Arischer Darf Itzig Ohrfeigen" - "чистому арийцу разрешается затыкать уши Исааку". Ярые нацисты отнюдь не обладали монополией на этот вид безвкусного цинизма. Жестокие фантазии большинства нацистов разделяли многие "неполитические" немцы. Постоянный поток антисемитской пропаганды, вероятно, способствовал этому, но простые немцы, похоже, сами придумали большинство антиеврейских шуток - тревожный признак фундаментальной враждебности к евреям и еврейству.

В нацистской Германии юмор отнюдь не ограничивался "шутками шепотом", критикующими режим. Большинство шуток о современных делах были совершенно безобидными и не содержали никакого политического посыла. Но было и множество шуток, окрашенных национал-социалистической идеологией, хотя после Второй мировой войны о них никто не хотел вспоминать. Напротив, судя по

воспоминаниям тех, кто был там, популярный юмор, открыто критикующий правительство, был относительно редок.

Однако некоторые из этих более смелых политических шуток все же сохранились, хотя многие из них можно понять, только восстановив их первоначальный исторический контекст. Одной из тем, которая особенно вдохновила немецкое воображение, был выход страны из Лиги Наций, один из первых "переворотов" Гитлера в области внешней политики. Веймарское правительство долгие годы упорно боролось за членство Германии в Лиге, но теперь немецкие националисты считали, что затянувшиеся переговоры по разоружению в Женеве принесли их стране одни убытки. Многие немцы все еще испытывали чувство стыда за свое поражение в Первой мировой войне и считали требования стран-победительниц о репарациях драконовскими. Нацистское правительство было особенно возмущено тем, что победители хотели наложить на них своего рода условно-досрочное освобождение: Франция, в частности, требовала, чтобы Германии было разрешено создать армию, сравнимую с армиями других европейских держав, только после четырехлетнего периода хорошего поведения. Гитлер, который называл Лигу не более чем дискуссионным клубом, в ответ спровоцировал дипломатическую размолвку и отозвал своих представителей.

Затем он подтвердил легитимность этого неожиданного шага, проведя плебисцит. Нацисты выиграли голосование с подавляющим перевесом. Это был фактически конец Лиги.

Вряд ли кто-то в Германии пролил слезу по поводу распада организации, которую они рассматривали как инструмент подчинения Германии. Это хорошо видно из следующего анекдота:

Во время заседания Лиги Наций в Женеве был доставлен пакет с надписью: "Для распространения и использования". В пакете оказались петли.

Другая шутка началась с того, что в ресторане подали новый сыр Лиги Наций. Когда официанта спросили, что это такое, он ответил: "сыр, который плавится сам по себе".

Шутки о Лиге Наций представляли собой смесь пренебрежения и мании величия. Полностью разочарованные женевскими переговорами, немцы восприняли детский жест Гитлера как освободительный удар. Им нравилась пропагандируемая их фюрером идея о том, что выход из Лиги является признаком их новой силы и независимости. А когда Германия начала свою масштабную программу перевооружения, нарушившую множество международных соглашений, возникли новые шутки, полные националистического бахвальства:

Что означает, когда небо становится черным? В воздухе так много самолетов, что птицам приходится садиться на землю.

Позже, на начальном этапе Второй мировой войны, когда нацистская Германия наслаждалась успехом, уличные остряки смеялись над поверженными врагами страны: "Папа Римский прибыл в Варшаву. Он делает Польше крайнее ункционирование".

Юмор Третьего рейха был юмором победителя и отражал высокомерие, возникающее от убежденности в своей правоте. Чувство неполноценности, накопившееся в веймарский период, исчезло в опьянении нацистским военным триумфом. Смирение было снято с повестки дня, и все больше и больше немцев стали наряжаться сверхчеловеками и с презрением смотреть на своих предполагаемых нижестоящих. Популярные шутки восхваляли лидеров империи, которая должна была просуществовать тысячу лет, и презирали побежденных:

Кто самый великий электрик Германии? Адольф Гитлер. Он соединил Австрию, отрезал Россию, электрифицировал весь мир и до сих пор щелкает выключателями.

В аналогичном анекдоте о немецкой фотографии Гитлер нажимал на кнопку, а Муссолини делал проявку, а что касается свергнутого президента Чехии Эдварда Бенеша, то немецкое слово, обозначающее изготовление фотографических отпечатков, на сленге означало также поворот хвоста.

Юмор многих профессиональных шутников был столь же высокомерным. Ведущий телепрограммы для нацистского государственного телевидения (которая так и не вышла за рамки экспериментальной стадии) был снят на видео, угрожая критикам в серии каламбуров об интернировании в концентрационные лагеря. Сегодня нет никаких записей, так что мы никогда не узнаем, действительно ли следующая рутина, исполненная с ухмылкой, вызвала смех у зрителей в студии:

Давайте вернемся к теме музыки. Я рад, что почти все мы играем в одном ритме. И даже если есть какие-то педерасты, которые свистят не в такт или бьют в другой барабан, это не страшно. Их еще немного подучат в "концлагере", пока они не выучат свои "до-ре-ми" и не приучат себя держать правильный ритм".

Гитлеру и его соратникам нравилась идея использовать номера кабаре для запугивания диссидентов. У напыщенного диктатора, который любил публично позировать как император, была и светлая сторона: он наслаждался популярными развлечениями и грубыми шутками. По слухам, Гитлер часто разражался смехом над шутками своего друга и фотографа Генриха Гофмана, которого он неоднократно приглашал на вечера шуток с собой и Геббельсом. Нацистское руководство, которое безжалостно натравливало своих головорезов на еврейских комиков и оппозиционных артистов кабаре, вовсе не было невосприимчиво к юмору, если только он соответствовал партийной линии.

Даже вечно подозрительный министр пропаганды не имел ничего против такого исполнителя, как Руди Годден, высмеивающего дегенеративное современное искусство в фашистской труппе кабаре Die acht Entfesselten. Нацистским шпионам также не было нужды следить за труппой Tatzelwurm, которая заняла помещение, ранее использовавшееся запрещенным театром Catacomb. Гитлер и Геббельс часто появлялись в храмах легкой аттракционов Германии; театры варьете разрешили не закрывать даже на заключительном этапе Второй мировой войны; популярные артисты были освобождены от воинской службы благодаря "списку фюрера", составленному лично Гитлером. Для развлечения лидера Германии Геббельс устраивал

частные гала-концерты с участием красивых танцовщиц и нацистских комиков. Гитлер и его окружение часто засиживались до утра, смеясь над конформистскими шутками стильных артистов кабаре, таких как Юпп Гуссель и Манфред Ломмель.

В еженедельной кинохронике нацистские лидеры, конечно, снова вели себя как серьезные движители и сотрясатели мира, которыми они себя воображали. Единственными случаями, когда Гитлер проявлял свое индивидуальное чувство юмора, основанное на оскорблениях, были его попытки выставить своих врагов на посмешище. Он называл премьер-министра Великобритании Невилла Чемберлена "парнем с зонтиком", Рузвельта - "калекой", Черчилля - "пьяницей", а Даффа Купера, военного министра Великобритании, - баварским диалектным термином, который переводится примерно как "надутая курица".

Странное чувство юмора ГИТЛЕРА демонстрировало его полную неспособность делать тонкие различия, и он был не единственным в нацистской Германии, кто страдал от этого недостатка. Даже профессиональные кинокомики рассказывали ужасные шутки. Одним из любимых артистов фашистов был мюнхенский певец и актер Вайс Фердль, который с 1920-х годов поддерживал тесные контакты с нацистским руководством. В Третьем рейхе он стал большой звездой. Помимо записи дружественных рейху песен, баварский артист снялся в ряде в высшей степени поверхностных комедий. Вершиной идиотизма стал фильм 1939 года "Смеющийся доктор", в котором Фердль, играя деревенского врача, издевался над простодушным заговором. Этот юмор, хлопающий по ляжкам, был украшен блондинками в дирндлях и актерами второго плана, которые выглядели как продукт многовекового альпийского кровосмешения. Конформистская немецкая пресса пела дифирамбы этому образцу баварской псевдокомедии, выбрав Фердля в качестве своего особого любимца. Это, в сочетании с энтузиазмом самого фюрера, означало качественный скачок в карьере певца. Гитлер устроил частный показ "Смеющегося доктора" в своей горной резиденции в Оберзальцберге.

Комик Карл Валентин был бесконечно талантливее Фердля, но он не пользовался сомнительной благосклонностью правящей элиты,

которая считала его тонкий, анархический народный юмор противоречащим основным нацистским ценностям. Валентин также имел репутацию левого, хотя он воздерживался от политических заявлений и направил в Культурную палату письмо с отказом от приписываемых ему критических шуток. Но его протесты ни к чему не привели. В 1936 году его совершенно аполитичный фильм "Наследство" был запрещен за "подлые тенденции".

Карлу Валентину и Лизл Карштадт, его партнерше из многих классических слэпстиков, было запрещено работать. Это был бесславный, недостойный конец для лучшего комедийного дуэта Германии. Валентин, главный светоч немецкого юмора в кино, которого сегодня считают немецким Чарли Чаплином, ушел от публики глубоко озлобленным.

Вместо запрещенного ими умного слэпстика Геббельс и его приспешники заполнили немецкие кинотеатры самыми низкопробными фашистскими "комедиями", снятыми такими дилетантами от режиссуры, как Карл Фрёлих и Вольфганг Либенинер. Члены нацистской партии, демонстрировавшие лояльность на публике, могли далеко продвинуться в блестящем мире государственных киностудий UFA, независимо от того, насколько слабым был их талант. Рабочие места, освободившиеся после изгнания еврейских художников, должны были быть кем-то заняты. Жесткие политические чистки в индустрии развлечений Германии привели к возникновению абсурдных ситуаций. В 1934 году зрители все еще наслаждались фильмами и хитовыми песнями, созданными еврейскими артистами, которых киномагнаты уже вынудили эмигрировать. Кинокомпании, которые все еще оставались в основном в частных руках, защищали свою шизофреническую политику, говоря, что они не могут позволить себе просто выбросить все фильмы, в которых участвовали евреи.

Однако к 1935 году немецкое кино было основательно нацифицировано, и фильмы с еврейскими актерами исчезли из кинотеатров. Имперская палата культуры позаботилась о том, чтобы немецкие актеры, считавшиеся политически неблагонадежными, такие как Вернер Финк и Карл Валентин, не получали никакой работы, а

государственные субсидии на кино были под жестким контролем. Если продюсер становился непопулярным у нацистской элиты, последней просто отказывали в деньгах. К концу 1930-х годов большая часть киноиндустрии была национализирована, а все рассматриваемые сценарии должны были представляться на рассмотрение печально известному подозрительному Геббельсу. Упреждающая цензура позволила министру пропаганды заставить кинематографистов принять линию партии еще до начала производства. Естественно, результаты такой системы были чудовищно глупыми.

Девяносто процентов всех фильмов, снятых во времена Третьего рейха, были незначительными, поверхностными комедиями, призванными отвлечь немцев от государственного терроризма и, позднее, тягот войны. Они казались абсолютно аполитичными: зрители редко видели даже нацистское приветствие или флаг со свастикой; реалии жизни под властью Рейха систематически отфильтровывались. Сюжетные линии имели стандартные повороты и изгибы романтической комедии, а арийские актеры выполняли предписанные действия до неизбежного хэппи-энда. Сегодня трудно представить, как люди могли находить забавным подобный китч, контролируемый государством. Тем не менее, немецкие кинозрители, казалось, наслаждались ими, и мало кто замечал, что на самом деле они были тонко пронизаны пропагандистскими посланиями.

Хорошим примером может служить работа Хайнца Рюмана, который также был одним из самых популярных певцов и актеров после поражения Гитлера. Его фильм "Квакс, счастливый пилот" (Quax, the Crash-Happy Pilot), в котором утверждалось, что летуны в немецких ВВС вели довольно веселую жизнь, вышел на экраны, когда Люфтваффе отчаянно нуждались в человеческом материале на Восточном фронте. А фильм Рюмана "Ура, я отец" был создан потому, что Геббельс хотел побудить немцев заводить больше детей. "Фюреру нужны солдаты", - цинично заметил Геббельс. "Это не особенно хороший фильм Рюмана, но в военное время он служит своей цели". Сам Рюман никогда публично не комментировал скрытые политические посылы фильмов, которые он снимал в Третьем рейхе. Его довольно утомительная автобиография вообще игнорирует эту

тему, описывая "Квакс" как "фильм, полностью выдержанный в духе моей любви к полетам", хобби Рюмана. С другой стороны, было бы неверно говорить, что Рюман был убежденным нацистом. Он не пользовался особым расположением нацистского руководства, но и не пытался дистанцироваться от власть имущих. После войны комиссия союзников пришла к выводу, что он был конформистом, который дал себя увлечь господствующим ветрам нацистской эпохи - точная оценка политической пассивности Рюмана. То, что он продолжал снимать фильмы в нацистской Германии, хотя его жена, Мария Бернхайм, была еврейкой, а его друг Отто Вальбург был вынужден отправиться в изгнание, а затем убит, свидетельствует о робости, туннельном видении и карьеризме, но не обязательно о симпатии к нацистской идеологии.

Биограф Рюмана Торстен Кёрнер отметил, что актер не был обязан своим успехом какой-либо одной политической системе. Его способность воплощать "маленького человека с улицы" сделала его звездой еще в Веймарской республике, и он сохранил свою популярность после падения Гитлера и Геббельса. Его отношение к двум нацистским лидерам, которые способствовали его карьере, должно было быть в лучшем случае двойственным. Конечно, он был шокирован, когда министр пропаганды призвал его развестись с женой, а симпатии, которые он мог испытывать к нацистской партии, вряд ли могли усилиться, когда орган CC Das Schwarze Korps осудил его за брак с "полноправной еврейкой". На фоне этих угроз он пошел на компромисс, так и не решившись порвать с режимом, который пытался в такой степени повлиять на его личную жизнь.

По совету Геринга он развелся с Бернхайм и заключил фиктивный брак со шведским актером Рольфом фон Накхоффом, которому в знак благодарности подарил спортивный автомобиль. Бернгейм было разрешено эмигрировать в Швецию, где она провела войну в целости и сохранности. Поскольку брак Рюмана и так был на волоске, вряд ли можно обвинить его в неподобающем поведении, тем более что он выплачивал ей щедрые ежемесячные алименты. Позже, когда он снова женился, на актрисе Херте Файлер, он пригласил Марию на свою свадьбу. Нацистская элита, вероятно, была не в восторге от того, что

новой женой любимой звезды немецкой комедии стала "четвертьеврейка", но на этот раз обошлось без последствий. Власти стиснули зубы и промолчали.

Тем не менее, в личном и карьерном выборе Рюмана было много противоречивого. С одной стороны, он однажды тщетно пытался вмешаться, чтобы предотвратить казнь своего знакомого. С другой стороны, он отдал свои таланты не одному сомнительному с моральной точки зрения фильму, включая "Газовый человек", фильм 1939 года, в котором он сыграл государственного служащего низшего звена, попавшего в механизм нацистской правовой системы. Настоящий посыл фильма, который претендовал на легкую комедию, заключался в том, что те, кто не играет в мяч с системой, будут наказаны. В первом акте фильма незнакомец дает герою Рюмана немного денег. У Рюмана возникают подозрения, и он пытается сообщить о случившемся, но в итоге его отправляют отвечать за себя в бюро по идентификации арийцев. Пытаясь поступить правильно, он решает потратить деньги, но его новая роскошная жизнь вызывает подозрения, и его вызывают на допрос в гестапо. В конце концов, суд выясняет, что все это было безобидной шуткой, и Рюмана оправдывают, вместо того чтобы приговорить к смертной казни за предательство своих обязанностей перед государством.

Это "легкое развлечение" сегодня выглядит довольно жутко, если не сказать жутко. Партийной элите фильм не понравился - они не одобряли включение стольких бытовых подробностей о нацистском государстве, и "Газовый человек" редко демонстрировался. Государственной киностудии UFA даже пришлось вырезать по настоянию заместителя главы нацистской партии Рудольфа Гесса сцену, в которой Рюманн неприемлемо небрежно салютует Гитлеру. Сам Рюманн явно не любил участвовать в чрезмерно пропагандистских фильмах и старался избегать участия в развлекательном фронте. Если его призывали пропагандировать нацистскую идеологию, он старался не появляться на экране. Но, несмотря на свои усилия не быть кооптированным в режим, он поддерживал тесную дружбу с Эрнстом Удетом, командиром нацистских Люфтваффе, который разделял его страсть к полетам. В

середине военного времени Рюманну было разрешено продолжать полеты в качестве пилота-любителя - редкая привилегия. Отношения между самым известным немецким комиком и нацистским руководством оставались загадочными. Конечно, в послевоенных обвинениях в активной поддержке Третьего рейха ему некого винить, кроме самого себя.

НО НАЦИСТСКАЯ индустрия развлечений выпускала фильмы, которые были гораздо менее аппетитными, чем даже "Газовый человек" или комедия вермахта "Концерт по заявкам", в которой Рюман появился мимолетно. Абсолютным надиром стал антисемитский мюзикл Ганса Х. Церлетта "Роберт и Бертрам". Основанный на фарсе Густава Радера, который не был антиеврейским, сюжет вращался вокруг приключений пары бродяг, которых играли комики Руди Годден и Курт Зайферт. Они встречают немецкую девушку по имени Ленхен, отец которой хочет выдать ее замуж против ее воли за одного из своих кредиторов. Ленхен влюблена в красивого парня по имени Мишель, и чтобы спасти ее, два бродяги проникают на костюмированную вечеринку, которую устраивает коммерческий советник Ипельмайер, еврей, и крадут фамильные драгоценности. Поскольку доходы Ипельмайера являются незаконно нажитыми, это не рассматривается как преступление. Отцу Ленхен удается расплатиться с долгами, а счастливая девушка выходит замуж за своего возлюбленного Мишеля.

Нехитрый сюжет фильма был лишь предлогом для того, чтобы пустить в ход все антисемитские клише. Ипельмайер, который со своим кривым носом похож на карикатуру Штюрмера, постоянно вожделеет балерин на своем костюмированном вечере и делает ряд подлых предложений. Его слуга, которого играет Роберт Дорсей, сопровождает происходящее потоком идиотских комментариев на псевдо-идише. Тучная жена Ипельмайера ковыляет по безвкусной роскоши их особняка, а различные друзья банкира - не менее отталкивающие фигуры. Режиссер Зерлетт хвастался в интервью "сильной антисемитской тенденцией" фильма, добавив: "Конечно, шесть главных еврейских ролей должны были играть неевреи, но грим

настолько реалистичен, что никто не усомнится в том, что мои семиты настоящие".

Высказывания Зерлетта были опубликованы в журнале Film-Kurier 17 января 1939 года, примерно через два месяца после погрома "Хрустальная ночь". Историк кино Клаус Краймайер справедливо назвал "Роберта и Бертрама" "рекламой смерти", и трудно интерпретировать жалкое оправдание фильма Зерлетта как что-то иное. Фильм был снят примерно в то же время, что и печально известная антисемитская историческая драма "Юд Зюсс", имевшая огромную популярность, и прошло совсем немного времени, прежде чем вагоны со скотом, полные депортированных евреев, начали катиться на восток. Окончательное решение началось, и связь между потоком антисемитских фильмов и геноцидом трудно отрицать. Краймайер пишет:

Тот факт, что к 1942 году этот жанр исчерпал себя, можно объяснить тем, что машина убийства работала на полной скорости. Пропаганда сделала свое дело. Нацистское руководство должно было предполагать, что массовые депортации не останутся незамеченными широкими слоями населения, а массовые истребления, вероятно, были государственной тайной. Но благодаря факторам, включавшим серию нескольких очень успешных фильмов, немецкий народ был психологически подготовлен. Во всяком случае, именно так воспринимали ситуацию политическое руководство и их приспешники в киноиндустрии.

Искаженный образ еврейства в центре комического сюжета Роберта и Бертрама был не просто отражением грубого антисемитизма в пивной палатке. Это была часть хладнокровно спланированной, более масштабной стратегии. Безобидная на первый взгляд комедия была гораздо более эффективным средством вброса ядовитой пропаганды, чем еженедельные киножурналы. Зрители смеялись и не ожидали никакого политического послания. Но именно юмор сделал их восприимчивыми к кампаниям, которые привели к преследованию, остракизму и уничтожению евреев.

Обложка книги Путци Ханфштангеля "Гитлер в мировой карикатуре" 1933 года.

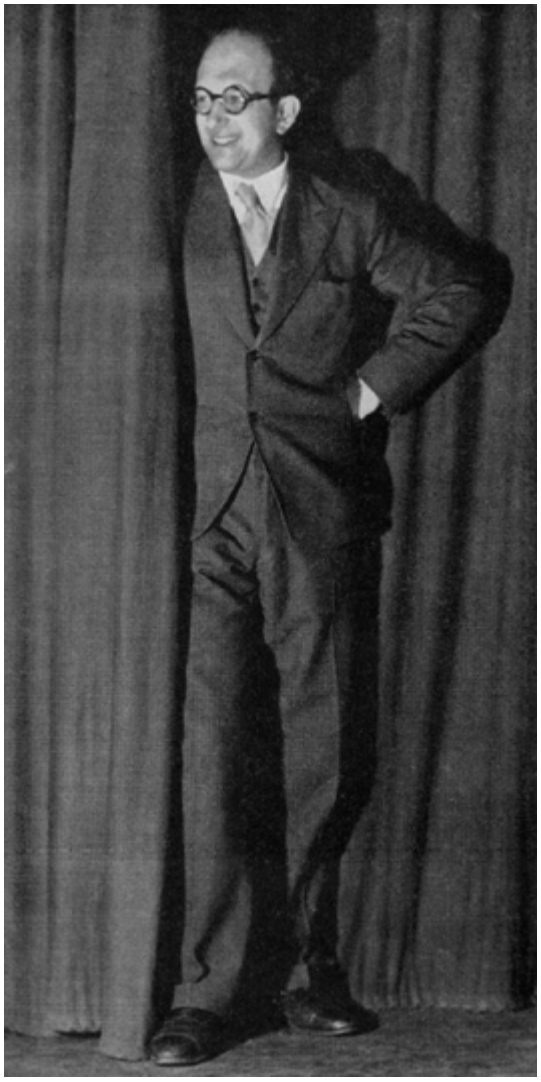
В книге Ханфштангеля все карикатуры сопровождались "корректирующими" глоссами. (Фото 21а)

Der Häuptling vom Stamm der wilden Kopfjäger nach der Schlacht von Leipzig — in vollem Kriegsschmuck

Надпись гласит: Вождь племени диких охотников за головами в полном военном облачении после битвы при Лейпциге. (Photo Credit 21b)

Карикатура Э. О. Плауэна (Фото 8)

Фриц Петер научил своего шимпанзе делать приветствие Гитлера. (Фото 18)



Вернер Финк, около 1935 г. (Фото 7)

Актерский состав Катакомб (Фото 5)

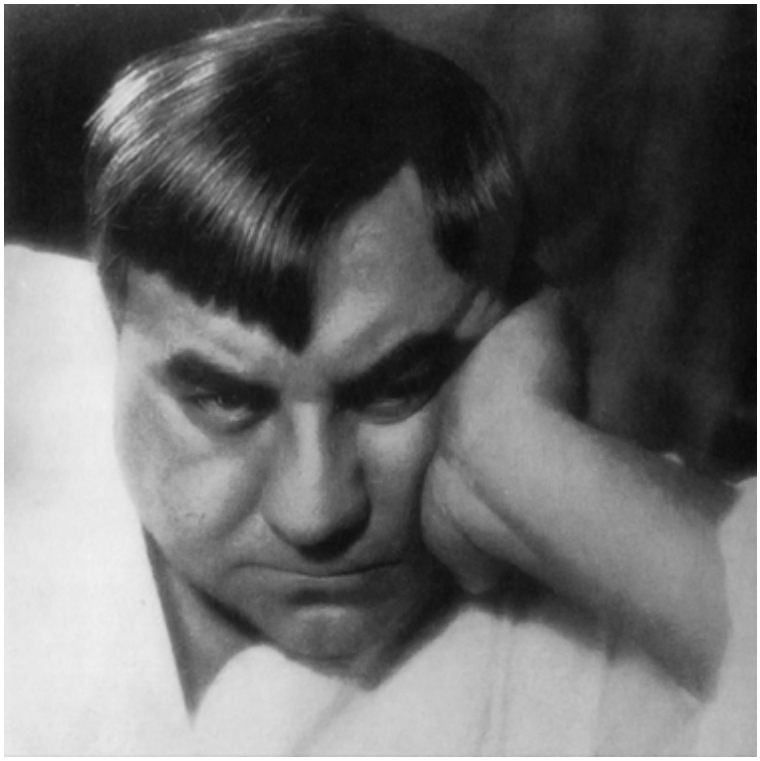
Вайс Фердл. (Фото 1)

Карл Валентин. (Фото 2)

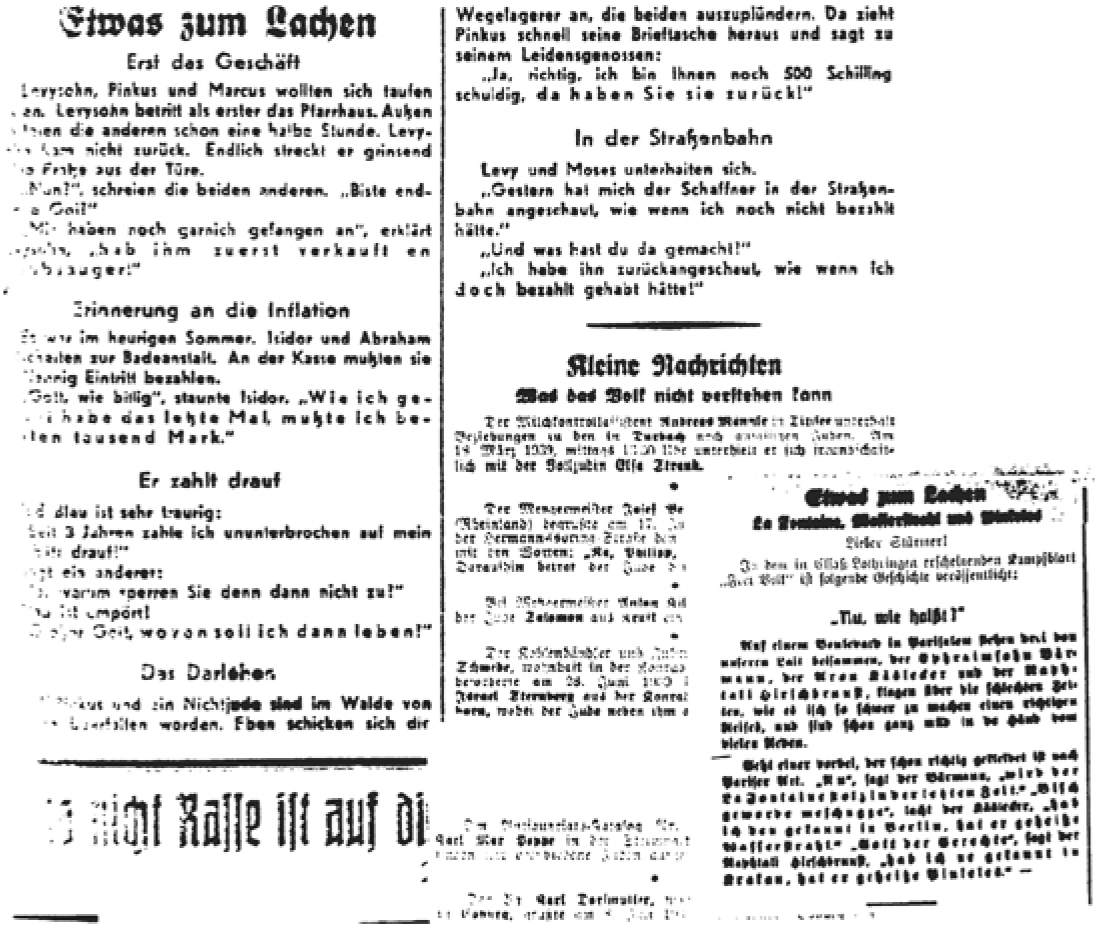
Кабаре комиков Вилли Шеффера (Фото № 6)

Программа Пфеффермюле 1933 года. (Фото 19)

Фриц Грюнбаум (слева) и Оскар Сима в фильме «Песня, поцелуй, девушка», 1932 год. (Фото: 24)



Курт Геррон, 1927 год. (Фото: 22)



Etwas zum Lachen

Erst das Geschäft

Levysohn, Pinkus und Marcus wollten sich taufen ...en. Levysohn betritt als erster das Pfarrhaus. Außen ...tehen die anderen schon eine halbe Stunde. Levy... kam nicht zurück. Endlich streckt er grinsend ...e Fratze aus der Türe.

„Nun?", schreien die beiden anderen. „Biste end... a Goi?"

„Mir haben noch garnich gefangen an", erklärt ...ysohn, „hab ihm zuerst verkauft en ...bsauger!"

Erinnerung an die Inflation

Es war im heurigen Sommer. Isidor und Abraham ...chten zur Badeanstalt. An der Kasse mußten sie ...enig Eintritt bezahlen.

„Gott, wie billig", staunte Isidor. „Wie ich ge... habe das letzte Mal, mußte ich be...ten tausend Mark."

Er zahlt drauf

...d Blau ist sehr traurig:

Seit 3 Jahren zahle ich ununterbrochen auf mein ... drauf!"

...t ein anderer:

„... warum sperren Sie denn dann nicht zu?"

...u ist empört!

„... Gott, wovon soll ich dann leben!"

Das Darlehen

...Pinkus und ein Nichtjude sind im Walde von ... überfallen worden. Eben schicken sich die Wegelagerer an, die beiden auszuplündern. Da zieht Pinkus schnell seine Brieftasche heraus und sagt zu seinem Leidensgenossen:

„Ja, richtig, ich bin Ihnen noch 500 Schilling schuldig, da haben Sie sie zurück!"

In der Straßenbahn

Levy und Moses unterhalten sich.

„Gestern hat mich der Schaffner in der Straßenbahn angeschaut, wie wenn ich noch nicht bezahlt hätte."

„Und was hast du da gemacht?"

„Ich habe ihn zurückangeschaut, wie wenn ich doch bezahlt gehabt hätte!"

Kleine Nachrichten

Was das Volk nicht verstehen kann

[illegible]

...nicht Rasse ist auf di...

Etwas zum Lachen

La Fontaine, Wasserstrahl und Winkelei

Lieber Stürmer!

In dem in Elsaß-Lothringen erscheinenden Kampfblatt „Das Volk" ist folgende Geschichte veröffentlicht:

„Nu, wie heißt?"

[illegible]

Рубрика «Над чем посмеяться» от Der Stürmer

Карикатура на Штюрмера. (Фото 27)

Курт Геррон в концентрационном лагере Терезиенштадт, осень 1944 г. (Фото: 23)

V. ЮМОР И ВОЙНА

ПОСЛЕ нескольких лет обманчивого спокойствия, в течение которых немецкое руководство продолжало уверять мир в своих мирных намерениях, события развивались быстро и яростно. На начальном этапе немецкой экспансии Гитлер одержал бескровные победы, которые подкрепили его фантазии о всемогуществе. Он аннексировал Австрию и не встретил никакого сопротивления. Девушки с цветами и другие новообретенные граждане Третьего рейха приветствовали немецкие войска; люди, получавшие немецкое гражданство на венской площади Хельденплац, с нетерпением ждали возможности принять участие в том, что казалось великим национал-социалистическим приключением. Но вскоре высокомерие, с которым далекий Берлин управлял их страной, вновь пробудило старые чувства неполноценности по отношению к гораздо более крупному соседу. Нацисты назначили Йозефа Бюркеля своим районным руководителем в Вене - алкогольного партийного хама с Рейна, который не понимал и не хотел понимать австрийцев. Вскоре венцы прозвали Бюркеля "пивным директором", а между собой стали оскорбительно отзываться обо всех немцах. И все же, несмотря на такие трения, нацисты получили 99 процентов голосов австрийцев на референдуме об аннексии.

В сборник анекдотов военного времени Франца Даннимана вошло граффити, появившееся на стенах зданий в австрийской столице: "Только самые тупые телята выбирают себе забойщиков". Но подавляющее большинство австрийцев добровольно принесли свою родину - в той мере, в какой они рассматривали австрийское государство, созданное в 1918 году, как родину, - на алтарь великогерманского национализма. Они оправились от опьянения только с началом Второй мировой войны и перспективой собственной гибели.

Тем не менее, некоторые сохранившиеся шутки свидетельствуют об уязвленной национальной гордости - преобладающей теме австрийского политического юмора при Гитлере: После аннексии

нацистский руководитель района посещает школу в Линце, где ученики тщательно отрепетировали вопросы и ответы. Глава района обращается к маленькому Зепплу Эбеседеру: "Кто твой отец?" "Адольф Гитлер". "Кто твоя мать?" "Великая Германия". "Очень хорошо! А кем ты хочешь стать, когда вырастешь?". "Сиротой".

Однако популярный австрийский юмор игнорировал жестокие антисемитские погромы, которые начались сразу после аннексии. Еврейских профессоров заставляли чистить уличные водостоки зубными щетками, и хотя культурные элементы австрийского населения не смеялись над такими случаями унижения, многие принимали участие в жестоких расправах над евреями.

Эти ужасные преследования были направлены именно против тех еврейских граждан, которые сделали больше всего для обогащения австрийского общества. Среди жертв публичных преследований и волн арестов были сливки австрийского кабаре. За день до ввода немецких войск Фриц Грюнбаум вышел на сцену театра "Симпл", где в результате короткого замыкания отключился свет, со словами: "Я ничего не вижу, абсолютно ничего. Должно быть, я наткнулся на нацистскую культурную политику". Двадцать четыре часа спустя комик спасался бегством. Но его план найти убежище в Чехословакии был сорван, когда граница была закрыта. Его бывший партнер по сцене, Карл Фаркас, пытался убедить его предпринять вторую попытку, но Грюнбаум отказался. Фаркас бежал один. А 7 мая 1938 года главная нацистская газета Der Volkische Beobachter сообщила: "Мы поймали Грюнбаума". Комик из кабаре, продолжала газета, теперь получит возможность "пересмотреть все свои шутки". Они имели в виду Дахау.

Пока петля постепенно затягивалась на шее евреев в Австрии, нацистские чиновники в Берлине лихорадочно готовили новые позорные акты в других местах. До сих пор экспансия Германии была бескровной, но теперь немецкую экономику готовили ко второй фазе: кровавым завоевательным войнам. Нацисты собирали средства, необходимые для вооружения, путем сбора налогов и через свой Зимний фонд помощи (Winterhilfswerk), который должен был пойти на

стимулирование экономики и социальные программы. Немцы, возможно, считали, что копят деньги на покупку одного из недавно появившихся автомобилей Volkswagens, но Гитлер также использовал их сбережения для строительства танков. Герингу было поручено разработать экономический "Четырехлетний план", но вместо того, чтобы поддержать гражданский сектор, он потратил имеющиеся в его распоряжении деньги на 3300 военных самолетов.

Население не было компенсировано за принесенные им финансовые жертвы никакими видимыми социальными благами, и в конце концов стало ясно, что происходит что-то неладное, о чем свидетельствует следующий анекдот: Что должен использовать немецкий народ, чтобы согреться, если в "Четырехлетнем плане" говорится, что древесина нужна для более важных задач? Ответ прост. Мы оденемся в новый уютный текстиль, сшитый из паутины в мозгу Гитлера, паутины лжи Геббельса и тонкой нити терпения немецкого народа.

Это терпение постоянно испытывалось нацистскими призывами к добровольным пожертвованиям. Но деньги, собранные от двери к двери так называемыми благотворительными организациями, такими как Фонд зимней помощи, таинственным образом исчезали. Некоторые люди насмехались над тем, что католицизм и национал-социализм наконец-то нашли что-то общее:

Католики говорят: молитесь каждое утро, молитесь каждый полдень, молитесь каждый вечер. Национал-социалисты говорят: Плати каждое утро, плати каждый полдень, плати каждый вечер. Другие шутили, что сигнальные огни "Фольксвагенов" должны быть сделаны из банок для пожертвований Зимнего фонда помощи - люди всегда быстро уходили с их пути.

Однако, несмотря на программы перевооружения Гитлера и его беспринципное, как вампир, сосание из народных карманов, фюрер привел Германию к войне лишь наполовину подготовленной, и даже полусерьезный ответ Запада вполне мог означать конец нацистской империи еще до ее начала. Сила, которую Гитлер любил проецировать за рубежом, гротескно расходилась с реальной структурой власти в Европе в 1939 году. Сила Гитлера была просто силой внушения, но она

имела желаемый эффект. Никто из политических лидеров того времени не понимал, что, когда он напрягал свои мускулы, он блефовал.

Единственным признаком огромного давления, которому подверг себя фюрер, и его страха, что он мог переиграть, была новая преувеличенная враждебность к критикам и пессимистам. Внезапная чувствительность Гитлера, сама по себе свидетельствующая о его расшатанных нервах, имела тяжелые последствия для тех, кто смеялся над ним. "Политические шутки - это бесполезный пережиток либерализма", - писал Геббельс в газете "Фёлькишер беобахтер". Будучи внимательным слугой своего хозяина, министр пропаганды заметил, насколько тонкокожим стал фюрер.

Артисты кабаре, оставшиеся в Третьем рейхе, не подозревали о грядущих репрессиях. Вернер Финк, чудом освобожденный из концлагеря, выступал в берлинском "Кабаре комедиантов" под руководством Вилли Шефферса, который был известен тем, что придерживался линии партии. Шефферс нанял Финка при условии, что тот воздержится от политических ссылок в своем выступлении. Финк поклялся, что будет делать именно это, но начал называть свое выступление на сцене "половинчатым" - это намек на то, что его юмор подвергается самоцензуре и что зрители должны читать между строк.

В одном скетче, например, женщина спросила Финка о времени, на что он ответил: "Мне нельзя об этом говорить". Это вызвало ухмылку у зрителей, которые поняли, что комику надели намордник. Финк также делал лукавые ссылки на общую опасность высказывания своих мыслей в условиях репрессивного режима, когда повсюду могут таиться партийные шпионы. Одной из его любимых шуток была следующая:

Парень приходит к стоматологу, тот говорит: "Откройте, пожалуйста, рот". Парень отвечает: "Ни за что. Я вас даже не знаю". Нацистские аппаратчики вскоре пронюхали, что Финк неявно критикует правительственный кляп, который он якобы принял. В январе 1939 года "культурные инспекторы", служившие шпионами в Министерстве пропаганды, сообщили, что в "Кабаре комедиантов" открыто высмеиваются государство и партия. Финк не подозревал, в какие

неприятности он попал. Несмотря на несколько предупреждений, писал он позже, на "геббельсовском фронте" все казалось спокойным.

Эта тишина была обманчивой: Геббельс, решив не допустить, чтобы его соперник Геринг снова оступился, готовил новую атаку на Финка в Генеральном штабе. "Политические шутки будут искоренены, вырваны с корнем", - записал Геббельс в своем дневнике. Первым залпом его кампании против юмора стало лишение Финка и трех его коллег членства в Имперской культурной палате и запрет на их дальнейшую работу. Причина, указанная в официальном обосновании, заключалась в том, что у них "отсутствовало позитивное отношение к национал-социализму". Суровость этого удара совершенно удивила Финка, который теперь не без оснований опасался, что его снова отправят в концентрационный лагерь.

По мере того как шел 1939 год, он узнал из конфиденциальных источников в Министерстве пропаганды, что старые счеты вот-вот будут сведены и его полностью удалят из общества. Он знал, что должен действовать быстро и решительно. В условиях, когда новая мировая война была уже в самом разгаре, отправиться в изгнание было уже невозможно. Как мог комик скрыться от ищейки могущественного Геббельса, которого он так ужасно разозлил? Финк решил, что лучшая защита - это хорошее нападение, и записался добровольцем в армию.

Этот ловкий маневр сделал его недосягаемым для Министерства пропаганды, но не для других опасностей. Финк не только мог быть убит врагом, он также должен был следить за своим языком среди своих сослуживцев, учитывая правила, введенные в 1938 году, относительно "пораженчества" в рядах. Этот закон, носивший бюрократическое название "Постановление о специальных наказаниях в военное время", был детищем фельдмаршала Вильгельма Кейтеля, подхалима, преданного Гитлеру. По сути, он давал нацистам карт-бланш на убийство любого, кого они определяли как "оппозицию". Согласно параграфу 5, наказанием за "подрыв вооруженных сил" была смерть - то есть те, кто ставил под сомнение войну или делал пораженческие или критические заявления, могли предстать перед расстрельной командой. (Женщин-преступниц должны были

гильотинировать - якобы по просьбе фюрера). Критерием для определения того, кто подрывает или действует во вред военным усилиям, было "здоровое народное чувство". Власти принимали это за меру, поэтому могли творить полный произвол. Ордонанс был еще одним средством закручивания гаек и удержания людей в страхе перед тоталитарным государством.

ТОНКАЯ КОЖА нацистского руководства и его суровые законы против критики и пораженчества отражали тот факт, что им было трудно увлечь немцев войной. Ветераны Первой мировой войны слишком хорошо знали ужасы конфликта на два фронта. Большинство немцев с тревогой относились к планам Гитлера вторгнуться в Польшу, что привело бы к военной конфронтации с Англией и Францией. Моральный дух был низким, несмотря на постоянный шквал пропаганды. Хайнц Рюманн стал хитом с бодрой частушкой "Ничто не пугает моряка", которую люди пели и насвистывали на каждом углу. Но действительно ли эта песня помогала немцам держаться на протяжении всей Второй мировой войны, как это приписывалось впоследствии, - вопрос открытый. В любом случае, нацисты не могли заставить народ разразиться дикими криками по поводу вступления в войну. Страшные воспоминания о Вердене лежали слишком глубоко для этого.

Поэтому руководство решило вместо этого натянуть поводья и заставить критические голоса замолчать, если потребуется, путем санкционированного законом убийства. Но люди, потрясенные столькими зловещими событиями, одно следовало за другим, не могли полностью удержать язык за зубами. Безумные внешнеполитические маневры Гитлера и всеобщее подозрение, что война становится неизбежной, заставили удивительное число немцев покачать головой и даже выйти из нацистской партии.

На протяжении многих лет нацистское руководство пыталось добиться расположения Англии, чтобы расчистить путь для беспрепятственного захвата территорий в Восточной Европе, но все эти попытки Гитлера не принесли ничего, кроме незначительного военно-морского договора. Взбешенный тем, что ему отказали упрямые англичане, и

руководствуясь ошибочными тактическими соображениями, фюрер решил вместо этого заключить договор со своим идеологическим врагом - Советским Союзом. На протяжении десятилетий он разглагольствовал и бредил о большевистской угрозе. Но в 1939 году он выбросил свои принципы в окно с единственной целью - избежать войны на два фронта, пока он захватывал Польшу. Советский пакт о ненападении, который Гитлер разорвет два года спустя, фактически подтолкнул западноевропейские державы к решимости нанести полномасштабный удар в случае следующего военного акта со стороны Германии. В краткосрочной перспективе пакт Гитлера со Сталиным временно избавил от необходимости воевать на два фронта, но в долгосрочной перспективе он привел бы к военной катастрофе.

Несмотря на военные последствия, сближение с врагом затруднило Гитлеру объяснение своих действий перед собственным народом, и в народе появилось множество шуток, ставящих под сомнение авторитет фюрера: Подарком Гитлера [министру иностранных дел СССР] Молотову при подписании пакта о ненападении было издание "Майн кампф" с автографом и редакционными правками, сделанными самим фюрером. Он вычеркнул все антироссийские фразы.

Аналогичная шутка касалась значения слов mein Kampf - "моя битва": Сталин планировал написать автобиографию "Ваша битва, моя победа". Шутка напоминала о том, что по Пакту о ненападении Советский Союз получит восточную половину Польши.

Официальная государственная пропагандистская машина не придавала значения таким саркастическим шуткам и продолжала восхвалять нечестивый союз со Сталиным как акт стратегического гения. Пакт, по сути, разделил трофеи еще до победы. Было ясно, что за дипломатическими кувырками Гитлера должны были последовать реальные дела. События развивались по собственной фатальной динамике. Анекдот, прозвучавший перед началом Второй мировой войны, точно предвосхитил то, что должно было последовать:

Июль 1939 года, и трое швейцарцев обсуждают, куда бы им поехать в отпуск. Они сходятся во мнении, что пора посмотреть Германию. Один говорит, что хочет поехать в Мюнхен, а второй говорит, что хотел бы

посетить Берлин. Третий произносит: "Я еду в Варшаву". "Но Варшава не входит в состав Германии", - возражают двое других. Третий говорит: "У меня отпуск в октябре".

Человек, записавший эту шутку, Ральф Винер, правильно отмечает, что она содержит элемент исполнения желаний нацистов. И вполне вероятно, что ее автор был убежден в правомерности нападения Германии на Польшу. В любом случае, шутка свидетельствует о немецкой мании величия - отношении, которое начало укореняться в новом фашистском народном сообществе. Прежняя тревожная реакция на воинственные заявления Гитлера была основана не на моральных возражениях, а на опасениях повторения травмы 1918 года. Эти опасения были окончательно развеяны успешной кампанией нацистской Германии против Франции в 1940 году. Подавляющее большинство немцев радовалось этому кровавому триумфу. Но их ликование по поводу успеха немецкого блицкрига было недолгим. Нападение на Польшу привело к изоляции Германии от сообщества наций. В своей войне против остального мира Германия воевала практически в одиночку. Ее крупнейшим союзником была Италия, которую вряд ли можно было назвать военной державой.

На самом деле, нацистам было трудно закрепить свое партнерство с другой главной фашистской диктатурой Европы. Первоначально Муссолини крайне скептически относился к амбициям Гитлера, в частности, к плану фюрера сформировать немцев в "расово чистое стадо". Событием, скрепившим союз, стала вторая итало-абиссинская война, жестокая и безнадежно анахроничная колониальная авантюра, для которой Гитлер поставлял сырье. Немецкое население не преминуло отметить попытки двух режимов объединиться. В одном популярном анекдоте Геринг отправляется в Абиссинию и телеграфирует в Берлин: "Император сбежал - стоп - его форма мне впору - стоп - Герман".

Муссолини отплатил Гитлеру за его поддержку, без протеста согласившись на аннексию Германией Австрии, и к 1939 году, незадолго до начала Второй мировой войны, отношения между двумя государствами расцвели настолько, что Италия согласилась на

"стальной пакт", который связывал ее военными обязательствами с Германией без каких-либо ограничений. По глупости Муссолини пообещал присоединиться к своему более крупному союзнику в случае любого вида военных действий, как наступательных, так и оборонительных. Одним росчерком пера он предрешил свою судьбу, хотя впоследствии, похоже, осознал, насколько неосмотрительно бросил свой жребий фюреру, разжигавшему войны. В любом случае, несмотря на пакт, подписанный в то время с военной решительностью, Италия не приняла участия в кампании Германии против Польши, а Муссолини принял участие в военных действиях против Франции только после того, как стало ясно, что Гитлер выйдет победителем. Муссолини отправил первые войска во Францию за неделю до капитуляции великой нации, и пока немецкие танковые дивизии катились к Парижу, итальянские солдаты разбредались по пригородам Ментона, на франко-итальянской границе.

Муссолини, который надеялся получить часть Франции в награду за эту своевременную помощь, был быстро прозван "имперским помощником в сборе урожая". В глазах многих немцев Италия была совершенно ненадежным и беспринципным союзником. Мудрецы ехидничали, что Муссолини заявил о Галлии: "Я пришел, когда увидел, что он завоеван". Но Италия поддерживала Германию до конца войны, погружаясь вместе со своим союзником в пучину. Чтобы загладить свою вину, Муссолини поддержал каждую из последующих убийственных авантюр Гитлера, хотя им двигали не столько угрызения совести или забота о своей репутации, сколько собственные фантастические мечты и безграничная жадность. Он верил, что вся Европа станет фашистской, и хотел получить большой кусок пирога.

В 1940 году итальянские войска вторглись в Грецию, но вскоре столкнулись с трудностями и были спасены от поражения спешно переброшенными немецкими частями. Это лишь подтвердило немецкие предрассудки о слабости южноевропейского менталитета и послужило поводом для новых шуток, как, например, эта:

Когда верховное командование вермахта получило сообщение о том, что Италия вступила в войну, один генерал заметил: "Это будет стоить

нам дополнительных десяти дивизий". Когда ему сообщили, что Италия воюет на стороне Германии, он вздохнул: "Ай, пусть будет двадцать".

Были веские причины считать Италию военным первенцем, хотя это не имело ничего общего с менталитетом Южной Европы. Если отбросить скромную мощь итальянской армии, союзник Германии вступил в войну лишь неохотно. За исключением Муссолини, никто из итальянского правящего класса не проявлял особого энтузиазма - ни король, ни военные, ни промышленное руководство не поддержали военную авантюру Il Duce. В одной непереводимой на немецкий язык непристойной шутке Муссолини приказал убрать туалеты из итальянских вагонов, потому что "итальянцам плевать на Ось". Эта шутка была точной оценкой морального духа итальянских войск.

Однако большинство немецких шуток в адрес своего союзника вращались вокруг идеи о том, что единственное, что хорошо делали итальянские военные - это отступали. Одна шутка, распространенная среди немецких солдат, обыгрывала склонность итальянцев звать на помощь, когда дела идут плохо:

В Италии появилось новое танцевальное увлечение. Он называется "Ретрит" и происходит следующим образом: Вы делаете один шаг вперед, затем два шага назад, вращаетесь вокруг своей оси и прячетесь за партнером. Но после первой серии триумфов немецким войскам не очень-то везло, и было мало причин указывать пальцем на своего более слабого союзника.

Немецкая кампания против Англии, в частности, не принесла заметных успехов. Воздушные сражения, которые, как надеялась Германия, должны были установить ее превосходство в небе, закончились фиаско. Стратегия, разработанная Герингом, возглавлявшим Люфтваффе, просто не сработала, а бомбардировки гражданских объектов в английских городах только укрепили решимость англичан. Это было тем более верно в 1940 году, когда Уинстон Черчилль сменил нерешительного Невилла Чемберлена. Речь Черчилля "Кровь, пот и слезы" придала европейской оппозиции Гитлеру мощный голос и укрепила моральный дух британцев, которые

принялись превращать свою страну в крепость. Гитлер неоднократно был вынужден откладывать операцию "Морской лев", запланированное немецкое вторжение на Британские острова.

Шутники среди немецкого населения быстро заметили, что в случае с Англией Гитлер не смог подкрепить свои воинственные заявления действиями:

После победы над Францией Гитлер стоит на берегу Ла-Манша, смотрит на врага и удивляется, почему вторжение оказывается таким трудным. Вдруг рядом с ним появляется Моисей и говорит: "Если бы ты не преследовал мой народ, я бы показал тебе трюк, с помощью которого я разогнал Красное море". Телохранители Гитлера арестовывают его и пытают, пока он не признается: "Мне нужно только провести посохом, который дал мне Бог, над водой, и волны отступят". "Так где же этот посох", - кричит Гитлер. "Отдайте его мне!" Моисей пожимает плечами и говорит: "Он в Британском музее".

В лице Черчилля Гитлер нашел такого же решительного противника, как и он сам. Тем не менее, большинство немцев не беспокоились о своих военных перспективах в первой половине Второй мировой войны. Напротив, скорость, с которой росла нацистская империя, вселяла даже в закоренелых скептиков энтузиазм по поводу конфликта. Лишь очень немногие были обеспокоены тем, что силы Германии распыляются в различных наступательных войнах, или испытывали беспокойство по поводу того, что немецкие эскадроны смерти продолжают свою злодейскую работу в странах, которые капитулировали.

Один из этих немногих был первым, кто попытался убить Гитлера. Уроженец Мюнхена часовщик Георг Эльзер был пацифистом с необычной прозорливостью, который предвидел, к чему приведет мания величия Гитлера, и попытался убить фюрера с помощью бомбы, сделанной из украденного динамита. Действуя в одиночку, Эльзер взорвал устройство 8 ноября 1939 года на большом мероприятии нацистской партии в мюнхенском "Бюргербройкеллере", где Гитлер был главным оратором. Попытка не удалась, поскольку Гитлер

сократил свою речь, чтобы успеть на поезд в Берлин, и уже покинул здание.

По иронии судьбы, многие немцы считали, что бомбардировка была очередным трюком, срежиссированным самими нацистами. Курт Селлин, опубликовавший первый послевоенный сборник немецких анекдотов военного времени, записал следующее высказывание:

В результате покушения на Гитлера в "Бюргербройкеллере" 10 человек погибли, 50 получили ранения, а 60 миллионов были одурачены".

Кажется странным, что немцы интерпретировали взрыв, в результате которого погибло несколько высокопоставленных нацистов, как попытку партии одержать верх над населением. С другой стороны, немцы мало на что считали Гитлера неспособным, включая убийство собственных товарищей, так что, возможно, их подозрения были искренними. Многие считали "Ночь длинных ножей" и даже пожар Рейхстага нацистскими пропагандистскими спектаклями. Однако в данном случае они ошибались. Покушение было настоящим, делом рук одного совестливого человека. Эльзера быстро арестовали и отправили в Дахау, где он был убит в 1944 году, когда его современники, как и он сам задолго до этого, наконец-то начали ясно видеть адский путь, который выбрал Гитлер. Но в 1940 году подавляющее большинство немцев было опьянено первыми военными успехами Гитлера, и попытка Эльзера надолго останется единственной попыткой убийства фюрера.

Когда в 1941 году Гитлер напал на Советский Союз, все больше людей стали видеть темные тучи на горизонте. Даже Рудольф Гесс, заместитель Гитлера, считал, что теперь необходимы крайние меры, чтобы избежать войны на два фронта. Вскоре после начала самоубийственной гитлеровской операции "Барбаросса" в Восточной Европе Гесс по собственной инициативе решил провести переговоры о заключении мира с Англией. 10 мая 1941 года он захватил самолет и вылетел в Шотландию, где был немедленно арестован. Это был безумный поступок, поступок неуравновешенного человека, потерявшего всякое чувство реальности, и точная мотивация Гесса остается неясной и по сей день. Когда Гитлер узнал о поступке своего

заместителя, он объявил Гесса психически больным и отдал приказ о его расстреле, если он когда-нибудь вернется в Германию. У немецкого народа была своя, комическая трактовка подвига Гесса. В одной шутке Черчилль приветствует Гесса: "Так это вы сумасшедший", на что Гесс отвечает: "Нет, я всего лишь его заместитель". (В действительности Гессу так и не удалось поговорить с премьер-министром). Другие шутки играли на подозрении, что настоящей миссией Гесса было бегство из нацистской Германии. Пародия на детскую молитву перед сном гласила: "Дорогой Бог, пожалуйста, сделай меня сумасшедшим, чтобы я тоже смог улететь в Шотландию". А острословы, ссылаясь на провал упорных попыток Германии завоевать англичан, усмехались, что Гесс - единственный немец, которому когда-либо удавалось вторгнуться в Англию.

Не было конца разнообразным шуткам, в которых Гесс представал то как сумасшедший в эпоху коллективного помешательства, то как сумасшедший, который был единственным немцем с ясной головой. Ранее невзрачный заместитель Гитлера не привлекал к себе особого внимания; теперь же он оказался в центре внимания, в центре внимания. Вместо того чтобы заключить мирное соглашение, он стал бесценным материалом для юмора военного времени. Этот пример особенно мрачен:

Два старых знакомых сталкиваются друг с другом в концентрационном лагере. "Почему ты здесь?" - спрашивает один. "10 мая я сказал, что Рудольф Гесс сумасшедший, - отвечает другой, - а ты?". "15 мая я сказал, что Гесс не сумасшедший".

Эта шутка показывает, насколько немцы в 1941 году осознавали страшную власть нацистского государства. Но мало кто восстал против нацистских эксцессов - из-за страха, безразличия или базовых национал-социалистических убеждений.

Однако признаки того, что нацистская Германия прошла свой зенит, были очевидны. Напав на своего архетипического врага, ставшего временным союзником на востоке, Германия перестаралась. Советский Союз с его огромной территорией и колоссальными военными ресурсами стал стеной, о которую Гитлер будет биться головой в

течение следующих четырех лет. И снова Германия начала с завоевания территорий, но уже через несколько месяцев ее продвижение замедлилось, а затем и вовсе остановилось. Затем последовал самый мрачный период Третьего рейха, и в этот период империя была радикализирована, как внутри, так и снаружи, до такой степени, которая ранее не была известна в истории.

Задолго до того, как Гитлер приступил к реализации своего Окончательного решения, люди за рубежом знали, что евреи подвергаются жестокой дискриминации и преследованиям в Германии. Но эта тема не была широко освещена в общей культуре внешнего мира; например, в фильмах предвоенных лет об этой несправедливости почти ничего не говорилось. В эпоху умиротворения политическая ситуация была слишком шаткой для подобных обвинений, и в 1930-е годы единственной кинематографической страной, которая была действительно активна на пропагандистском фронте, была сама Германия. Самый мощный мировой орган влияния на общественное мнение, Голливуд, не был заинтересован в производстве фильмов с резкой критикой нацистов, хотя причины этого были связаны не столько с политическими симпатиями, сколько с практическими, экономическими соображениями. Хотя мало кто хотел признавать это, американская киноиндустрия зависела от европейского рынка, а в то время, когда фашистский терроризм и страх перед новой войной преследовали людей, никто в Европе не хотел смотреть "проблемные фильмы". Зрители жаждали развлечений, и Голливуд предоставлял им специально созданные эскапистские фантазии, легкие развлечения во всех мыслимых формах.

Сам американский народ сохранял смущенную дистанцию от непокорных, саморазрушительных наций "старой Европы", и проблемы европейского континента казались особенно далекими тем, кто грелся под солнцем Южной Калифорнии. В 1936 году только пять процентов американцев в целом могли представить себе, что их страна вступит в войну против Германии. И вместо того, чтобы рассказать правду о перевооружении Германии и расистском безумии, Голливуд заставлял своих звезд исполнять танцевальные па. Только с началом Второй мировой войны крупные студии начали мобилизовывать

аудиторию. И здесь большую роль сыграли экономические соображения. После вторжения Германии в Польшу европейский рынок резко сократился. Многие фильмы не могли быть распространены даже в Европе военного времени. Между тем, настроение в Америке стало патриотическим, и даже расчетливые студийные боссы начали понимать, что Соединенным Штатам, возможно, не удастся избежать вступления во Вторую мировую войну.

ОДНА ЗВЕЗДА американской киноиндустрии гораздо быстрее своих коллег поняла, насколько опасна немецкая угроза. Чарли Чаплин тоже участвовал в Первой мировой войне: в своем фильме "Плечо к плечу" самый известный комик в мире отправился на фронт против кайзеровской империалистической Германии. Никто лучше Чаплина не знал, как использовать юмор в качестве оружия, и он был рожден для создания кинематографической пародии на абсурдно раздутые образы нацистов и предупреждения против них.

Ряд странных совпадений связывал Чаплина с Гитлером. Они не только носили одинаковые усы, но и родились с разницей всего в четыре дня. Удивительно, но идея сыграть роль психопата-диктатора пришла Чаплину в голову не сама по себе; ее подсказал ему его коллега по режиссуре и продюсеру Александр Корда. В своих мемуарах Чаплин описал свою реакцию на предложение Корды: И вот грянула очередная война, а я пытался написать историю для Полетт [Годдард]; но у меня ничего не получалось. Как я мог предаваться женскому капризу, думать о романтике или проблемах любви, когда безумие будоражил отвратительный гротеск - Адольф Гитлер?

Александр Корда в 1937 году предложил мне снять историю о Гитлере, основанную на ошибочной идентификации: у Гитлера те же усы, что и у бродяги: Я мог бы сыграть обоих персонажей, сказал он. Тогда я не слишком задумывался над этой идеей, но сейчас она была актуальна, и мне отчаянно хотелось снова начать работать. И вдруг меня осенило. Конечно! В роли Гитлера я мог изъясняться с толпой на жаргоне и говорить все, что хотел. А в роли бродяги я мог более или менее молчать. История Гитлера - это возможность для бурлеска и пантомимы. Так что с этим энтузиазмом я поспешил вернуться в

Голливуд и принялся за работу над сценарием. На разработку сюжета ушло два года.

Амбиции Чаплина подкреплялись тем, что немецкие журналисты постоянно преследовали его в своих пропагандистских органах, а геббельсовская пресса называла его "маленькой еврейской кувыркающейся фигуркой" или просто "отталкивающим". Чаплину не терпелось отплатить нацистам за их оскорбления.

Окончательный вариант сценария "Великого диктатора" был закончен в тот же день, когда Англия объявила войну Германии, и вскоре после этого проект, в который Чаплин уже вложил полмиллиона долларов, был запущен в производство. Сюжет был простым, но умным. Чаплин играет еврейского цирюльника, потерявшего память во время Первой мировой войны и выписанного из госпиталя после нескольких лет бесплодного лечения, только для того, чтобы найти Томанию (Германию) полностью изменившейся. Парикмахер ничего не знает о политическом подъеме нацистов и их антисемитских погромах, и это незнание приводит к ряду абсурдных ситуаций. Чаплин также играет мегаломаниакального томанского диктатора Аденоида Хинкеля, а сцена скачет туда-сюда между гетто и дворцом автократа.

Хинкель произносит ряд странных речей к массам на псевдонемецком языке, командует своими приспешниками Герингом (Геринг) и Гарбичем (Геббельс) и участвует в нелепых соревнованиях со своим итальянским союзником и соперником Бенцино Напалони. Поскольку еврейский цирюльник и томанский диктатор выглядят совершенно одинаково, сюжет превращается в комедию ошибочных опознаний. Парикмахер захватывает кабинет Хинкеля, отправляет тирана в концлагерь и произносит речь с призывом к миру и осуждением человеконенавистнической, расистской политики своего двойника. Сцена из первого варианта сценария, в которой еврейская жена диктатора подвергается косметической операции, чтобы выглядеть как стереотипная немецкая фрау, была исключена, поскольку ее сочли слишком радикальной.

Чаплин погрузился в работу на съемочной площадке. Он просмотрел множество материалов из еженедельных немецких киножурналов и

впитывал детали как губка. Чтобы одинаково правдоподобно сыграть обе роли, он снимал сцены с Хинкелем и цирюльником в разное время, сначала в гетто, а затем во дворце диктатора, который он снимал в декабре 1939 года. К марту 1940 года он смог сообщить своим студийным боссам, что работа над фильмом завершена. Во время съемок фильма поступали тревожные сигналы из Государственного департамента США, а британское правительство времен умиротворения тоже беспокоилось, что фильм, изображающий Гитлера шутом, может оказаться не такой уж хорошей идеей, и угрожало запретить его показ в Великобритании. У Чаплина были законные основания опасаться, что фильм никогда не увидит свет.

Но затем события приняли драматический оборот, о чем Чаплин позже рассказал в своей автобиографии:

Не успел я закончить "Диктатора", как Англия объявила войну нацистам. В выходные я был на Каталине на своей яхте и услышал по радио удручающие новости. Вначале было бездействие на всех фронтах. "Немцы никогда не прорвут линию Мажино", - говорили мы. Затем внезапно начался холокост: прорыв в Бельгии, крушение линии Мажино, страшный и ужасный факт Дюнкерка - и Франция была оккупирована. Новости становились все более мрачными. Англия сражалась, прижавшись спиной к стене. Теперь из нашего нью-йоркского офиса неистово звонили: "Поторопитесь с вашим фильмом, все его ждут".

Нацистское правительство развернуло полномасштабную дипломатическую кампанию, чтобы в последний момент остановить проект Чаплина. Но хотя многие американцы по-прежнему симпатизировали Германии, их усилия оказались тщетными.

Однако неприятности Чаплина были далеки от завершения. Перед премьерой фильма он получил письма от людей, которые угрожали бросить в экран бомбы-вонючки или даже выпустить пули. Он все равно продолжил работу, и фильм стал огромным хитом, заработав больше денег, чем все остальные фильмы комика. Пресса была менее восторженной; некоторые критики обвиняли Чаплина в том, что он бросил вызов коммунистам. В частности, многие возражали против

сентиментальной речи еврейского цирюльника в конце фильма, обращенной непосредственно к зрителям. Наивный пацифизм, выраженный в ней, вероятно, заставил Чаплина осторожно дистанцироваться от "Великого диктатора" после Второй мировой войны. Позже он сказал, что если бы он знал тогда о масштабах преступлений нацистов, включая Освенцим, он бы никогда не снял этот фильм.

Эрнст Любич, режиссер другой великой антинацистской комедии военного времени, не получил тех лавров, которыми пользовался Чаплин. На самом деле, фильм "Быть или не быть", который сегодня по праву считается классикой, доставил ему значительные трудности. Прежде всего, это было неудачное время, из-за которого зрители отвергли фильм, а критики обрушились на него с критикой. Фильм Чаплина "Великий диктатор" вышел на экраны кинотеатров в 1940 году, задолго до того, как Соединенные Штаты вступили в войну. Людям в США было легко смеяться над ужасными событиями в Европе, когда конфликт казался еще таким далеким. Но год спустя, когда Любич приступил к съемкам своего шедевра, ситуация изменилась. Звезды и полосы теперь развевались над полями сражений в Европе, проливалась кровь американцев, чтобы помочь освободить мир от террора нацизма, и это не было поводом для смеха. Для многих это было совершенно неподходящее время для выпуска комедии о Третьем рейхе.

Но хотя критики и публика сопротивлялись идее, "Быть или не быть" оказался очень смешным фильмом. Сюжет был гениально закручен. Молодой польский летчик-истребитель Станислав Собинский (Роберт Стэк) влюбляется в театральную актрису Марию Туру (Кэрол Ломбард). Каждый раз, когда муж-актер Туры выходит на сцену и начинает знаменитое солилоквизирование Гамлета, Собинский покидает зал и встречается с Турой за кулисами. В тот момент, когда их роман раскрывается, начинается Вторая мировая война, и Собинский оставляет свою возлюбленную, чтобы идти воевать. Когда становится ясно, что Польша не может противостоять более мощной Германии, он отправляется в Лондон, где вместе с другими изгнанниками добровольно выполняет опасные задания Королевских

BBC. Но шпион гестапо по имени профессор Силецкий пробрался в ряды поляков, сражающихся в изгнании, и с помощью простой уловки получил в свои руки полный список лиц, активно участвующих в польском сопротивлении. В этом списке есть Мария Тура, и когда ничего не подозревающий Собинский просит Силецкого передать ей слова "Быть или не быть", фальшивый профессор принимает это за код. Пилот обнаруживает истинную личность Силецкого, но не раньше, чем тот добирается до Польши, чтобы передать список офицеру СС по имени Эрхардт. Собинский отправляется в путь, чтобы предотвратить катастрофу, и прыгает с парашютом в оккупированную Варшаву.

Там он связывается с Марией. Ее труппа огорчена плохими новостями, но не знает, как помешать Силецкому передать список с именем Марии нацистам. Тогда Собинский и она придумывают дерзкий план. Они превращают свой театр в поддельный нацистский штаб и устраивают ловушку для Силецкого. Актеры переодеваются в нацистов, а муж Марии Иосиф играет роль группенфюрера Эрхарда. Обман срабатывает, но во время беседы между мнимым Эрхардом и Силецким выясняется, что шпион сделал копию списка, которую оставил в номере отеля. Так Йозеф принимает новую роль - шпиона гестапо Силецкого. Когда ситуация в Варшаве начинает накаляться, Турасы переодевают другого актера в Гитлера и бегут со всей труппой на личном самолете фюрера.

Любич подошел к материалу с легкой руки и без труда справился со всеми кувырками сюжета. Актеры - особенно Джек Бенни, играющий напыщенного артиста Джозефа Тура, - очевидно, получили удовольствие от сценария. Но первые показы в начале 1942 года ясно показали, что фильм провалится. Специально приглашенные зрители встретили умные остроты молчанием. В частности, многих зрителей взбесила сцена, в которой настоящий Эрхардт говорит: "То, что [Тура] сделал с Шекспиром, мы сейчас делаем с Польшей". Рецензии постоянно цитировали эту реплику как доказательство безвкусицы фильма, и целые ряды зрителей покидали кинотеатры, когда она была произнесена. Волна возмущения была направлена на Любича, которого обвинили в том, что он смеется над страданиями поляков.

Следующая рецензия иллюстрирует непонимание критиков и их коленопреклоненное неприятие фильма:

Откровенно говоря, этот угол не в состоянии даже отдаленно понять юмор или, возможно, сатиру в таком сопоставлении фантазии и фактов. Где точка соприкосновения между абсолютно искусственным сюжетом и страданиями нации, которые являются одной из величайших трагедий нашего времени? Что смешного в замечании, которое немецкий полковник делает по поводу актерской игры мистера Бенни: "То, что он сделал с Шекспиром, мы сейчас делаем с Польшей?". Даже если бы можно было забыть о том ужасе, который это подразумевает, истребление народа вряд ли было бы поводом для шуток. Однако через всю картину проходит странное непроникновение чувств. Можно подумать, что г-н Любич придерживается позиции "Все, что угодно, лишь бы посмеяться".

И это возвращает нас к вопросу: каков замысел фильма, который с таким отвращением торгует мрачной человеческой трагедией, происходящей в настоящее время? Почему голливудский продюсер должен пытаться придать значимость причудливой сказке, делая вид, что она связана с реальными событиями сегодняшнего дня? Почему, если он хочет снять картину с историей такого невероятного масштаба, он не должен отнести ее к области абсолютного бреда?

Судя по тому, что мы увидели, ответ, который смотрит нам в лицо, заключается в том, что некоторые люди в Голливуде по-прежнему смотрят на мир театральными глазами. Они так глубоко привыкли отражать иллюзии и сюжетные схемы, а не жизнь, что драматизм текущих событий становится просто мукой для их мельниц, перемалывающих образы. Польша, Франция, Англия, а вскоре и остров Уэйк - всего лишь место действия для их старых сюжетных линий. Цивилизации могут рушиться, но герой и героиня в конце концов остаются целы.

Газета Philadelphia Inquirer была еще более резкой в своем осуждении, и, по иронии судьбы, в ее негативном отзыве присутствовал антисемитский компонент. Любич, писал критик, был изнеженным еврейским режиссером.

По сей день фильм "Быть или не быть" сохраняет клеймо безвкусицы в американском массовом сознании. Современные историки кино могут быть гораздо мягче в своих суждениях о работе Любича, чем критики его собственного времени, но моральные возражения против фильма сохраняются - многие зрители по-прежнему считают некоторые сцены неуместными в свете нацистского геноцида в Восточной Европе. Сам Любич был удручен резкими комментариями своих современников, но он отказался вырезать оскорбительную шутку про Шекспира и Польшу. Вместо этого он начал активно защищать свою работу в американской и британской прессе. Ему потребовалось два года, чтобы отреагировать на особую враждебность, направленную на него газетой Inquirer, но когда тот же рецензент прорекламировал его следующий фильм, Любич представил длинное, хорошо аргументированное открытое письмо:

Я пишу это письмо не для того, чтобы заставить вас пересмотреть свою критику - ничто не может быть дальше от моих мыслей. Я просто пишу это письмо, чтобы указать вам на то, что несколько раз в своей критике вы прибегаете к тому, что в спортивных кругах называют "фолом".

Цель становится очень ясной, когда в следующем предложении в отношении "Быть или не быть" вы обращаете внимание на мою "бездушную, безвкусную попытку найти удовольствие в бомбардировке Варшавы". Будучи опытной газетчицей, вы, несомненно, понимаете, какой эффект подобное утверждение должно произвести на читающую публику, особенно в такое время. Такая пропаганда не очень любезна, но когда она основана на ложных фактах, она становится возмутительной.

Естественно, ваше утверждение, что я "нахожу удовольствие в бомбардировках Варшавы", совершенно не соответствует действительности. Когда в "Быть или не быть" я упоминал о разрушении Варшавы, я делал это со всей серьезностью; комментарии под кадрами разрушенной Варшавы говорят сами за себя и не могут оставить у зрителя никаких сомнений в том, какова моя точка зрения и отношение к этим актам ужаса. В этой картине я сатирически

изобразил нацистов и их нелепую идеологию. Я также сатирически изобразил отношение актеров, которые всегда остаются актерами, независимо от того, насколько опасной может быть ситуация, что я считаю верным наблюдением.

Я никогда не говорил в картине ничего уничижительного о Польше или поляках. Наоборот, я изобразил их как галантный народ, который не плачет на чужом плече в своих несчастьях, но даже в самый темный день не теряет мужества, находчивости и чувства юмора.

Можно спорить о том, может ли трагедия Польши, реалистично изображенная в фильме "Быть или не быть", сочетаться с сатирой. Я считаю, что это возможно, как и зрители, которых я наблюдал во время показа фильма "Быть или не быть"; но это вопрос дискуссии, и каждый имеет право на свою точку зрения, но это, конечно, далеко не "режиссер берлинского происхождения, который находит удовольствие в бомбардировках Варшавы". Сомнительно, что послание Любича было эффективным, учитывая эмоционально насыщенную атмосферу Америки военного времени. Только после его смерти фильм "Быть или не быть" обрел статус классики. Современные критики были неспособны видеть дальше своих собственных ближайших горизонтов, поэтому "Великий диктатор" и "Быть или не быть" были измерены разными мерилами. Нацисты должны были изображаться в виде скалящих зубы монстров, а поляки - в виде беспомощных жертв - никакие другие образы не допускались. Любич игнорировал эти клише. Его нацисты были гротескными мелкими бюрократами, а поляки - умными давидами, которые своими изобретательными трюками одолели голиафа Гитлера.

Хотя в сюжете фильма "Быть или не быть" использовались стандартные комические приемы, в изображении нацистов как обывательских болванов содержалась правда, превосходящая ту, что обычно встречается в кинокомедиях. Биограф Любича Герберт Шпайх был прав, когда говорил, что режиссер гораздо раньше большинства своих современников понял "банальность зла". Большинство гитлеровских приспешников не были демонами. Они были слишком послушными мещанами, которые мутировали в убийц. Их показания о

Холокосте во время послевоенных судебных процессов показали, что этот взгляд на нацистов был в основном верным. Но Америка в 1942 году не была к этому готова.

Радиопрограммы, подготовленные союзниками, не стеснялись выставлять нацистов в смешном свете. Би-би-си начала вещание на немецком языке в 1938 году, и его содержание создавалось почти исключительно немецкими и австрийскими эмигрантами. По оценкам, сделанным в конце войны, число немцев, слушавших радио, составляло от 10 до 14 миллионов человек. Конечно, прослушивание иностранного радио было незаконным, но угроза наказания, похоже, не останавливала многих людей.

Это была смелая идея - объединить сводки новостей и музыку в стиле свинг, которая была очень популярна в Германии, но запрещена нацистами, с сатирой. Но глава немецкой службы Би-би-си Роберт Лукас, австрийский еврей (урожденный Роберт Эренцвейг, он эмигрировал в 1934 году), убедил своих коллег попробовать. У них не было никаких этических сомнений по поводу высмеивания нацистов или опасений, что они будут слишком изобретательны в этом деле, и их первое комедийное шоу вышло в эфир в декабре 1940 года. Главным героем антинацистской сатиры BBC был рядовой Адольф Хирншаль, который сообщал новости с фронта своей "любимой жене". Временами подразделение Хирншаля оказывалось в окружении, а временами наступало на русских, и он преломлял все безумие войны и национал-социалистической идеологии, находясь на месте событий. На каждую жертву, которую его призывали принести ради отечества, он давал красноречивый комментарий.

Критически настроенные немцы, которые, пренебрегая законом, смотрели BBC, были в восторге от этих посланий из Англии. Сериал с участием вымышленного рядового, который всегда говорил первое, что приходило ему в голову, стал хитом. Болтливый и остроумный Гирншал прокладывал свой путь через остатки Европы вплоть до конца войны, а творческие умы BBC использовали ежедневные события как источник вдохновения. Например, на следующий день после неудачной попытки покушения на Гитлера в его убежище

"Волчье логово" Хирншал отправил домой особенно беспечное письмо: 21 июля 1944 года

Дорогая Амалия, моя любимая жена,

Ты не можешь себе представить, какой переполох поднялся в наших рядах в связи с покушением на нашего любимого фюрера. Ганс-Иоахим Блиц сказал, что невозможно поверить, как неожиданно может произойти поворот судьбы. Если бы убийца положил свой портфель на шаг вправо или влево, возможно, мы бы сейчас наслаждались миром. Но, к счастью, вмешалось Божественное Провидение. И пока Блиц говорил это, поднялся первый лейтенант Ханке и произнес короткую речь, в которой объяснил, что произошло большое чудо, и что это доказательство того, что судьба на нашей стороне, и что весь немецкий народ стоит как один за нашего любимого фюрера, и что мы добьемся победы с помощью фюрера, судьбы и наших новых ракет V... Затем раздался сигнал воздушной тревоги, и сразу же начали падать бомбы.

Одна из них попала прямо в цель, и когда мы начали искать убитых и раненых, то увидели, что время бедного Ханса-Йоахима Блица истекло. Мы с Яшке стояли перед телом, и я сказал: "Может, он и ходил прихрамывая, но он был стойким и прямым парнем". Я никогда раньше не видел ничего подобного выражению лица Яшке, когда он сказал хриплым голосом: "Да, так оно и есть. Сегодня это он. Завтра это могу быть я, а послезавтра - ты, Гирншал". И я сказал: "Да, Эмиль, так оно и есть. Десятки тысяч тех, кто сегодня жив, умрут жалкой смертью. И многие города, которые сегодня стоят высокие и прекрасные, превратятся в пепел и руины. Многие женщины и дети умрут от голода или болезней. И все это из-за того, что портфель был поставлен слишком далеко справа или слева. Если так угодно судьбе...".

И в этом духе, моя любимая жена, обнимаю и целую тебя,

С любовью, Адольф

Рядовой на Западном фронте

Успех программы "Хирншал" вдохновил BBC на создание других сатирических передач. Автор Бруно Адлер решил превзойти Хирншаля и придумал "Фрау Вернике", остроязыкую, никогда не говорящую "умри" берлинскую женщину, которая предлагала здравые насмешки над принудительным фашистским государством. Она также тонко рекламировала новостные программы Би-би-си на немецком языке. Сегодня мы можем только догадываться, сколько немцев смотрели передачи, созданные Робертом Лукасом и его коллегами-комиками.

Зенит сатирических усилий Би-би-си пришелся на 1940 год, когда австрийский эмигрант Иоганн Мюллер, выступавший под псевдонимом Мартин Миллер, начал пародировать странные речи Гитлера. Имитация Гитлера Мюллером была настолько совершенной, что ЦРУ, как говорят, спросило британскую разведывательную службу MI6, что они думают о новых заявлениях фюрера, ссылаясь на передачу Миллера. Более того, после войны выяснилось, что этот фальшивый Гитлер привлек значительную немецкую аудиторию. Современник из Берлина, Манфред Ормановски, рассказывал, как его отец, социал-демократ, переписывал и тайно воспроизводил речи Мюллера о Гитлере, используя подвальный печатный станок. Ормановский сам распространял сатирические листовки среди немецких критиков Гитлера. Он прятал их на фальшивом дне аквариума и приходил к друзьям своего отца якобы для того, чтобы обменяться рыбками, а на самом деле для того, чтобы раздать остроумные брошюры.

Выступления Мюллера вряд ли убедили закоренелых нацистов в нелепости их идеологии. Но программа Би-би-си подняла дух немецких критиков Гитлера. По словам Ормановски, они почувствовали, что не одиноки в своих взглядах. Мюллер знал, что лучший способ развлечь свою аудиторию - это напасть на Гитлера там, где он был наиболее уязвим. Например, после того как Гитлер пообещал "окончательную победу" в 1941 году, Мюллер заставил фальшивого фюрера выступить с речью, посвященной итогам года:

Мое сегодняшнее послание совпадает с завершением года, в котором я гарантировал окончательную победу. Но год завершился только по календарю, тому самому григорианскому календарю, который был навязан германскому миру международным еврейством и римским папой по имени Грегор, подкупленным масонами. Разве мы, национал-социалисты, установившие в мире новый порядок, хотим, чтобы теневые иностранные силы указывали нам, когда начинается и когда заканчивается год? Нет, мои расовые товарищи, только я один вправе решать, когда начинается и когда заканчивается год. Для нацистской партии яркие моменты инициативы Би-би-си по созданию антинацистской сатиры были неслыханными провокациями, но фашисты не умели использовать настоящий юмор в качестве оружия и почти ничего не придумали в качестве юмористической контратаки.

По иронии судьбы, в начале войны казалось, что нацисты имеют преимущество на пропагандистском фронте, и в течение короткого времени у англоязычной службы немецкого общественного радиовещания было почти столько же слушателей в Англии, сколько у Би-би-си. Передачи всегда начинались словами "Германия вызывает", хотя из-за гнусавого голоса диктора Уильяма Джойса эти слова звучали как "Джермания вызывает", за что ведущий быстро получил прозвище Лорд Хоу-Хоу. Вместо сатиры англоязычные программы нацистов предлагали слушателям циничные советы о том, как лечить раны, полученные при бомбежках. Джойс зачитывал такие советы на безупречном оксфордском английском, хотя он был вовсе не аристократом, а скорее развязным бандитом с большим шрамом на лице, полученным в уличной драке. После войны он был схвачен в Гамбурге, где его, как бывшего британского подданного, казнили за государственную измену.

Несмотря на первые пропагандистские успехи нацистов, Би-би-си сохраняла превосходство в "радиовойне" вплоть до гибели Третьего рейха. Геббельс и его приспешники могли применять драконовские наказания к тем, кто был уличен в прослушивании иностранных передач, но такие демонстрации силы были выражением беспомощности. Даже самые суровые санкции не смогли удержать немцев от тайного прослушивания Би-би-си. Например, в 1939 году

был принят закон, согласно которому передача новостей иностранных радиостанций считалась смертным преступлением. Текст этого закона не оставляет сомнений в том, насколько серьезно нацисты относились к пропаганде:

В современной войне противник сражается не только военным оружием, но и средствами, предназначенными для психологического воздействия и истощения людей. Одним из таких инструментов является радио. Каждое слово, передаваемое противником, конечно же, является ложью, задуманной для того, чтобы нанести вред немецкому народу. Имперское правительство знает, что немецкий народ осознает эту опасность, и поэтому ожидает, что каждый немец будет считать делом ответственности и порядочности избегать прослушивания иностранных радиостанций. Для тех расовых товарищей, которым не хватает этого чувства ответственности, Совет министров обороны империи издал следующее постановление. Совет министров обороны империи постановил, что это будет законом для всей территории Великой Германской империи:

§1 Запрещается намеренное прослушивание иностранных радиостанций. Нарушения будут наказываться перевоспитательным тюремным заключением. В более мягких случаях оно может быть сокращено до простого лишения свободы. Используемые радиоприемники будут конфискованы. §2 Тот, кто намеренно распространяет новости иностранных радиостанций такого рода, которые могут поставить под угрозу способность немецкого народа к сопротивлению, будет подвергнут воспитательному заключению, а в крайних случаях - смертной казни.

Но, несмотря на количество шпионов среди населения и неблаговидные показательные процессы, на которых людей приговаривали к смерти за нарушение этого закона, мало кто из немцев изменил свои радиопристрастия. Немецкое радио было полно триумфальных репортажей - даже когда вермахт все более явно переходил к обороне, журналисты говорили о "корректировке фронтов" и "запланированных перемещениях в тыл". Хотя Би-би-си вряд ли была свободна от пропаганды, она была гораздо более

надежным источником новостей. В берлинском жаргоне лживые радиообращения Геббельса быстро стали известны как "сказочный час Клубноногого".

Но даже те, кто видел нацистскую пропаганду сквозь пальцы, должны были признать опыт нацистов в использовании СМИ в своих целях. Помимо радиопропаганды, важность которой Гитлер осознал уже в самом начале, существовали еженедельные киножурналы, полностью посвященные распространению нацистской идеологии. Увлечение кино вдохновило Геббельса на рискованный эксперимент с политическим юмором, и в первые годы войны министр пропаганды включал юмористические скетчи в еженедельные киножурналы. Первая такая серия называлась "Тран и Хелле" и была основана на простой формуле. Упрямый парень с бритой головой по имени Тран (его играл актер Людвиг Шмитц) перечислял жалобы, читал книги еврейских авторов или покупал апельсины на черном рынке, то есть делал все возможное, что хороший расовый товарищ назвал бы неправильным. Затем щеголеватый приверженец партии Хелле возвращал "пораженца" в строй. Часто "благонамеренные" советы Хелле сопровождались угрозами. Так было в скетче о прослушивании иностранных радиостанций:

ХЕЛЛЕ: Здорово, что вы наконец-то купили радиоприемник. Теперь вы узнаете, в какой интересный век мы живем. Вы сможете следить за главными объявлениями империи.

ТРАН: И, возможно, я смогу иногда настраиваться на иностранные радиостанции.

ХЕЛЛ: Что? Ты хочешь слушать иностранное радио?

ТРАН: Конечно, иностранные новости. Например, из Лондона.

ХЕЛЛ: Лондон?

ТРАН: Да. Вы знаете, как добраться до Лондона?

ХЕЛЛ: Я не знаю, как получить Лондон, но я знаю, что вы получите, если вам это удастся.

ТРАН: И что же это?

ХЕЛЛ: Клинч, даже тюрьму!

ТРАН: А если никто не узнает?

ХЕЛЛ: Неважно, узнает кто-нибудь или нет. Хороший немец не делает таких вещей.

ТРАН: Но ты должна быть в курсе того, что вокруг тебя.

ХЕЛЛЕ: Конечно, в иностранных передачах говорят чистую правду без примесей. Разве вы никогда не слышали о системе новостей, используемой нашими врагами? Если бы вы слышали, то знали бы, что все, что они говорят, направлено на то, чтобы ослабить нашу способность к сопротивлению.

Как ни странно, немцы считают скетчи "Тран и Хелле" уморительными. Но это не значит, что они соглашались с дидактическими высказываниями Хелле. На самом деле, чаще всего все было наоборот. Нацистские шпионы докладывали, что сериал был так популярен, потому что большинство людей симпатизировало Трану, пораженцу, после чего Геббельс немедленно отменил его. После провала этой попытки юмористического убеждения фашисты больше никогда не пытались делать политические зарисовки - аналогичная серия под названием "Liese and Miese" была отменена еще на стадии концепции. Удивительно, но после Второй мировой войны Юпп Гессельс, актер, сыгравший нацистского идеолога Хелле, заявил, что он был аполитичным человеком и никогда не подозревал, что эти скетчи были лишь безобидным развлечением.

Несмотря на все свои пропагандистские выкрутасы, нацистское руководство не могло скрыть, что война пошла наперекосяк. Первые намеки на перелом в ходе войны появились зимой 1941-42 годов, когда недостаточно оснащенный вермахт потерпел ряд дорогостоящих

поражений на просторах России. В частности, поколение немцев, переживших двухфронтовую войну в Первой мировой войне, начало подозревать, что Гитлер переусердствовал, напав на Советский Союз. Но не только призрак Вердена вызывал беспокойство. Многие немцы увидели параллель с Наполеоном, который потерпел сокрушительное поражение в зимней России. Более того, гигантская, ледяная советская империя была лишь одним из врагов, с которыми пришлось столкнуться немецким полевым командирам, и на других фронтах - например, в Египте - становилось очевидным, что немецкая армия достигла предела своих материальных и кадровых возможностей. Вся мощь люфтваффе Геринга была не в состоянии защитить немецкие города от воздушных атак. Немецкие города подвергались бомбардировкам с 1940 года, а к 1943 году союзники проводили бомбардировки круглосуточно. Геринг однажды знаменито заметил, что если вражеский самолет когда-либо войдет в воздушное пространство Германии, его можно называть "Майер". К 1943 году острословы среди населения стали называть его именно так, и печально известному высокомерному фельдмаршалу некого было винить, кроме себя.

Ход Второй мировой войны необратимо изменился после кровавого поражения немецких войск в Сталинграде в конце января и феврале 1943 года. Гибель Шестой армии вермахта окончательно лишила Гитлера возможности похвастаться тем, что он "величайший полевой генерал в истории". Отныне претензии фюрера на непогрешимость должны были соизмеряться с реальностью. Сам Гитлер упрямо отказывался признавать факты и в ответ на катастрофу непрерывно призывал немцев к упорству.

Но Гитлер был не единственным, кто становился еще более иррациональным, сталкиваясь со все увеличивающимся разрывом между истинным положением дел и нацистским желаемым. Все национал-социалистическое руководство, оказавшись в обороне, начало выходить из себя. К тому времени, когда 18 февраля 1943 года Геббельс произнес свою печально известную речь о "тотальной войне", тотальная война уже стала кровавой реальностью на всех фронтах. По сути, кровожадная агрессия Германии была в

значительной степени направлена против ее собственной армии. Десятки тысяч немецких солдат были без необходимости принесены в жертву за границей, в то время как на внутреннем фронте командование взяли на себя эсэсовцы.

Внешняя и внутренняя радикализация шли рука об руку. Во время опьяняющей серии немецких побед в начале войны фашистская правовая система лишь умеренно использовала меры, направленные на запугивание скептиков. Теперь же смертные приговоры "тем, кто подрывает обороноспособность", выносились быстро и яростно. Последовавшие за этим приговоры и казни были основаны на гнусном чрезвычайном постановлении военного времени, разработанном фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем. Текст указа был намеренно оставлен расплывчатым:

Подрыв обороноспособности карается смертью, и это наказание распространяется на тех, кто публично призывает и побуждает других отказаться от службы в немецкой или союзной армии и иным образом пытается ослабить или подорвать волю немецкого народа и его союзников к самосохранению".

Начиная с 1943 года, нацистская судебная система свободно использовала то, что было равнозначно "чистым чеком" для произвольного государственного насилия. Судьи творчески подходили к толкованию того, какие высказывания считаются "публичными", и суды решили, что даже критические замечания, сделанные в семейном кругу, подпадают под действие постановления Кейтеля.

Судьи и прокуроры полагались на помощь небольшой армии охочих доносчиков, которые на протяжении всех оставшихся лет войны доставляли на виселицу сотни сограждан, критически настроенных к режиму. Иногда информатором был комендант здания или сосед, пытавшийся свести старые счеты. В крайних случаях дети доносили даже на своих родителей. Нигде в немецком обществе люди не были защищены от этих неофициальных нацистских "депутатов". Без доносчиков, которые, конечно же, поощрялись государством, режим никогда не смог бы достичь того уровня принуждения, которое он осуществлял над своими гражданами. Само гестапо, хотя его и

боялись, не имело необходимого персонала, чтобы держать под своим контролем миллионы людей. Вместо того чтобы усилить тайную полицию, нацисты придумали коварную систему, с помощью которой доносы могли передаваться от любопытных соседей на самый высокий уровень гестапо.

Историк Мейке Вёлерт в своем анализе документов нацистской тайной полиции дала нам хорошее представление о том, что происходило с людьми, которых передавали в гестапо за шутки о пораженцах. В большинстве случаев их допрашивали, а затем отпускали. Дальнейшие последствия были редки. Даже в тех случаях, когда люди представали перед специальными политическими судами, судебные разбирательства обычно заканчивались простым предупреждением. Шутки обычно не подпадали под чрезвычайное постановление Кейтеля о военном времени, а подчинялись гораздо более мягкому закону о злонамеренных высказываниях. Небольшое меньшинство остроумцев, которых заключали под "охрану", как правило, освобождали после пяти месяцев заключения. Нацистские власти рассматривали политическую критику - "пораженческие высказывания" - как уголовное преступление, а политический юмор - как правонарушение.

Тем не менее, было несколько исключительных случаев, когда рассказывание анекдотов серьезно преследовалось, чтобы избавиться от "расовых товарищей", которые вышли из употребления. Один из таких случаев, относящийся к последним годам войны, заслуживает дополнительного внимания: дело венского актера Фрица Мулиара. Этот убежденный противник нацизма был призван в армию в 1940 году и отправлен воевать во Францию. Когда его сослуживцы узнали о его театральном образовании, ему приказали устроить вечер развлечений для солдат. В этом не было ничего необычного. Это задание, направленное на поддержание морального духа, поручали и другим артистам, и многие комики, сделавшие успешную карьеру после войны, выступали в армейских кабаре. Ожидалось, что такие люди обеспечат аполитичный, бесспорный юмор, который отвлечет солдат от повседневных тягот войны. Однако Мулиар с самого начала

отказался придерживаться этого неписаного правила. Спорный юмор, как вспоминал Мулиар в интервью для этой книги, прошел успешно:

"Всякий раз, когда я рассказывал шутки, которые не совсем соответствовали партийной линии, раздавалось много смеха. И, конечно, это делало меня все более дерзким... Мастер-сержант, австриец по фамилии Мюллер, однажды предупредил меня, чтобы я был немного осторожнее, потому что все может быстро измениться".

Мюльер отказался следовать этому совету. Работа в оккупированной Франции привела его к контакту с местными жителями, которые не испытывали любви к своим завоевателям. Согласно одной французской шутке, аббревиатура нацистской партии NSDAP означала "Nous sommes des Allemands provisoires" ("мы - временные немцы"), а шутки, которые рассказывали такие "временные немцы", были резкими, антинемецкими и полными негодования. Мулиар всегда был готов помочь французам, помогая им переправлять беженцев через границу и поддерживая другую подрывную деятельность. Он также пересказывал французские анекдоты среди немецких солдат.

Австрийский товарищ, учитель средней школы из первого района Вены, сообщил о нем властям. Через некоторое время Мулиар был арестован, когда стоял на страже фальшивого аэродрома, заполненного винтовыми самолетами. Он был заключен в тюрьму в Осерре и обвинен в нарушении параграфа 5 чрезвычайного постановления военного времени. В частности, его обвинили в подрыве боевого духа войск пораженческими высказываниями и шутками. И действительно, молодой солдат вряд ли был осмотрителен, публично заявив: "Геббельс - распутник, Гитлер - преступник, а война - проигранное дело".

Открытым секретом было то, что офицеры в подразделении Мулиара были столь же прямолинейны в своем юморе, но им это сходило с рук. Мулиар уже привлек неодобрительное внимание партийных властей из-за своих контактов с французами и членства в австрийском националистическом движении. Шутки, которые он рассказывал, послужили удобным поводом для того, чтобы отправить молодого бунтаря на лед. Мулиара отправили в одиночную камеру на семь

месяцев, в течение которых его положение оставалось мучительно неопределенным. Когда его выпустили, чтобы он предстал перед военным судом 10-й дивизии Люфтваффе, судья был на удивление снисходителен, видимо, решив, что высказывания Мулиара не отражали глубоких политических убеждений, а были проявлением юношеского буйства. Он получил четырехмесячный тюремный срок за "подрыв обороноспособности" в дополнение к еще одному четырехмесячному сроку за акт кражи, которого он не совершал.

Но облегчение, которое почувствовал Мулиар, было недолгим. Как только он вернулся в тюрьму в Осер, его дело было возобновлено. Высший военный судья дивизии, генерал-фельдмаршал Хуге Сперрле, счел приговор Мулиару слишком мягким. Мулиару сообщили, что его дело будет рассмотрено повторно и что обвинение будет просить о смертной казни. Получив это известие, 22-летний парень сел в своей камере и составил свою последнюю волю и завещание. Частью этой воли было душераздирающее письмо к семье, в котором содержалось указание передать золотые часы и экземпляр "Фауста" Гете своему другу Курту Елинеку.

12 декабря 1942 года долгое ожидание Мулиара подошло к концу, когда его доставили в Париж и заставили предстать перед военным судом. И снова его пощадили, приговорив "всего лишь" к пяти годам заключения в тюрьме для перевоспитания. Позже этот срок был заменен на "фронтовое условно-досрочное освобождение". Его отправили в Донецкий бассейн на Украине, где он должен был служить в подразделении для военнопленных, которое было немногим лучше спецназа смертников. Мульяр чудом выжил на войне, несмотря на то, что ему приходилось продвигаться через минные поля. Сам он считал себя погибшим. Спустя десятилетия после войны он вспоминал: "Тогда я считал, что никогда больше не смогу смеяться".

Служба в отряде смертников на Восточном фронте, несомненно, была адской, но, по крайней мере, Мулиар дожил до этого времени. Некой Марианне Элизе К., работавшей техническим чертежником в Берлине, не так повезло. Коллега по оружейному заводу, где она работала, донес на нее властям за то, что она рассказала следующий анекдот:

Гитлер и Геринг стоят на вершине берлинской радиовышки. Гитлер говорит, что хочет сделать что-нибудь, чтобы вызвать улыбку на лицах берлинцев. Тогда Геринг говорит: "Почему бы вам не прыгнуть?". Марианну К. приволокли в печально известный Народный суд, который с некоторых пор прославился тем, что выносил суровые приговоры. Председатель суда, Роланд Фрайслер, который как никто другой олицетворял судебный террор нацистского государства, лично присутствовал на ее процессе. Приговор, вынесенный им 26 июня 1943 года, гласил:

Как вдова погибшего немецкого солдата, Марианна К. пыталась подорвать нашу волю к мужественной обороне и самоотверженному труду в области вооружений во имя победы, делая злобные замечания о фюрере и немецком народе и высказывая пожелания, чтобы мы проиграли войну. Этими действиями и тем, что она выдает себя за чешку, хотя на самом деле является немкой, она исключила себя из расового сообщества. Ее честь была окончательно подорвана, и поэтому она будет наказана смертью.

Марианна была казнена на гильотине. Суд отверг ее версию о том, что ей было горько из-за того, что ее муж погиб в бессмысленной агрессивной войне. Напротив, суд счел, что ее статус военной вдовы усугубил ее преступления.

Народный суд гордился тем, что не принимает во внимание индивидуальные страдания. Предшественник Фрейслера, Отто Георг Тирак, дал будущему председателю четкие инструкции:

В целом, судьи Народного суда должны приучить себя видеть идеи и намерения руководства государства как главные, а зависящие от них человеческие судьбы - как второстепенные.

Фрейслер принял эти слова на веру и исполнил их до конца. По мере продвижения войны количество рассмотренных дел и смертных приговоров, вынесенных судом Тирака и Фрейслера, резко возросло. В 1942 году, когда стало ясно, что военная судьба обернется против Германии, число погибших увеличилось в десять раз.

Фото-таблица-247

"Пораженцы" вроде Марианны К. почти всегда казнились, и суд не делал различий между обычными гражданами и людьми, которые были хорошо известны. Одной из жертв суда стал всемирно известный пианист Карлроберт Крайтен, который был вызван к судье после пророчества о том, что у нацистского правительства скоро станет на одну голову меньше. Даже личное вмешательство всемирно известного дирижера Вильгельма Фуртвенглера, руководителя Берлинского филармонического оркестра, не смогло избежать участи Крайтена. Сообщение о казни пианиста было опубликовано в одной из берлинских ежедневных газет в саркастической редакционной статье под заголовком "Артист - пример и образец для подражания". Автором этой статьи был журналист Вернер Хёфер, который, несмотря на свое нацистское прошлое, в 1960-е годы сделал карьеру на западногерманском телевидении. Ему даже разрешили вести популярное утреннее телешоу и работать программным директором.

Другим видным "пораженцем" был актер Роберт Дорсей, который добился известности, играя очаровательного дамского угодника в ряде комедий УФА. Наряду с актерскими способностями, Дорсей умел рассказывать анекдоты, что он делал по любому поводу. На гламурных вечеринках UFA ему было свойственно высмеивать Гитлера и Геббельса, и не все его шутки были безобидными. В одной из них обыгрывалась немецкая идиома "кусать траву", означающая подталкивать маргаритки:

Во время шествия фюрера по городу молодые девушки несут цветы. Одна из них протягивает Гитлеру пучок травы. "Что я должен с этим делать?" спрашивает Гитлер. "Съешьте его", - отвечает девушка. "Люди всегда говорят, что лучшие времена наступят только тогда, когда фюрер будет есть траву".

Дорсай, похоже, не учел, что не всем такие шутки покажутся смешными. Он проигнорировал пару рассудительных предупреждений и прямо отказался вступать в нацистскую партию. Это было ясно всем: Дорсей не имел времени для нацистов.

В ответ его систематически наказывали. Боссы UFA позаботились о том, чтобы он больше не получал главных ролей. В антисемитской комедии "Роберт и Бертрам" он мимолетно появился в роли слуги-еврея, который мог бы быть карикатурой из Der Stürmer - знак того, как далеко упала его звезда. Но даже эта полусерьезная попытка добиться расположения, опустившись до самых примитивных антисемитских глубин, не смогла замедлить его профессиональный крах. Во время войны Дорсей был вынужден соглашаться на малооплачиваемые ангажементы в качестве фронтового артиста кабаре, и даже самые плохие роли в кино были ему не по зубам. Отчаявшись, он выплеснул свое разочарование за пивом и вином в буфете одного из ведущих берлинских театров.

Однажды Дорсай развлекал свой стол последними анекдотами про фюрера, и на него донес случайно оказавшийся в комнате правительственный советник. В августе 1943 года специальный военный суд приговорил его к двум годам перевоспитания в тюрьме. Но пока Дорсей готовился отбывать наказание, его дело продолжало набирать обороты.

К лету 1943 года государство неистово пыталось заставить людей проявить солидарность, принимая все более жестокие карательные меры в отношении скептиков. Генрих Гиммлер, только что назначенный министром внутренних дел, отменил все приговоры, вынесенные специальными судами - видимо, посчитав их слишком мягкими. 8 октября Дорсай предстал перед судом повторно, и на этот раз приговор был смертным. Менее чем через три недели актер был казнен на гильотине.

Газета Völkischer Beobachter и другие нацистские газеты лаконично передали новость о его казни:

Измена карается смертью: Берлин, 1 ноября 1943 года. Актер Роберт Стампа, он же Дорсай, был приговорен к смертной казни за неоднократную агитацию против рейха и за серьезный подрыв нашей обороноспособности. Приговор уже был приведен в исполнение.

В предпоследний год войны имя Роберта Дорсая снова можно было встретить на плакатах. Не киноафишах, а кроваво-красных объявлениях на рекламных киосках, размещенных для того, чтобы все знали, как популярный шутник встретил свой конец.

Случай Роберта Дорсая еще раз иллюстрирует двойные стандарты, которые применялись в Третьем рейхе к критическим политическим шуткам. Некоторые шутники отделались предупреждением, в то время как других отправляли в тюрьму или, в крайнем случае, предавали смерти. Причина непоследовательности, как показал Вёлерт, заключалась не в произвольном характере нацистских юридических вердиктов. Судьи действовали систематически, руководствуясь приказами, в которых особое внимание уделялось отношению к подсудимому, а не его действиям. Такой человек, как Дорсай, который был известен как критик режима, мог рассчитывать на гораздо более суровый приговор, если бы предстал перед судом, чем убежденный национал-социалист, рассказавший тот же анекдот. Этот руководящий принцип нацистской судебной системы можно проследить по приказу самого Гитлера, переданному Гейдрихом в 1936 году.

Драконовские наказания, вынесенные Народным судом, были направлены на то, чтобы сделать примером определенных лиц, и вряд ли они не могли не оказать хотя бы частичного желаемого эффекта. По мере увеличения числа смертных приговоров росло и ощущение того, что люди находятся под угрозой, когда они рассказывают анекдоты, критикующие режим. Однако это не означает, как часто предполагают, что смех в Третьем рейхе был смертельно опасен. Простое рассказывание политической шутки не подвергало жизнь шутника опасности. Реальный риск возникал, когда нацисты искали повод удалить нежелательного члена общества. Важен был не сам "проступок", а общее представление властей об отношении обвиняемого к национал-социализму. Хорошим примером может служить шутка, появившаяся в ряде официальных протоколов:

На стене школы висят две фотографии - Гитлера и Геринга - с пробелом посередине. Учитель спрашивает: "Чем заполнить пробел?".

Ученик встает и говорит: "Фотографией Иисуса. В Библии сказано, что он был прибит между двумя преступниками".

В документах гестапо и спецсуда от 1933 года рассказ этой шутки квалифицируется как проступок. Но когда в последние годы войны священник, критиковавший нацистов, рассказал вариацию этой шутки, народный суд, взявший на себя ответственность за это дело, вынес смертный приговор. Ирония заключалась в том, что в версии священника смысл шутки был скрыт так, что понять его могли только те, кто хорошо знал Библию: Смертельно раненный солдат вот-вот умрет и зовет медсестру. Он говорит: "Я собираюсь умереть как солдат и хотел бы знать, за кого я отдал свою жизнь". Медсестра отвечает: "Ты умираешь за фюрера и немецкий народ". Солдат спрашивает: "Может ли фюрер прийти ко мне в палату?". Медсестра отвечает: "Нет, это невозможно, но я принесу вам его фотографию". Солдат говорит ей, чтобы она положила ее на правую сторону его кровати, а затем говорит: "Я служил в Люфтваффе". Тогда медсестра приносит ему фотографию Геринга и кладет ее слева от кровати. Тогда солдат говорит: "Теперь я могу умереть как Иисус". К смертному приговору привело не содержание шутки, а биография священника, который ее рассказал.

Йозеф Мюллер был католиком, родился в 1884 году и воспитывался глубоко консервативными и религиозными родителями. Как и многие другие молодые люди его поколения, он пошел добровольцем в немецкую армию во время Первой мировой войны и вернулся домой раненым и травмированным, после боев во Франции и Румынии. Он изучал теологию во Фрайбурге и Мюнстере и был назначен священником в 1922 году. Он сразу же проявил способности к работе с молодежью и к 1930-м годам проводил до 17 часов религиозных занятий в неделю. Меланхоличный, временами депрессивный священник расцветал всякий раз, когда у него появлялась возможность привлечь молодежь к церкви. Политика была частью того, что он преподавал, и он часто предостерегал своих учеников от погони за "призраками", то есть крайними политическими позициями.

Это неизбежно приводило к конфликту с местными нацистами, которые предпочитали видеть своих детей в гитлерюгенде и Союзе немецких девушек, а не в воскресной школе. Кроме того, со временем Мюллер открыл свой дом и двор не только для детей, но и для польских подневольных рабочих. Они якобы занимались садовыми работами, но это было лишь притворством, чтобы они могли участвовать в мессе. Это было нарушением закона, как и его публичное "пораженческое" настаивание на том, что Германия никогда не сможет выиграть войну.

Хотя официально Мюллер никогда не имел неприятностей с властями, в глазах нацистов он уже не был чист. К своему последнему заданию в районе города Хильдесхайм он приступил 1 августа 1943 года, имея против себя ряд тайных черных меток. Мюллер, вероятно, не знал, насколько опасным было его положение. Друзья называли его наивным, а его непосредственный начальник сообщал, что он обладает лишь умеренным интеллектом и ему не хватает "интеллектуальной гибкости". Тем не менее, он быстро нашел друзей в своем новом доме, и спустя десятилетия люди все еще хвалили его доброту. Он не знал, что местный плотник, который часто делал ремонт в его ректорате, был фанатичным нацистом.

Примерно через месяц после приезда Мюллер разговорился с местным школьным учителем, и тот рассказал ему анекдот про умирающего солдата. Он услышал ее в пабе, где она вызвала искренний смех у группы присутствующих фермеров. По дороге домой Мюллер случайно столкнулся с плотником и его отцом, который чувствовал себя плохо. Чтобы подбодрить старика и, возможно, немного отомстить плотнику, который часто отпускал колкости в адрес религии, Мюллер рассказал только что услышанный анекдот. Плотник немедленно отправился к лидеру местной нацистской группировки и донес на священника.

Это был камень, послуживший сигналом к сходу лавины. Донос был передан в гестапо Хильдесхайма, и сотрудники тайной полиции явились на одну из служб Мюллера и стали демонстративно делать записи. Священник был доставлен на допрос. После этого его

отпустили, поскольку гестапо Хильдесхайма ожидало указаний от Главного управления безопасности Рейха в Берлине, которое также заинтересовалось этим делом. Механизм государственной несправедливости, вероломная система, зависевшая от таких осведомителей, как молодой плотник, пришла в действие. Критически настроенные священнослужители уже несколько лет находились в черном списке нацистов, а в 1942 году другой священник, работавший в епископстве Хильдесхайма, был убит в "блоке священников" концентрационного лагеря Дахау.

В течение следующих трех месяцев Мюллера неоднократно вызывали на допросы в гестапо. Во время этих допросов он неоднократно подчеркивал, что никогда не собирался шутить за счет фюрера, а рассматривал историю умирающего солдата как притчу о христианской готовности к самопожертвованию, которая могла бы развеселить отца плотника. Он продолжал эту неэффективную линию защиты в последующие месяцы, упорно отказываясь назвать имя человека, рассказавшего ему эту шутку. Тем временем к расследованию подключился народный суд, который настаивал на аресте "пораженца". К тому времени плотник пожалел о своем поступке и тайно встретился с Мюллером в соседней деревне. Плотник отказался от своих показаний и попросил прекратить расследование, но безуспешно. Мюллер был арестован в своей резиденции 11 мая 1944 года.

Свидетели сообщили, что полиция вошла в дом через заднюю дверь, чтобы помешать Мюллеру бежать. Сначала его держали в Хильдесхайме, но через несколько дней власти, заявив, что им необходимо лечить его от острых болей в желудке, перевели его в тюрьму в берлинском районе Моабит. 15 июля в народном суде ему были предъявлены обвинения. Суд над ним за "подрыв обороноспособности" начался три недели спустя, всего через несколько дней после провала еще одной попытки покушения на Гитлера, которую возглавил граф Клаус Шенк фон Штауффенберг. Подсудимый вряд ли мог предстать перед судом в более неподходящее время. Четырем мужественным членам прихода Мюллера, которые

предложили дать показания в его пользу, было отказано в допуске в суд.

Суд, на котором председательствовал сам Роланд Фрайслер, быстро превратился в пародию. Фрейслер неоднократно прерывал попытки защиты Мюллера, чтобы обругать священника. Брат Мюллера Оскар позже рассказывал, что судья даже вставлял религиозные шутки во время перекрестного допроса:

Фрейслер манипулировал показаниями по своему усмотрению. Следует отметить, что во время перекрестного допроса свидетелей Фрейслер не мог удержаться от резких, циничных шуток и враждебных высказываний в адрес христианства, Папы Римского, католических епископов и священников. Это переходило в прямое кощунство, когда один из свидетелей рассказал анекдот, высмеивающий христианскую веру в рай и ад, причем Фрейслер сам помогал свидетелю подобрать слова общего презрения. Метод записи показаний также позволил понять, что нацисты держали священника под наблюдением, поскольку боялись, что его деятельность - под которой они подразумевали его беспокойное рвение среди приходской молодежи - подорвет все, что партия там построила.

Отчет Оскара Мюллера позволяет предположить, что на самом деле судили не за проступок, в котором обвиняли Мюллера, а за систему убеждений, противоречащую национал-социализму.

Даже во время своих самых диких вспышек Фрейслер был способен связно излагать свои доводы. Как свидетельствуют судебные протоколы, его самые страшные бредни все же были внятными. Он также был внимательным наблюдателем, и к моменту суда над Мюллером он, по крайней мере, должен был подозревать, что Германия потерпит поражение во Второй мировой войне. К 1944 году это было очевидно для каждого здравомыслящего человека. Но Фрейслер позволил своему здравому смыслу возобладать над почти религиозной верой в обещания фюрера об окончательной победе. Любой, кто оспаривал эту веру, расшатывал непрочные основы всей системы убеждений Фрейслера. К предпоследнему году войны пропасть между реальностью и нацистскими пожеланиями была

такова, что требовались значительные умственные усилия, чтобы сблизить эти два понятия. Для Фрейслера представители христианства были не кем иным, как еретиками, которые угрожали ему альтернативой национал-социализму.

Вероятно, именно это стало причиной истерического педантизма судьи и презрительных тирад в адрес "обнимателей Библии". Суд над Мюллером на самом деле не был шуткой или "пораженческим" высказыванием отдельного человека. Речь шла об отчаянной защите крайней и потому уязвимой позиции, а именно: что в конце концов национал-социализм силой воли победит любого врага. На фоне признаков общей социальной дезинтеграции, начавшейся после последнего неудачного покушения на Гитлера, смертная казнь была единственным исходом, который Фрайслер мог допустить для суда над Мюллером. Только пролитие крови, так рассуждал судья в своем приговоре, могло исправить болезнь "внутреннего фронта". Как это часто случалось с процессами, которые слушал Фрейслер, процесс над Мюллером завершился оргией криков. Оскар Мюллер писал:

Далее последовала одна из вспышек ярости Фрейслера, в которой он засыпал подсудимого всевозможными обвинениями в сговоре, враждебности и разрушительных намерениях в отношении национал-социализма в разгар войны за выживание. Как червь, бушевал Фрейслер, обвиняемый прогрыз себе путь в мозг немецкого народа и подорвал его волю к самообороне. Искупить такой грех можно было только одним способом: смертной казнью. В час дня 11 сентября 1944 года Мюллера отвели к гильотине и обезглавили - и, как обычно в нацистской Германии, каждая деталь казни следовала точному протоколу.

Счет за расходы на казнь был отправлен наследникам Мюллера, которым было запрещено проводить какие-либо поминальные службы. В последнем городе, где служил Мюллер, владелице паба было сделано "дружеское предупреждение" о том, что она может стать следующей, кто подвергнется смертной казни, поскольку в ее заведении слишком много говорят о священнике. Даже в последние месяцы перед гибелью Третьего рейха государственный аппарат

репрессий продолжал работать в полную силу. Но Роланд Фрайслер переживет Йозефа Мюллера лишь на несколько месяцев. Самый печально известный висельник нацистской Германии был убит во время воздушного налета в начале февраля 1945 года.

К 1944 году Германия безвозвратно проиграла войну. Даже командующий немецкими войсками на Западном фронте фельдмаршал Герд фон Рундштедт в сентябре того же года признал, что военный крах нацистской империи - лишь вопрос времени. После высадки союзников в Нормандии 6 июня врага было уже не удержать, и к 25 августа американские и французские войска сопротивления освободили Париж. Армия союзников росла в численности и одерживала победу за победой. В частности, Третья армия под командованием генерала Паттона быстро набирала силы и продвигалась вперед от Меца в Эльзасе до реки Мозель в Германии. В августе Седьмая армия под командованием генерала Патча высадилась на средиземноморском побережье Франции и стремительно продвигалась вверх по Роне. Тем временем британско-канадская Первая армия под командованием фельдмаршала Монтгомери освободила Брюссель и Антверпен. Эти союзные войска с их гигантскими колоннами танков продвигались иногда на 50 миль в день.

Вермахт мало что мог сделать, чтобы замедлить продвижение своих врагов, и фюрер бессмысленно растратил те ресурсы, которые оставались у немецких военных. Вместо того чтобы противостоять продвижению союзных войск гибкими маневрами, Гитлер просто приказал вермахту окопаться и держаться, как он приказал им сделать это под Сталинградом. Вопреки всякой военной логике, ключевые позиции удерживались так долго, что немецкие части там были окружены и пали от истощения. Такие людские потери не волновали фюрера. Он работал над фантастическим планом контратаки, которая в конечном итоге приведет к уничтожению его армии. В других частях театра военных действий, на периферии безнадежно перенапряженной нацистской империи, ситуация была еще серьезнее. Несмотря на широко разрекламированную переброску генерала Роммеля, так называемого "Лиса пустыни", в Северную Африку, этот регион

достался англичанам. Гитлер, вероятно, так и не смог до конца осознать стратегическое значение этой потери. Население видело ситуацию более ясно и стало говорить о "Тунисграде", напоминая о фиаско Сталинграда. Однако хуже всего обстояли дела на Восточном фронте, где накапливались гигантские советские силы. Летнее наступление Красной Армии, о котором немецкие генералы предупреждали Гитлера, прокатилось по всей Восточной Европе. К августу авангардные русские части измотали немецкую группу армий "Центр", захватили важнейшие нефтяные месторождения Румынии и вышли к границе Восточной Пруссии.

В течение нескольких недель война достигла немецкой земли, и ее нельзя было отбить, поэтому пропагандистская машина Геббельса попробовала новый метод поддержания морального духа населения. В прессе стратегически сеялись слухи о том, что немецкие ученые работают над "чудо-оружием", которое в последнюю минуту переломит ход войны. В этом была доля правды. К июню 1944 года была завершена работа над "летающей бомбой" V1, а в сентябре за ней последовала V2 - первая в мире баллистическая ракета, работающая на жидком кислороде. Обе ракеты представляли собой значительный технологический прорыв, но они были недостаточно эффективны, чтобы оказать заметное влияние на баланс сил в конце Второй мировой войны. V1 обычно не достигала цели и была настолько медленной, что ее легко могли перехватить британские военные самолеты. V2 могла лететь со скоростью, в четыре раза превышающей скорость звука, но потребляла огромные ресурсы и обычно зарывалась в землю при столкновении, нанося тем самым меньший ущерб, чем предполагалось. Около 10 000 подневольных рабочих трудились до смерти в подземном концентрационном лагере Дора Миттельбау, чтобы произвести это адское оружие, которое разработал физик Вернер фон Браун. Одна из ужасных ироний немецкой ракетной программы заключалась в том, что при создании ракет V2 погибло больше людей, чем когда-либо было убито ими.

Неизвестно, сколько немцев поверили в сказку о "чудо-оружии". Некоторые, безусловно, верили, поскольку при каждом военном поражении Германии люди хватались за любую соломинку надежды

или утешения. Но было и неопределенное количество "пораженцев", которые не разделяли эту веру. Народное воображение переосмыслило букву V в названии ракет, которая означала "возмездие", как начало слов "отсталость", "отчаяние" и даже "неудача". Шутки распространялись и о другом, еще более новом чудо-оружии, таком как V3, которое могло пролететь 4 000 километров и вернуть пленных; V4, танк на сто человек, внутри которого находились четыре человека, а 96 толкали его сзади; и V5, массивный белый флаг, которым немцы должны были махать при появлении союзных войск.

Более значимым в военном отношении чудо-оружием была подводная лодка XXI, которая могла оставаться под водой до 100 часов за один раз. Эти суда действительно могли нанести серьезный ущерб союзникам - если бы они не поступили в массовое производство слишком поздно, чтобы повлиять на ход войны на море. В итоге история немецких подводных лодок во Второй мировой войне так и осталась историей катастроф, человеческих жертв и плавающих гробов. И снова не удалось преодолеть разрыв между пропагандой и реальностью. Это послужило поводом для шутки, которая была записана в нескольких вариантах:

Вы слышали, что у ВМФ есть новое чудо-оружие? Нет. Что это такое? Подводная лодка с двумя людьми и резиновыми стенками толщиной 1,4 м. Чтобы защитить ее от обнаружения гидролокатором? Нет. Она обогнет побережье Англии и сотрет остров.

Большинство простых немцев были больше озабочены просто выживанием, чем пропагандистскими химерами Геббельса. Германия подвергалась воздушным бомбардировкам с 1940 года. В фильмах 1942 года Берлин, возможно, изображался счастливым городом, но в действительности немецкая столица медленно, но верно превращалась в груду развалин. Люди шутили, что Роммель вскоре будет назначен руководителем нацистского района Берлина, поскольку он был так эффективен в пустыне.

Точно так же один современный свидетель вспоминал, как он проходил мимо сильно разрушенного берлинского зала "Спортпаласт" и услышал, как его одноклассник воскликнул: "Смотри, они сожгли

сцену Бамлега". Бамлег - это едва ли комплиментарное прозвище, которое люди дали косолапому Геббельсу, призвавшему немецкий народ к "тотальной войне" в речи, произнесенной в 1943 году в Sportpalast.

Берлин сильно пострадал, когда вся мощь войны достигла Германии. Люфтваффе Геринга были разгромлены и не могли предложить практически никакой защиты от воздушных налетов союзников, в которых участвовало до 1000 боевых самолетов. Геринг всегда хвастался тем, что ни один вражеский самолет никогда не достигнет воздушного пространства Германии, и это было одним из немногих фактов, которые немецкие массы когда-либо действительно имели против грузного командующего ВВС. Ближе к концу войны, когда популярный юмор становился все более черным, в Берлине был записан следующий анекдот:

Власть нацистов закончена, приговоры вынесены, Гитлер, Геринг и Геббельс висят на виселице. Геринг в последний раз обращается к Геббельсу и произносит: "Я же говорил, что все решится в воздухе". В целом, шутки о политическом руководстве нацистов становились все более оскорбительными. Одна из популярных шуток, варианты которой были записаны в Вене, Кельне и Берлине, была направлена прямо на фюрера:

Гитлер и его шофер едут по стране, и тут происходит авария. Они сбили курицу. Гитлер говорит своему шоферу: "Я скажу фермеру. Я же фюрер. Он поймет". Через две минуты Гитлер подходит, потирая спину с того места, где фермер пнул его в зад. Двое мужчин едут дальше, и через некоторое время происходит еще одна авария. На этот раз они переехали свинью. Гитлер говорит своему шоферу: "На этот раз ты заходи". Шофер повинуется, но проходит час, прежде чем он выходит из дома фермера, а когда выходит, он пьян и несет корзину, полную колбасы и других подарков. Гитлер не может поверить своим глазам. "Что ты сказал фермеру?" - спрашивает он. Шофер отвечает: "Ничего особенного. Я просто сказал: "Хайль Гитлер, свинья сдохла". "

К концу войны Гитлер был спущен на землю. Вымышленный фермер был не единственным, для кого он был уже не псевдобожественным

фюрером, а свиньей.

Тем не менее, большинство немцев продолжали верить, что вражеские лидеры находятся в Лондоне, Москве и Вашингтоне. Ночь за ночью, час за часом гигантские эскадрильи бомбардировщиков союзников волнами обрушивались на немецкие города. Люфтваффе оказались настолько недостаточными, что местные лидеры в Берлине и Гамбурге построили огромные цитадели с зенитными орудиями, охраняемыми радарами, чтобы сбивать вражеские самолеты. Это побудило одного неизвестного шутника сочинить новый текст известной солдатской песни:

На крыше мира

Есть зенитное подразделение

Они стреляют всю ночь напролет

Но ни разу не попали ни хрена.

Пародировались и популярные гражданские песни. Одной из них была "Es geht alles vorüber, es geht alles vorbei", ставшая хитом для немецкой шансонной певицы Лале Андерсен в 1942 году. Оригинальный текст песни звучал так:

Все пройдет

Все пройдет

Но двое влюбленных

всегда останутся верными.

Люси Мангейм, немецкая еврейка, эмигрировавшая в Лондон, исполнила пересмотренную версию песни для немецкоязычной программы Би-би-си:

Все пройдет

Все пройдет

Сначала уйдет Адольф Гитлер.

Потом и партия тоже.

Каждый год за декабрем

сменяется маем

Сначала уйдет Адольф Гитлер.

Потом уйдут его приспешники.

Антинацистская версия песни стала подпольным хитом в Германии, а отдельные куплеты иногда декламировались без мелодии как стихотворение или шутка - такие случаи зафиксированы в ряде досье тайной полиции и гестапо. Пропагандистская песня Мангейма была легко запоминающейся и умной, так что, вполне возможно, она стала самым эффективным продуктом немецкоязычного отдела сатиры Би-би-си. Тем не менее, в 1944 году еще ничего не было кончено. Наряду с гулом бомбардировщиков союзников, непрерывно звучала геббельсовская пропаганда с ее фантазиями о "возмездии". Однако "возмездие" за разрушение союзниками немецких городов заключалось главным образом в том, что остатки вермахта были принесены в жертву бессмысленному наступлению во Франции. К тому времени немецкая армия была настолько разгромлена, что 25 сентября 1944 года Гитлер был вынужден созвать "фольксштурм", или "народное наступление". Оно состояло из членов Гитлерюгенда и мужчин до шестидесяти лет, которые ранее были признаны негодными к военной службе, но теперь прошли курс обучения владению противотанковым оружием. У этого жалкого ополчения не было ни единого шанса против хорошо обученных, хорошо оснащенных солдат Красной Армии и западных союзников. К концу войны 170 000 фольксштурмистов считались пропавшими без вести, большинство из них, предположительно, были убиты.

Это вдохновило на создание мрачной версии популярного немецкого детского стишка:

Улетай, июньский жук,

Твой отец ушел на войну

И дедушку твоего тоже призовут.

Для возмездия здесь,

Улетай, июньский жук!

Другие шутки были не менее мрачными. В одной из них мужчину, копающегося лопатой на кладбище, спрашивают, не вербует ли он новых членов в фольксштурм. В другом случае даже этот вариант оказывается исчерпанным:

Что имеет золото во рту, серебро в волосах и свинец в костях? Член фольксштурма.

В другой шутке предлагалось, что фольксштурм на самом деле является долгожданным чудо-оружием, поскольку, когда русские увидят новую боевую силу Германии, они все умрут от смеха.

Несомненно, вид пенсионеров ("поздний гитлерюгенд" - еще одна трещина) и подростков в военной форме вызывал жалость у гражданских лиц. Люди иронично замечали, что скоро родившихся в 1943 году будут увозить на фронт в детских колясках, или что Гинденбург попросил отпуск у Святого Петра, чтобы присоединиться к мужчинам своего года, которые тоже были призваны. Несмотря на грубый тон этих шуток, они были рождены отчаянием, а не презрением к несчастному пушечному мясу.

Были и другие признаки, говорившие гражданскому населению о том, что конец войны близок. Опасаясь повторения дефицита и голода Первой мировой войны, Гитлер всегда следил за тем, чтобы у немцев было достаточно еды. Это делалось в интересах поддержания

морального духа в тылу, а не из реальной заботы о благополучии людей, но какова бы ни была причина, оккупированные Германией территории безжалостно грабились, чтобы немцы были сыты. Особенно страдали от этих мер жители Польши и Украины. Но по мере того, как война продолжалась, Германия уступала все больше и больше территорий, а бомбардировки отрезали пути снабжения, ситуация с продовольствием ухудшалась. Возможно, немецкое гражданское население и не страдало так сильно, как жители оккупированных стран, но все же оно было вынуждено затянуть пояса.

Значительный народный гнев был направлен на нехватку продовольствия, в то время как большинство немцев старательно игнорировали тот факт, что огромные участки завоеванной территории были обескровлены, чтобы Германия могла нормально питаться. В Вене жители отнеслись к нормированию продуктов со свойственным им едким юмором:

Гитлер созывает совещание с Герингом, Геббельсом и министром продовольствия Гербертом Баке. Гитлер говорит Герингу: "Надолго ли хватит наших самолетов и топлива?". "Пять лет, мой фюрер", - отвечает Геринг. Гитлер обращается к Геббельсу: "Как долго ваша пропаганда сможет держать народ в узде?". "Десять лет, мой фюрер", - отвечает Геббельс. Затем Гитлер обращается к Бакке: "А как долго вы можете держать нас сытыми?". "Двадцать лет, мой фюрер", - отвечает Баке. Гитлер в восторге. "Значит, мы еще долго сможем вести войну", - говорит он, после чего Баке робко поднимает руку. "Я имел в виду только нас четверых". Стратегия союзников, заключавшаяся в подавлении воли немецкого народа постоянными воздушными бомбардировками, не сработала, но население теперь боялось, что враги уморят их голодом. В другой шутке обыгрывается и забота о продовольствии, и мешки с песком, которыми люди пытались забаррикадироваться во время воздушных налетов.

Черчилль совершает разведывательный полет над Германией. Вернувшись, он вздыхает: "Бесполезно пытаться заморить немцев голодом. Они накопили столько провизии, что мешки вываливаются из окон их подвалов".

Ночь за ночью гражданское население, которое к тому времени состояло в основном из женщин, детей и инвалидов, укрывалось в подвалах. В первые дни воздушных налетов предупреждающие сирены звучали за полчаса до начала атаки, но в последние месяцы Третьего рейха людям везло, если они получали предупреждение за несколько минут. Тот, кто не мог добраться до бункера или подвала, оставался один, беззащитный, перед лицом ковровых бомбардировок.

Анонимный автор дневника описал настроение и юмор тех, кто искал убежища в мерцающем аварийном свете немецких подвалов в последние дни Третьего рейха:

10 часов вечера, в подвале. После вечернего супа я немного полежал на кровати, а затем спустился вниз. Все подвальное сообщество уже было там. Сегодня почти не стреляли, и, хотя для этого уже настал час, бомбежек не было. Люди нервно веселятся и начинают рассказывать истории. Миссис У. восклицает: "Лучше русский на животе, чем американец на голове". Шутка плохо сочетается с трауром, который она надела. Фрау Бэн ползет по подвалу: "Давайте будем честными, а? Никто из нас больше не девственник".

В конце войны восточная Германия подвергалась не только бомбардировкам. Приближалось и русское "чудо-оружие" - батареи примитивных ракетных установок, которые немцы называли "сталинскими органами" за их высокочастотный вой. Эти устройства были не слишком точными, но они могли выпускать до 54 ракет одновременно, и их эффект был разрушительным. Жители Берлина придумали мрачные названия для районов и мест города, такие как "Поле обломков", "Дворец тряпок" и "Западный бомбовый кратер", которые отражали разрушения. Люди приветствовали друг друга на улице словами: "Желаю провести ночь без осколков" или "Будь здоров и ухаживай за моей могилой".

В последние месяцы войны реальность была похожа на ускоренное кино. Последнее наступление Гитлера на Запад потерпело жалкое поражение через месяц, и приближался последний акт. Красная армия захватила богатый углем регион Силезии, что заставило министра вооружений Альберта Шпеера сухо заметить Гитлеру: "Война

проиграна". 9 апреля 1945 года восточно-прусский город Кенигсберг (Калининград), который Геббельс однажды назвал крепостью, капитулировал после почти полного разрушения. Две недели спустя грянула битва за столицу Германии. Красной армии пришлось упорно, улица за улицей, брать город. Все "пораженческие" шутки, очевидно, ничего не дали, чтобы подорвать моральный дух населения. В Вене сопротивление немцев тоже было ожесточенным - люди сражались за каждый дом в районе Зиммеринг. Но, несмотря на все эти усилия, гитлеровская Германия с каждым днем становилась все меньше.

Население воспринимало последние события Третьего рейха с юмором висельника:

Один парень говорит другому: "Скажи мне, что ты собираешься делать после войны?" - "Я наконец-то возьму отпуск и посмотрю всю Германию" - "А что ты собираешься делать днем?".

Еще один вопрос, который стали задавать люди перед лицом очевидного неизбежного поражения, - что станет с Гитлером. Это породило следующую шутку, ссылающуюся на привычку Гитлера отдавать честь, поднимая, но не вытягивая правую руку.

Почему у Гитлера такая забавная манера отдавать приветствие? После войны он хочет стать официантом".

30 апреля 1945 года все домыслы были закончены. Русские с боями пробились к Имперской канцелярии, и там, спрятавшись на четырех этажах под землей, Гитлер выстрелил себе в голову.

Никакие шутки о самоубийстве Гитлера не сохранились. Как бы ни страдала его псевдобожественная аура в последние месяцы жизни, население было потрясено смертью фюрера. С непонятной, почти детской верой многие немцы продолжали поклоняться своему вождю до самого конца. Ни у кого, похоже, не было настроения делать какие-либо смешные замечания.

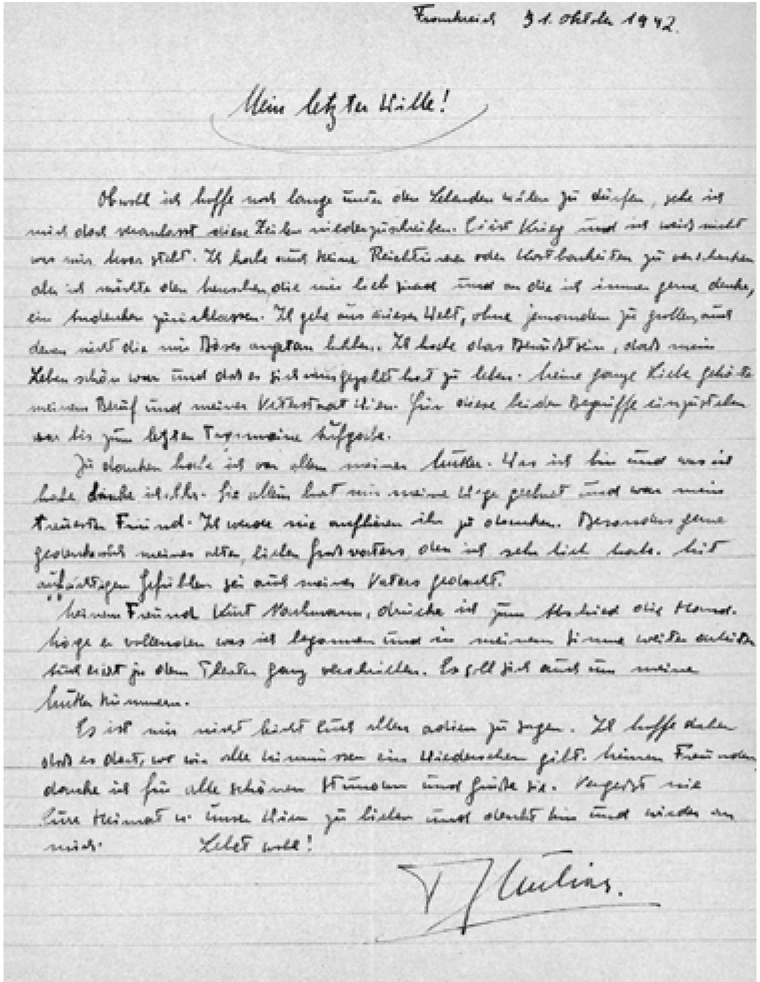
Хайнц Рюманн в фильме «Газовщик» (1939) (Фото: 3)

Людвиг Шмитц и Юпп Хессельс в скетче «Тран и Хелле» (Фото № 4)

Быть или не быть, 1942 г. (Фото: 12)

Перерыв на съемочной площадке во время съемок фильма "Великий диктатор", 1940 год (Фото кредит 14)

Фриц Мулиар, около 1941 года (Фото 9)



Frankreich 31. Oktober 1942.

Mein letzter Wille!

Obwohl ich hoffe noch lange unter den Lebenden weilen zu dürfen, sehe ich mich doch veranlaßt diese Zeilen niederzuschreiben. Es ist Krieg und ich weiß nicht was mir bevor steht. Ich habe auch keine Reichtümer oder Kostbarkeiten zu verschenken aber ich möchte den Menschen, die mir lieb sind und an die ich immer gerne denke, ein Andenken zurücklassen. Ich gehe aus dieser Welt, ohne jemandem zu grollen, auch denen nicht die mir Böses angetan haben. Ich habe das Bewußtsein, daß mein Leben schön war und daß es sich wirklich gelohnt hat zu leben. Meine ganze Liebe gehörte meinem Beruf und meiner Vaterstadt Wien. Für diese beiden Begriffe einzutreten war bis zum letzten Tage meine Aufgabe.

Zu danken habe ich vor allem meiner Mutter. Was ich bin und was ich habe danke ich ihr. Sie allein hat mir meine Wege geebnet und war mein treuester Freund. Ich werde nie aufhören ihr zu danken. Besonders gerne gedenke ich meines alten, lieben Großvaters, den ich sehr lieb habe. Mit aufrichtigen Gefühlen sei auch meines Vaters gedacht.

Meinem Freund Kurt Nachmann, drücke ich zum Abschied die Hand. Möge er vollenden was ich begonnen und in meinem Sinne weiter arbeiten und nicht zu dem Theater ganz verschreiben. Er soll sich auch um meine Mutter kümmern.

Es ist mir nicht leicht Euch allen adieu zu sagen. Ich hoffe daher daß es dort, wo wir alle hinkommen ein Wiedersehen gibt. Meinen Freunden danke ich für alle schönen Stunden und grüße sie. Vergeßt nie Eure Heimat u. Euer Wien zu lieben und denkt hin und wieder an mich. Lebet wohl!

F. Muliar.

Последняя воля и завещание 22-летнего Мулиара (Фото 10)

Sollte mir etwas zustoßen so sind zu verständigen, respektive ist den Genau 2 zu übergeben:

Was ich besitze gehört meiner Mutter Frau L. Mulian Wien VII/62 Kandlg. 1

Meinem Freund Kurt Nachmann Wien II. Zirkusgasse 10, vermache ich meinen Gold-Ring mit dem Auge. Er soll ihm Glück bringen.

Meinem Freund Kurt Jelinek (Wien) vermache ich zu treuen Händen meine kleine Gold-Uhr. Er hat diese seinem Sohn Gregor an dessen 10. Geburtstag zu übergeben.

Frau Grete Heinz-Schröter, sie erhält die Prachtausgabe von Gretes Faust aus meiner Sammlung.

Zu benachrichtigen und zu grüßen sind:

Frau Friedl Hofman-Feldmann Wien III. Theresianumgasse 6

Frl. Maria Kieslich Wien IV. Joh. Straußg. 37.

Herr Alfred Epstein Wien VIII Neubaug. 80

Familie Dang Wien II. Meiner Cousine Hilde ist ein Andenken zu übergeben.

Herr Lev Förster u. Herr Felix Bernard beide Wien.

Herr Dr Peter Wehle Wien III. Am Hauptmarkt 7.

Aus meinem Gold-Siegelring soll sich meine Mutter ein Kreuz machen lassen und dieses als Anhänger tragen.

Ich wünsche beerdigt zu werden, nach Möglichkeit in Wien im Grabe unserer Familie am Zentralfriedhof.

Mein letzter Wille.

Nur von meiner Mutter Frau L. Mulian Wien VII/62 Kandlgasse 16/9 zu öffnen.

Begl.Abschrift
*1o J 405/43 g
1 H 159/43

Im Namen
des Deutschen Volkes

In der Strafsache gegen
die technische Zeichnerin Marianne Elise K [redacted] geb. Tomandl aus Berlin-Mariendorf, geboren am 1o. August 1921 in Elsterberg (Vogtland),

zur Zeit in dieser Sache in Untersuchungshaft,

hat der Volksgerichtshof, 1. Senat, auf Grund der Hauptverhandlung vom 26. Juni 1943, an welcher teilgenommen haben

als Richter:

Präsident des Volksgerichtshofs Dr. Freisler, Vorsitzer,
Landgerichtsdirektor Stier,
SS-Standartenführer von Dolega-Kozierowski,
Generalarbeitsführer Voigt,
Ortsgruppenleiter Kelch,

als Vertreter des Oberreichsanwalts:

Erster Staatsanwalt Ranke,

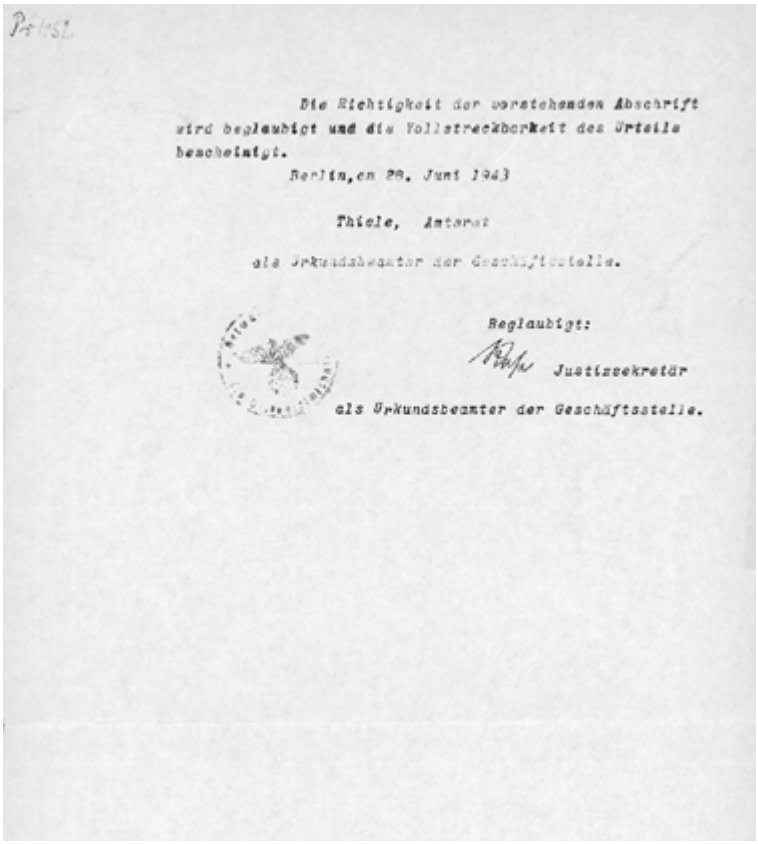
für Recht erkannt:

Frau Marianne K [redacted] hat als deutsche Kriegerwitwe unseren Willen zu mannhafter Wehr und tüchtiger Arbeit für den Sieg in einem Rüstungsbetrieb durch gehässige Worte über den Führer und das deutsche Volk und den Wunsch, wir möchten den Krieg verlieren zu untergraben gesucht.

Sie hat sich so und dadurch, daß sie sich als Tschechin aufführte, obgleich sie doch Deutsche ist, außerhalb unserer Volksgemeinschaft gestellt, ihre Ehre für immer verwirkt und wird deshalb mit

dem T o d e

bestraft.



Die Richtigkeit der vorstehenden Abschrift wird beglaubigt und die Vollstreckbarkeit des Urteils bescheinigt.

Berlin, den 28. Juni 1943

Thiele, Amtsrat

als Urkundsbeamter der Geschäftsstelle.

Beglaubigt:

Justizsekretär

als Urkundsbeamter der Geschäftsstelle.

Объявление смертного приговора, вынесенного Марианне К. (Photo Credit 17)

Bl.2 R/3,8/R. Einige Tage später suchte der A. den Vater des Zeugen H.N. in seiner Wohnung auf, um ihn mit Rücksicht auf seine Erkrankung zu besuchen. Er unterhielt sich mit ihm zunächst über seine Krankheit und häuslichen Angelegenheiten. Nach einiger Zeit kam auch der Zeuge H.N. hinzu und versuchte, das Gespräch wieder auf die Kriegslage zu bringen. Der A. wich jedoch aus, weil er offenbar über diesen Gegenstand nicht sprechen wollte. N. begann nun einen (22) Witz von einem Bauer, der nach seinem Tode zu Petrus kommt, zu erzählen. Der A. erklärte jedoch, daß er die Geschichte kenne, und erklärte, selbst etwas erzählen zu wollen. Er berichtete dann folgendes:

"Ein schwerverwundeter Soldat liegt im Sterben und wünscht diejenigen zu sehen, für die er sein Leben lassen muß. Darauf werden je ein Bild des Führers und Reichsmarschalls geholt und zur Rechten und Linken des Sterbenden

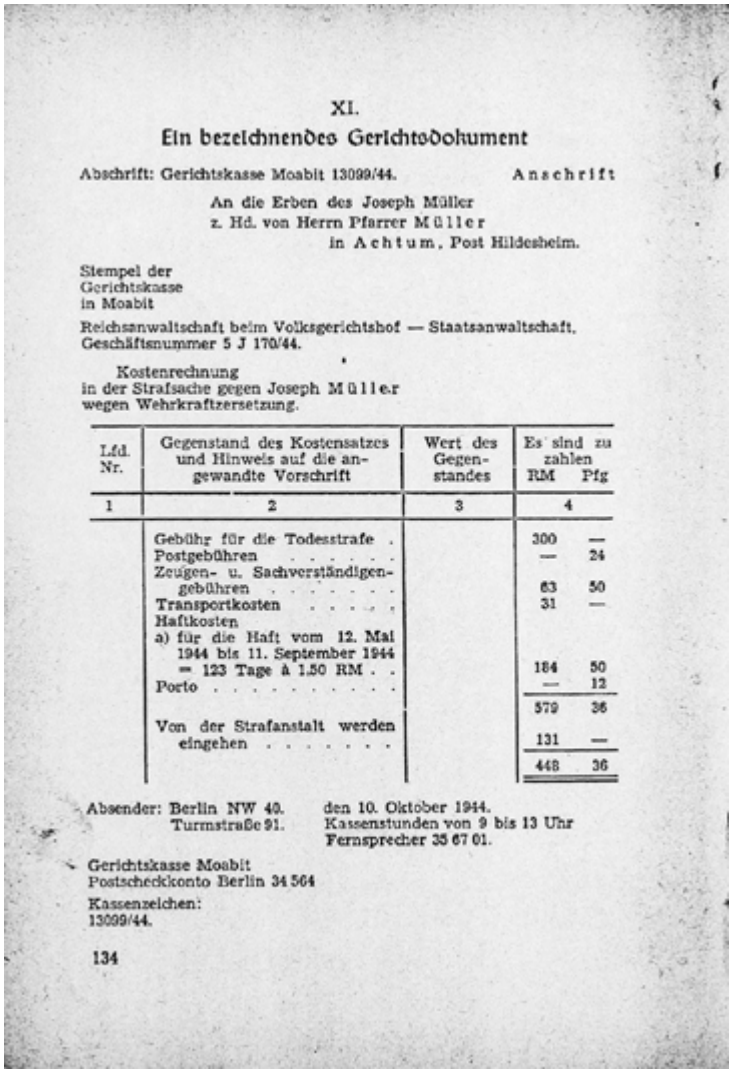
Йозеф Мюллер, около 1943 г., и список обвинений, выдвинутых против него в Народном суде (Фото: 16)

aufgestellt. Dieser sagt darauf: Jetzt sterbe ich wie Christus!!! (Hier deckt sich der Wortlaut nicht mit dem Protokoll der Gestapo, wo steht ... zwischen zwei Verbrechern)

In diesem Augenblick wurde N. von seiner Ehefrau an den im Obergeschoß des Hauses aufgestellten Fernsprecher gerufen und mußte sich deshalb entfernen. Er nahm an, daß der A. durch seine Erzählung hatte zum Ausdruck bringen wollen, wie einst Christus zwischen zwei Schächern gestorben sei, so habe hier der Soldat zwischen zwei Verbrechern sein Leben enden müssen. Darüber, daß der Führer und Reichsmarschall in dieser Weise von dem A. als Verbrecher bezeichnet wurde, war N. auf das tiefste empört. In der Überzeugung, daß der A. eine Gefahr für den Nationalsozialismus sei, wandte er sich an den stellvertretenden Ortsgruppenleiter der NSDAP, den Molkereibesitzer Rierk, bat diesen, zunächst mit niemandem darüber das, was er ihm mitteilen würde, zu sprechen, und teilte ihm dann das von dem A. Gehörte mit, um mit ihm zu besprechen, was gegen den Angeschuldigten zu unternehmen sei. Rierk erklärte jedoch, daß sie derartiges nicht für sich behalten dürften und erstattete gegen den A. Anzeige.

III.

Bl.7/8. Der Ang. hat zugegeben, bei den beiden von N. geschilderten Gelegenheiten mit diesem zusammengetroffen zu sein. Nach seiner Darstellung hat er im Übrigen N. erklärt, niemand könne sagen, ob der Krieg von Deutschland gewonnen werden würde, oder ob er etwa so wie der erste Weltkrieg enden würde. Die Lage sei ernst. Es würde ihm bitterweh tun, wenn die Jugend aus dem jetzigen Kriege ebenso heimkehren müsse, wie er selbst aus dem ersten Weltkriege. - Der Bolschewismus würde sich aber von den schweren Schlägen, die er erhalten habe, nicht erholen können, sondern verblute sich. - Der Nationalsozialismus sei vom historischen Standpunkt aus betrachtet durch die Arbeitslosigkeit, die Inflation und das Versagen der anderen politischen Systeme zur Macht gelangt. - Bei seiner Unterhaltung mit N. hat er auch davon gesprochen, daß sich Ostarbeiter im Reich in Arbeit befänden. Er habe aber daran keine abfällige Kritik geübt. In seiner Erzählung von dem sterbenden Soldaten habe er lediglich den Tod des Soldaten mit dem Tode Christi vergleichen und darlegen wollen, daß der Soldat wie Christus in Erfüllung einer Aufgabe für eine Idee stürbe.



XI.

Ein bezeichnendes Gerichtsdokument

Abschrift: Gerichtskasse Moabit 13099/44. Anschrift

An die Erben des Joseph Müller
z. Hd. von Herrn Pfarrer Müller
in Achtum, Post Hildesheim.

Stempel der Gerichtskasse in Moabit

Reichsanwaltschaft beim Volksgerichtshof — Staatsanwaltschaft. Geschäftsnummer 5 J 170/44.

Kostenrechnung
in der Strafsache gegen Joseph Müller
wegen Wehrkraftzersetzung.

Lfd. Nr.	Gegenstand des Kostensatzes und Hinweis auf die angewandte Vorschrift	Wert des Gegenstandes	Es sind zu zahlen RM	Pfg
1	2	3	4	
	Gebühr für die Todesstrafe .		300	—
	Postgebühren		—	24
	Zeugen- u. Sachverständigengebühren		63	50
	Transportkosten		31	—
	Haftkosten			
	a) für die Haft vom 12. Mai 1944 bis 11. September 1944 = 123 Tage à 1,50 RM . .		184	50
	Porto		—	12
			579	36
	Von der Strafanstalt werden eingehen		131	—
			448	36

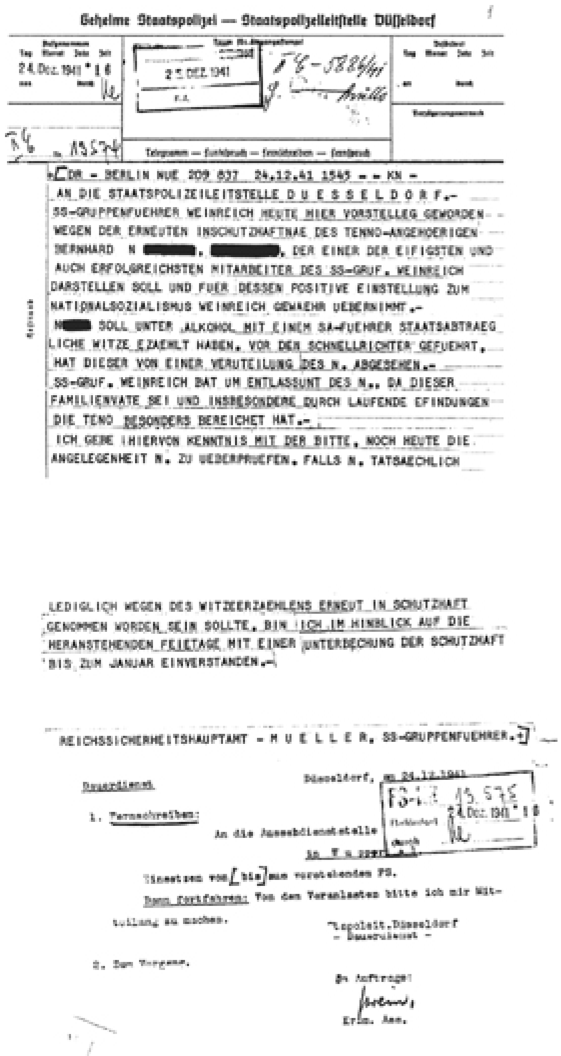
Absender: Berlin NW 40.
Turmstraße 91.

den 10. Oktober 1944.
Kassenstunden von 9 bis 13 Uhr
Fernsprecher 35 67 01.

Gerichtskasse Moabit
Postscheckkonto Berlin 34 564
Kassenzeichen:
13099/44.

134

Счет, отправленный семье Мюллера для его казни (Фото: 16)



Geheime Staatspolizei — Staatspolizeileitstelle Düsseldorf

24. Dez. 1941

25. DEZ. 1941

Telegramm — Funkspruch — Fernschreiben — Fernspruch

+CDR - BERLIN NUE 209 837 24.12.41 1545 = = KN -

AN DIE STAATSPOLIZEILEITSTELLE D U E S S E L D O R F.-

SS-GRUPPENFUEHRER WEINREICH HEUTE HIER VORSTELLEG GEWORDEN WEGEN DER ERNEUTEN INSCHUTZHAFTNAE DES TENNO-ANGEHOERIGEN BERNHARD N [redacted], [redacted], DER EINER DER EIFIGSTEN UND AUCH ERFOLGREICHSTEN MITARBEITER DES SS-GRUF. WEINREICH DARSTELLEN SOLL UND FUER DESSEN POSITIVE EINSTELLUNG ZUM NATIONALSOZIALISMUS WEINREICH GEWAEHR UEBERNIMMT.-

N[redacted] SOLL UNTER ALKOHOL MIT EINEM SA-FUEHRER STAATSABTRAEGLICHE WITZE EZAEHLT HABEN. VOR DEN SCHNELLRICHTER GEFUEHRT, HAT DIESER VON EINER VERUTEILUNG DES N. ABGESEHEN.-

SS-GRUF. WEINREICH BAT UM ENTLASSUNT DES N., DA DIESER FAMILIENVATE SEI UND INSBESONDERE DURCH LAUFENDE EFINDUNGEN DIE TENO BESONDERS BEREICHET HAT.-

ICH GEBE IHIERVON KENNTNIS MIT DER BITTE, NOCH HEUTE DIE ANGELEGENHEIT N. ZU UEBERPRUEFEN. FALLS N. TATSAECHLICH

LEDIGLICH WEGEN DES WITZEERZAEHLENS ERNEUT IN SCHUTZHAFT GENOMMEN WORDEN SEIN SOLLTE, BIN ICH IM HINBLICK AUF DIE HERANSTEHENDEN FEIETAGE MIT EINER UNTERBECHUNG DER SCHUTZHAFT BIS ZUM JANUAR EINVERSTANDEN.-

REICHSSICHERHEITSHAUPTAMT - M U E L L E R, SS-GRUPPENFUEHRER.+

Dauerdienst Düsseldorf, am 24.12.1941

1. Fernschreiben:

An die Aussendienststelle in W u pper...

Einsetzen von [bis] aus vorstehenden FS.

Dann fortfahren: Von den Veranlassten bitte ich mir Mitteilung zu machen.

Stapoleit. Düsseldorf
- Dauerdienst -

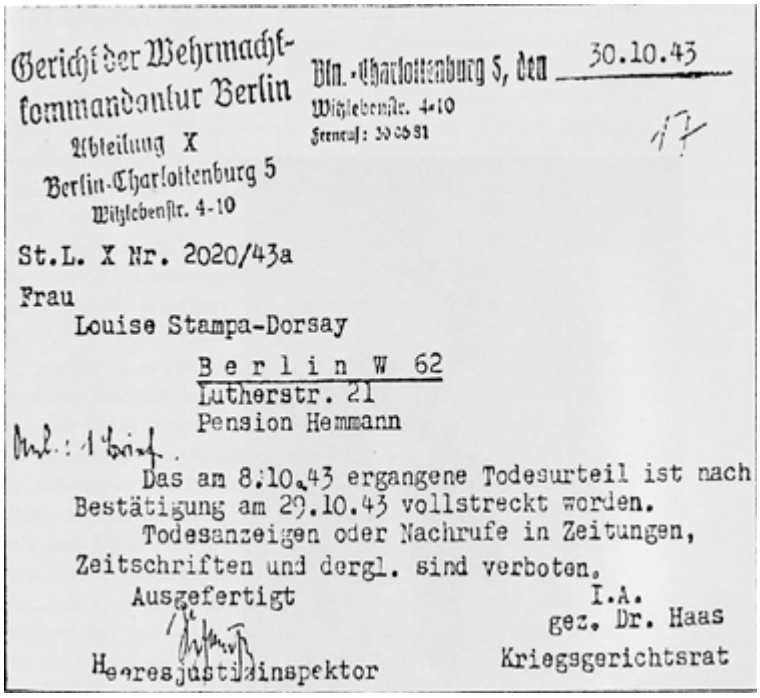
2. Zum Vorgang.

Im Auftrage!

Krim. Ass.

В***ынесен мягкий приговор человеку, который рассказал антинацистскую шутку (Фото: 20)***

Актер Роберт Дорсей и объявление о его казни, адресованное его жене (Фото 25)



Gericht der Wehrmachtkommandantur Berlin
Abteilung X
Berlin-Charlottenburg 5
Wilhelmstr. 4-10

Bln.-Charlottenburg 5, den 30.10.43
Wilhelmstr. 4-10
Fernruf: 30 05 81

St.L. X Nr. 2020/43a

Frau
Louise Stampa-Dorsay

Berlin W 62
Lutherstr. 21
Pension Hemmann

Anl.: 1 Brief.

Das am 8.10.43 ergangene Todesurteil ist nach Bestätigung am 29.10.43 vollstreckt worden.

Todesanzeigen oder Nachrufe in Zeitungen, Zeitschriften und dergl. sind verboten.

Ausgefertigt
Heeresjustizinspektor

I.A.
gez. Dr. Haas
Kriegsgerichtsrat

(Фото 26)

VI. ЮМОР И УНИЧТОЖЕНИЕ

САМАЯ ТЕМНАЯ ГЛАВА Третьего Рейха началась в тени всепоглощающей войны в Восточной Европе. Гитлер проводил жестокую политику «освобождения» немецкого народа от групп людей, которых он считал «паразитами» и «паразитами», и поручил выполнение этой убийственной задачи своему лучшему организатору Генриху Гиммлеру. Лидеру СС было присвоено звание имперского комиссара по укреплению Германии, и его задачей было претворить в жизнь идею Гитлера о создании дополнительного жизненного пространства для немцев в Восточной Европе в оккупированных странах. План состоял в том, чтобы переселить немцев на широкие равнины Украины и России, где они должны были обрабатывать землю, как их германские предки. Население, которое в настоящее время проживало там, должно было быть изгнано или порабощено.

Что же касается евреев, живших в Германии и Восточной Европе, то нацисты придумали адское «окончательное решение» их присутствия. Технические детали были запланированы на Ванзейской конференции в январе 1942 года. Полное урегулирование — «Генеральный план Восток» — должно было начаться только после войны; на данный момент уничтожению европейских евреев уделялось первоочередное внимание. С поразительной преступной энергией Гиммлер и его приспешники усовершенствовали свои методы убийства. Каждый раз, когда вермахт продвигался на новую территорию, следовала волна головорезов, готовых устроить погромы и массовые расстрелы. Какими бы странными и безвкусными это ни казалось сегодня, эти антисемитские оргии были в то время предметом шуток.

Рассказчиками, однако, были не равнодушные немцы и не те, кто совершал убийства, а сами евреи, которые с помощью юмора пытались сохранить мужество перед лицом надвигающейся катастрофы. Даже самые безнадежные ситуации теряли часть своей способности пугать, если над ними смеяться. Удивительно, но многие из этих шуток сохранились у людей, переживших Холокост. Австрийско-

французский писатель Манес Спербер записал следующий резкий и глубоко трагический пример:

Еврейская деревня в Восточной Европе стала жертвой самых ужасных нападений, погромов и массовых расстрелов. Один из жителей сбегает в соседний город и рассказывает всем, что происходит. Его спрашивают: «А что ты делал?» Он отвечает: «В прошлый раз мы прочитали все 150 псалмов вместо обычных 75. И постились в Судный день». «Хорошая работа», — последовал ответ. «Нельзя просто сидеть и ничего не делать».

Эта шутка отражает широко распространенное мнение, что евреи позволяют вести себя, как ягнят, на бойню. Но изюминка не очень критична к ним. Наивность и невинность евреев в анекдоте резко контрастирует с кровожадными преступлениями, совершаемыми окружающим миром.

В сборниках еврейских анекдотов писательницы Сальчии Ландманн есть примеры, основанные на массовых расстрелах, устроенных нацистами в Восточной Европе:

Гестапо собирается расстрелять несколько евреев, когда командир подходит к одному из них и рычит: "Ты почти похож на арийца, так что я дам тебе шанс. Я ношу стеклянный глаз, но это нелегко определить. Если ты сможешь угадать, какой это глаз, я тебя отпущу". И тут же еврей ответил: "Левый!". "Как ты догадался?" - спросил командир гестапо. "Он выглядит так по-человечески".

Пока "боевые отряды" проводили массовые ликвидации на восточном фронте, СС лихорадочно работали над следующим этапом своей программы уничтожения. Гитлера не устраивало уничтожение только евреев Восточной Европы - он хотел искоренить евреев во всей Европе. Согласно указу от 1 сентября 1941 года, все лица "еврейской крови", независимо от того, были ли они немцами, голландцами или французами, должны были носить на людях желтую Звезду Давида. Идея заключалась в том, чтобы придать евреям видимое клеймо, которое облегчало бы их исключение из остального общества.

Те, кто был обязан носить звезду, по сути, были вынуждены проходить через это испытание каждый раз, когда они выходили на улицы своих родных городов. Тем не менее, многие евреи реагировали на ежедневные оскорбления с юмором. Французские евреи, например, быстро окрестили звезду "pour le Semite" ("только для евреев"), как будто это был почетный знак. Но испытание дискриминацией было ничто по сравнению со страхом быть депортированным на восток. Нацисты цинично называли депортации, начавшиеся в начале 1941 года, "переселениями" и "передачей места жительства". Однако никто из переселенных никогда не возвращался домой.

В Германии люди старательно замалчивали исчезновение своих бывших соседей, хотя никто не верил в миф о том, что их отправили на восток в какую-то особую, райскую еврейскую деревню. Сами евреи, конечно, с болью осознавали, что происходит на самом деле, о чем свидетельствует следующая шутка:

Сколько существует типов евреев? Два: оптимисты и пессимисты. Все пессимисты находятся в изгнании, а оптимисты - в концлагерях.

Возможно, никто не понимал, насколько ужасным было положение евреев в Восточной Европе, и мало кто осознавал адские размеры системы, которую строили Гиммлер и Эйхман. Но всем было очевидно, что депортация - это путь без возврата. Условия в немецких концентрационных лагерях ухудшались с самого начала войны. В 1939 году не было организованных массовых уничтожений, но тысячи людей умирали в лагерях от недоедания и болезней. Те, кто содержался в них, существовали в тяжелых и бесчеловечных условиях.

На оккупированных нацистами территориях также несправедливо распределялись продовольственные пайки, и больше всего пострадали те, кому не повезло быть причисленным к евреям. В исторических записях сохранился следующий комплимент:

Наши оккупанты знают толк в питании. Они научно определили, что немцам для выживания необходимо 2500 калорий в день, полякам - всего 600, а евреям - всего 150. Еще более горькая шутка была зафиксирована в оккупированном Амстердаме, где несколько евреев

просто умерли от голода после того, как немецкие оккупанты намеренно выдали им недостаточный продовольственный паек: Один парень хотел покончить жизнь самоубийством и попытался повеситься. Но качество веревки в петле оказалось настолько плохим, что она порвалась. Тогда он попробовал засунуть голову в печь, но газ отключали с двух до пяти часов дня. Тогда он попробовал жить на пайке. Это сработало как шарм.

Если у них были средства, евреи платили чудовищные суммы на черном рынке за дополнительную еду. Экономить деньги было бессмысленно, так как любого могли депортировать в любой момент, и многие подозревали, что там, куда они едут в Восточной Европе, деньги им не помогут. Лучше было обменять каждый цент на предметы первой необходимости.

Разумеется, голодание евреев было лишь одним из элементов ужасных планов нацистов. Винтики в смертоносном механизме окончательного решения постоянно закручивались, и от этого никуда не деться. Среди жертв нацистов росло чувство безнадежности, поскольку с началом Второй мировой войны пути в изгнание были закрыты. Это отчаяние отчетливо звучит в следующем анекдоте:

Нацисты захватывают Австрию, и венский еврей идет в туристическое агентство, чтобы узнать о возможности эмиграции. Агент достает глобус и показывает на различные страны. "Эмиграция в Палестину запрещена, американская квота уже исчерпана, в Англию трудно получить визу, для Китая, Парагвая и Бразилии нужны финансовые гарантии, а Польша не пускает даже польских евреев". Тогда еврей говорит: "А нет ли у вас другого глобуса?".

Евреи, загнанные в переполненные гетто, были полностью во власти своих нацистских мучителей. Все потенциальные пути к свободе были перекрыты, и лишь немногим счастливчикам удавалось избежать длинной руки нацистского государства и все более частых оргий антисемитского насилия. Некоторым удалось получить фальшивые документы или уйти в подполье.

Но очень немногие сограждане из язычников оказывали евреям реальную помощь. Чаще всего мольбы тех, кто пытался спастись от государственного убийства, оставались без внимания. Это нашло отражение и в анекдоте, обыгрывающем нормирование вина:

Еврей просит школьного друга приютить его. Когда друг робко признается, что слишком боится, еврей уходит, отдав другу бутылку вина. "Для чего это?" - спрашивает друг. "Это чтобы ты мог потом с чистой совестью сказать, что у тебя в подвале был спрятан Оппенгеймер".

Евреев, пойманных, когда они прятались под землей, сажали в следующий вагон для скота, направлявшийся на восток. Некоторые попадали в предварительные лагеря; других отправляли прямо на фабрики уничтожения, такие как Освенцим, где эсэсовцы решали на платформе вокзала, кто будет жить, а кто умрет. Ежедневно в Освенциме умерщвляли газом до 10 000 человек.

Несмотря на попытки нацистов скрыть ужасные лагеря убийств, немецкая общественность вряд ли могла быть полностью ограждена от массовых убийств такого масштаба. Не каждый немец знал о нацистской политике уничтожения; большинство не хотело знать правду. Большинство немцев были похожи на трех мудрых обезьян из японской легенды: они закрывали уши, глаза и рот, чтобы не видеть правды. Многие не хотели признавать преступления против человечества, которые совершались во имя Германии, и ту моральную пропасть, в которую они ввергли всех немцев. Но дым продолжал выходить из труб крематориев не только в Восточной Европе, но и вблизи ряда небольших немецких городов, и невозможно было предотвратить попадание некоторой информации о Холокосте в широкие массы.

Евреи в Амстердаме, похоже, знали о газовых камерах. Об этом свидетельствует следующая шутка, в которой говорится об Аврааме Аскере и Давиде Коэне, двух главах Еврейского совета в оккупированной столице Нидерландов, которых часто обвиняли в сотрудничестве с нацистами:

Асшера и Коэна вызывают в нацистский штаб и сообщают, что евреев будут травить газом. Аскер сразу же спрашивает: "Вы собираетесь доставить газ, или вы хотите, чтобы мы позаботились об этом?". Подобный чрезвычайно черный юмор был не так уж редок. Коко Шуман, немецко-еврейский джазовый музыкант, переживший Освенцим, позже вспоминал, что даже евреи в концентрационных лагерях рассказывали анекдоты, пытаясь поднять себе настроение. Это свидетельство подтверждается письмами, написанными евреем из Амстердама в концлагере Вестерборк.

Во времена Третьего рейха было убито около шести миллионов евреев. Среди них был и Фриц Грюнбаум, который находился в различных концентрационных лагерях с момента захвата Австрии нацистами. Грюнбауму особенно не повезло из-за его внешности. Он был небольшого телосложения и имел такое лицо, которое вызывало в памяти антисемитские стереотипы, что делало его идеальным объектом расистской ненависти австрийских нацистов. Не теряя времени, они арестовали умного, самодовольного комика и отправили его в Дахау в Германии. Он никогда больше не увидит свою жену - они воссоединятся только в смерти.

Грюнбаума, которому было около пятидесяти лет, заставляли выполнять тяжелую работу в лагере, но он никогда не терял чувства юмора и в свободное время выступал в кабаре, чтобы поднять настроение себе и своим товарищам по заключению. Другие заключенные награждали его аплодисментами и небольшими подарками. Однако в сентябре 1938 года его перевели в Бухенвальд, где он содержался в еще более суровых условиях. Ему удалось пережить нехватку продовольствия в первую военную зиму, но он имел несчастье быть узнанным одним из охранников, который знал его по выступлениям в австрийском кабаре. С тех пор Грюнбаум должен был смешить эсэсовцев по команде или подвергаться избиению - садистское наказание, если таковое вообще существовало. Его товарищи по заключению сговорились оградить его от работы в каменных карьерах, которую он вряд ли бы пережил. Вместо этого его направили на ремонт носков на трикотажную фабрику. Но эта работа продлилась недолго: комендант лагеря постановил, что вязание -

слишком легкая работа для евреев. Эсэсовцы заставили его чистить уборные в составе так называемой "колонны 4711". Охранники проявили "жалость" лишь однажды: после того как они до смерти замучили коллегу Грюнбаума Пола Моргана, они позволили Грюнбауму и певцу шансона Герману Леопольди принести тело своего друга к воротам лагеря.

Никакое принуждение не может полностью лишить прирожденного комика чувства веселья. По поводу систематического недоедания заключенных Грюнбаум шутил, что отказ от еды - идеальное лекарство от диабета. Но его легкомысленный юмор висельника не мог скрыть того факта, что Грюнбаум все больше слабел. В октябре 1940 года его перевели обратно в Дахау; к тому времени он уже страдал от туберкулеза желудка и кишечника. Свое последнее выступление он дал за колючей проволокой, рассказав пару грубых шуток и спев несколько своих самых известных куплетов. После этого выступления, по словам очевидца, он упал в обморок от истощения. Через несколько дней он безуспешно пытался покончить жизнь самоубийством. 14 января 1941 года звездный комик умер. В заключении коронера причиной смерти цинично указан "коронарный паралич".

В том же году судьба немецкого комика-режиссера Курта Геррона также начала меняться к худшему. До 1937 года Геррону удавалось снимать фильмы, находясь в изгнании в Нидерландах, и он также был ответственен за голландскую дублированную версию диснеевского фильма "Белоснежка и семь гномов". Он построил для себя новую жизнь вдали от родины и доказал, что способен выжить. Но в 1940 году Голландия была захвачена нацистской Германией, и оккупанты начали усиливать давление на евреев и политических врагов. Геррон уже был в черном списке нацистов. Рассматриваемый фашистами как стереотипный семит, он стал невольным гостем в печально известном нацистском фильме "Вечный жид", режиссер которого просто присвоил кадры из другого фильма, в котором снимался Геррон. Голос за кадром объяснял зрителям, что эти кадры демонстрируют, что "киноевреи", такие как Геррон, любят играть сомнительных персонажей в надежде добиться комического эффекта. Немецкое управление общественной информации распорядилось показать этот

поучительный фильм во всех голландских кинотеатрах. Вечный жид" стал последним случаем, когда Геррона можно было увидеть в фильме, вышедшем в широкий прокат.

Сценическая карьера Геррона также подходила к концу. Вместе со своим другом Отто Вальбургом, жившим в том же амстердамском пансионе, Геррон выступал на нескольких эмигрантских вечерах-кабаре. В условиях немецкой оккупации еврейским комикам и актерам разрешалось выступать только в Joodsche Schouwburg, театре в центре города, который до немецкого вторжения был известен как Hollandse Schouwburg. Теперь нацисты хотели, чтобы сцена использовалась для представлений евреев и для евреев. Неоклассическое здание на плантации Миденлаан вскоре обретет трагическую славу, когда оно будет использоваться в качестве сборного пункта для депортаций. В 1943 году, после закрытия театра, Геррон тоже оказался там - в том самом месте, где когда-то давал уроки актерского мастерства. Оттуда его отвезли в лагерь Вестерборк на голландско-германской границе. Поезда из Вестерборка отправлялись на восток, прямиком в газовые камеры Освенцима.

Во время интернирования в Вестерборке Геррон встретил двух старых знакомых, эмчезиста Вилли Розена и комика Макса Эрлиха. По приказу коменданта лагеря, который считал себя мелким меценатом, трое мужчин были вынуждены создать трио кабаре. Их первое шоу, "Da Capo!", было показано для аудитории, состоящей частично из заключенных и частично из охранников. Кабаре в Вестерборке стало несколько жутковатым заведением. Бывшие заключенные вспоминали, что выступления всегда назначались за день до депортации. Мы никогда не узнаем, придумал ли комендант, Конрад Геммекер, такую схему из чистого садизма или он действительно хотел отвлечь заключенных от их неминуемой гибели. Однако Геммекер не отличался добросердечием.

В 1944 году Геррона снова затолкали в вагон для скота. Он больше никогда не увидит Германию. Его отвезли в гетто Терезин (Терезиенштадт) на территории нынешней Чешской Республики. Его репутация кинорежиссера и актера позволила ему избежать прямой

поездки в Освенцим. Известным заключенным часто давали короткую отсрочку казни перед отправкой в лагеря уничтожения. Геррон также, как было отмечено в его личном деле, с честью служил Германии в Первой мировой войне, что, возможно, было еще одной причиной, по которой его не сразу отправили на отравление газом.

Место, где Геррон провел свои последние дни, имеет ужасающее историческое наследие. В мирное время этот бывший форпост Австрийской империи был сонным гарнизонным городком, но нацисты превратили его в концентрационный лагерь. Там Рейнхард Гейдрих, гнусный заместитель Гиммлера, построил образцовое гетто для евреев, насильно переселенных сюда из других частей Европы. Гетто" было уловкой, чтобы убедить иностранных наблюдателей в том, что нацисты хорошо обращаются с евреями. Терезиенштадт был ложным прикрытием, за которым окончательное решение могло осуществляться без помех. Для того чтобы комиссии иностранных наблюдателей оставили положительное впечатление, приспешники Гейдриха проводили всевозможные расчетливые "улучшения". Чтобы временно облегчить хроническую переполненность, эсэсовцы депортировали большое количество евреев в Освенцим перед визитами комиссий. На территории лагеря спешно организовывались кафе, а комендант приказывал заключенным ставить оперы. Цель состояла в том, чтобы создать впечатление, что евреи живут лучше, чем многие фронтовики.

Среди тех, кто был одурачен такими дешевыми трюками, был контингент наблюдателей Красного Креста, присланный по распоряжению датского правительства. Как это всегда случалось, как только эти делегаты уезжали, кафе и театры расформировывались. Реальность Терезиенштадта не имела ничего общего с очарованием кофейни. Жизнь в концлагере была ужасной, бесчеловечной и потенциально смертельной. Лишь небольшое меньшинство из примерно 144 000 заключенных выжило после жестокого обращения со стороны эсэсовцев. Эпидемии наносили тяжелый урон, и заключенные хронически недоедали. Только в 1942 году 16 000 заключенных умерли от голода и болезней. К тому времени, когда

Геррон вошел в этот "зал ожидания ада", тысячи других людей были отправлены из него на верную смерть в Освенцим.

Репутация Геррона опережала его, и вскоре после своего прибытия бывший директор УФА основал новое кабаре в Терезиенштадте по приказу коменданта, эсэсовца Карла Рама. Храм популярных развлечений идеально вписывался в циничные планы СС, то есть использование лагеря для поддержания видимости. Геррон назвал свое кабаре "Карусель", что наводило на мысль о безвкусном веселье карусели. Однако ужасная правда заключалась в том, что в Терезиенштадте безжалостно вращалась только одна карусель: она сбрасывала тех, кто был в нацистских списках смерти, прямо в Освенцим.

Несмотря на постоянный страх быть депортированным туда самому, Геррон спокойно и методично выполнял свое новое задание. В еврейском образцовом гетто не было недостатка в подходящих артистах для театра. В бывшем гарнизоне были интернированы лучшие представители еврейского театра и искусства - от звездных композиторов до высококлассных эмчеэсников, гламурных певцов шансона и акробатов. Карусель" называют главным немецкоязычным кабаре 1940-х годов. Геррон был не прочь и сам выйти на сцену. Но "золотые двадцатые" давно прошли. Комик, когда-то игравший главную роль в сценической версии "Голубого ангела", теперь выступал только перед истощенными заключенными в тюремных полосках, за которыми присматривали жестокие эсэсовцы в эмблемах "голова смерти".

Однажды труппе приказали выступать в помещении, где были свалены десятки голых трупов. Игроки были в ужасе, но спектакль не отменили. Поскольку актеры сторонились мертвых тел, Геррон созвал слепых заключенных лагеря и заставил их выстроиться в человеческую цепь. Защищенные своей инвалидностью от вида страшной ноши, они передавали трупы из рук в руки, выходили из зала и спускались по лестнице, куда их увозил человек с тачкой. Представление продолжилось в тот же вечер. Этот гротескный танец смерти посреди станции смерти стал причудливой прелюдией к

представлениям того вечера; парадигма тщательно шизофренической попытки вызвать смех в месте безмерного ужаса. Геррон, которому уже нечего было терять, отдавался своим постановкам со всей доступной ему энергией.

Шоу Геррона были настолько успешными, что летом 1944 года эсэсовцы сделали ему новое предложение. Впервые за четыре года он снова должен был занять место режиссера. Проект назывался "Терезиенштадт: документальный фильм из района еврейских поселений". Идея фильма исходила от лидера СС Ганса Гюнтера, а бюджет составил 35 000 марок. Все до последнего цента было конфисковано у евреев - эта ироничная деталь пришлась по вкусу нацистам, задумавшим этот фильм, особенно вероломный образец пропаганды.

В фильме концлагерь изображался как утопия, своего рода санаторий для еврейских "гостей". И снова обман был рассчитан на иностранных наблюдателей, особенно из нейтральных стран. Сценарий включал сцены, которые должны были сниматься в несуществующих кафе и на ночных бульварах Терезиенштадта. Также планировались съемки больницы и других социальных объектов. Естественно, в псевдодокументальном фильме не упоминалось, что заключенных массово отправляли в Освенцим.

Геррон стал невольным пособником нацистов и выполнял навязанное ему задание со свойственной ему тщательностью и энергией. На самом деле, у него не было выбора. В одной из сцен фильма Геррон сам появляется перед камерой, выступая вместе с музыкальным дуэтом и комедийным трио на открытой эстрадной сцене за стенами гетто. Последнее выступление Геррона в качестве артиста кабаре, запечатленное на целлулоиде в тот день, было утеряно - фильм сохранился лишь в виде 20-минутного набора фрагментов. Он получил международную известность после войны под названием "Фюрер дарит евреям город". Неясно, как фильм получил такое циничное название, ведь он не был выпущен СС. Скорее всего, его назвали сами узники. Коко Шуман, пережившая и Терезиенштадт, и Освенцим, вспоминает, что узники лагеря постоянно рассказывали анекдоты,

каждый из которых был чернее предыдущего. Поэтому мысль о том, что они могли придумать такое возмутительное название, не кажется неправдоподобной.

Предыстория документального фильма о Терезиенштадте закончилась, как и всегда в кошмарном мире, управляемом Гиммлером, трагедией. Один за другим актеры, притворявшиеся перед камерой, что живут в раю, были депортированы в Освенцим и убиты. В конце октября 1944 года настала очередь Геррона. Некоторые свидетели рассказывали, что комик-режиссер переносил смертный приговор с гордостью и стоицизмом. Другие говорят, что он упал на колени и умолял охранника пощадить его перед тем, как выкатили вагоны для скота. Как бы там ни было, 28 октября 1944 года он был доставлен из Терезиенштадта в Освенцим и сразу же по прибытии отправлен в газовые камеры. Он был убит вместе со своим тяжелобольным коллегой Отто Вальбургом, которого нацисты захватили в оккупированной Голландии. 30 октября, через два дня после того, как эти две великие звезды Веймарской республики встретили свой жалкий, ужасный конец, программа окончательного решения в Освенциме была окончательно приостановлена.

Последний фильм Геррона был закончен чешским оператором Карелом Пецени и отредактирован земляком Пецени Иваном Фриком. Фальшивый документальный фильм редко демонстрировался на публике. В любом случае, он никого не обманул. К последним дням Второй мировой войны, до того как фильм был показан, преступления нацистов против человечества уже стали известны зарубежной общественности.

VII. СМЕХ В ОСВЕНЦИМЕ? ЮМОР И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Сразу после окончания Второй мировой войны в Германии царили голод и хаос. Бывшая "господствующая раса" боролась за выживание, и большинство людей не беспокоились о том, что происходило в прошлом. Прошло время, и Германия была разделена: Запад переживал "экономическое чудо" 1950-х годов, а Восток сосредоточился на воплощении в жизнь "реально существующего социализма". Западные немцы не хотели вспоминать, а восточные немцы были освобождены от ответственности за это, поскольку официальная линия коммунистического государства заключалась в том, что фашизм был западным явлением. Возможно, именно поэтому послевоенный период - конец 40-х и начало 50-х годов - породил мало новых политических шуток как на Западе, так и на Востоке.

Однако, как рассказывает выжившая в Освенциме Рут Клюгер, было много шуток в сомнительном вкусе о евреях, возвращающихся в Германию, чтобы вернуть украденное у них имущество. В Вене, например, люди спрашивали: "А ваш еврей вернулся?". Многие бывшие граждане Германской империи ничему не научились в истории - не потому, что они были глупы, скорее всего, а потому, что для того, чтобы извлечь уроки из прошлого, им пришлось бы посмотреть ему в лицо, а этого они делать не хотели. Поэтому бывшие закоренелые нацисты смогли снова подняться по социальной лестнице как на Западе, так и на Востоке, а период в целом характеризовался уродливой поверхностностью. Большинство немцев носили шоры, а антисемитские предрассудки не были чем-то из ряда вон выходящим в хорошем обществе.

Потребовалось еще одно поколение, чтобы ситуация изменилась в Западной Германии. В 1960-х и 70-х годах немцы начали всерьез исследовать и признавать ужасы прошлого, поскольку требования молодежи преодолели жесткое сопротивление военного поколения.

Этот болезненный процесс открыл бездонные пропасти, хотя многие пожилые немцы не переставали повторять мантру о том, что они ничего не знали о Холокосте. В такой эмоционально насыщенной ситуации смеяться над Гитлером было практически невозможно.

Что касается мейнстримных культурных представлений о Холокосте, то начал выкристаллизовываться ряд неписаных правил. Американский исследователь Холокоста Терренс Дес Прес обобщил их в виде трех условностей:

1. Холокост должен быть представлен в своей совокупности как уникальное событие, как особый случай и царство само по себе, выше или ниже или отдельно от истории.

2. Репрезентация Холокоста должна быть максимально точной и верной фактам и условиям события, без изменений или манипуляций по любым причинам - в том числе и художественным.

3. Холокост должен рассматриваться как торжественное или даже священное событие с серьезностью, не допускающей никакой реакции, которая могла бы затушевать его огромность или обесчестить его мертвых". Конечно, были и нарушения этих конвенций, но художники, которые отступали от них, встречали разный прием.

Иногда публика выдавала отдельным режиссерам и комикам своего рода негласную "лицензию" на высмеивание гитлеровского режима. Большинство послевоенных немецких критиков, например, аплодировали фильму Чаплина "Великий диктатор". Вряд ли немецкий рецензент осмелился бы критиковать такую культовую фигуру в англосаксонском мире, как Чарли Чаплин, и было общепризнано, что намерения Чаплина были абсолютно благородными. Хотя фильм, возможно, является одним из самых смешных из когда-либо снятых, он явно был направлен на привлечение внимания к опасностям, связанным с покорностью нацистскому безумию. Немецкий прием комедии Билли Уайлдера 1961 года "Раз, два, три", в которой фигурировал целый зверинец причудливых, щелкающих каблуками псевдонацистских фигур, был аналогичным.

Немецкие критики всегда были готовы принять антигитлеровские комедии, но критерии, по которым они их оценивали, менялись с годами. Чем больше проходило времени, тем спокойнее немцы относились к изображению фюрера как нелепого диктатора. Чтобы отразить это изменение, историки культуры Кэти Ластер и Хайнц Штайнерт добавили два новых правила к трем конвенциям Дес Преса:

4. Изображение Холокоста относится к "высокой культуре". Произведения популярной культуры автоматически считаются подозрительными и более поверхностными. Комедии обращаются в основном к аудитории, которая не обязательно хорошо образована. Поэтому комедии труднее воспринимать всерьез как высокую культуру.

5. Художник должен иметь правильное отношение и мотивацию: альтруизм, добрые намерения, правильные моральные и дидактические цели. Даже когда произведение культуры является комическим, художник должен проявлять соответствующую серьезность.

Но к концу 1960-х годов американский комик-режиссер Мел Брукс нарушил все писаные и неписаные правила исторического благочестия.

Сцена из фильма Мела Брукса «Продюсеры» (1968) (Фото: 11)

Сцена из La Vita e Bella (1997) (Фото: 13)

Адольф, нацистская свинья, изображающий Гитлера размером с пинту и трансвестита Геринга (Фото: 15)

Холокост, возможно, не был в центре внимания фильма Брукса 1968 года «Продюсеры», но роль, которую он сыграл в этой истории, была совсем не политкорректной. Два бродвейских продюсера вступают в сговор, чтобы обмануть своих инвесторов. Чтобы скрыть свое преступное предприятие, они намеренно планируют массовый провал, мотивируя это тем, что никто не собирается проверять бухгалтерские книги шоу, которое потерпело крах в прокате. Чтобы гарантировать провал своего спектакля, они нанимают отъявленного неонациста для сочинения мюзикла, и когда этот ненормальный тип на полном серьезе предлагает сценарий под названием «Весна для Гитлера», продюсеры думают, что придумали сценарий. идеальная афера. Но они глубоко ошибаются. Шоу, в котором женщины-нацисты резвятся на сцене в нижнем белье, становится огромным комическим хитом.

Афера продюсеров раскрыта, и двоих отправляют в тюрьму. В блокбастере Брукса нет и намека на «должную серьезность», и фильм никогда не претендует на высокую культуру. Но зрителям понравилась нечестивая, нестандартная идея, и Брукс был заслуженно награжден Оскаром за лучший сценарий. «Если вы стоите на мыльнице и обмениваетесь риторикой с диктатором, вы никогда не выиграете», — заметил Брукс годы спустя в интервью журналу. «Но если вы будете смеяться над ними, сбивать их со смеху, они не смогут победить. Вы показываете, насколько они сумасшедшие». Все без исключения немецкие критики согласились — не в последнюю очередь потому, что режиссер был американцем и евреем. Подобная немецкая постановка могла бы быть встречена гораздо более резко. Дискомфорт, который испытывали многие немцы из-за нелепых изображений Гитлера, едва ли остался в прошлом в 1968 году.

Гораздо менее успешный римейк Брукса 1983 года «Быть или не быть» Любича также получил похвалу критиков, но это не значит, что все англоязычные постановки не выдержали критики. В 1990 году, например, некоторые немцы были возмущены британским телешоу, снятым для спутниковой сети Galaxy, в котором Гитлер изображался мелкобуржуазным пригородным болваном. Предпосылка «Хайль, дорогая, я дома» заключалась в том, что Гитлер и Ева Браун пережили войну и теперь живут в провинциальном поселке из рядных домов.

Гитлер постоянно ссорится со своими соседями-евреями, Гольденстайнами, и изображается ограниченным счетчиком бобов и постоянно жалующимся вредителем соседей. Авторы использовали этот сценарий как средство для разного рода дешевых шуток, и даже британская пресса не была удивлена, жалуясь на то, что в сериале банализируется Холокост и страдания тех, кто пережил военные преступления нацистов. Потрясенная реакцией, Galaxy сняла ситком после того, как был показан только один из восьми эпизодов. Однако отрывки из «Хайль, дорогая, я дома» были использованы для более позднего шоу под названием «100 величайших телевизионных моментов из ада».

Такие резко отрицательные отзывы вряд ли были хорошим предзнаменованием для одной из крупнейших международных звезд комедии, когда он решил обратиться к очень щекотливой теме. В 1997 году, когда итальянский комик Роберто Бениньи выпустил комедию La Vita e Bella ("Жизнь прекрасна"), посвященную Холокосту, трудно было представить себе более сложную задачу. Фильм начинается относительно безобидно, с нескольких сцен, представляющих главного героя-еврея Гвидо Орефиче. С помощью различных трюков и используя свое гиперактивное воображение, Гвидо соблазняет свою будущую жену Дору от местного секретаря фашистской партии. Однако фантастическая жизнь героя настолько завладевает им, что он не замечает, как меняется политический климат вокруг него. Например, он убегает со своей невестой на лошади, одолженной у дяди, не обращая внимания на то, что животное раскрашено нацистскими лозунгами. Вторая половина фильма перескакивает в то время, когда горькая реальность фашизма настигла даже этого мечтателя. Гвидо и Дора женаты, у них есть сын Жозуэ. Однажды немцы приказывают депортировать всех евреев в деревне и отправить их в концентрационный лагерь. Гвидо, Дора и Жозуэ оказываются среди этих жертв. Остальная часть фильма проходит в лагере, который имеет смутное сходство с Освенцимом.

Гвидо знает, что на карту поставлена не только его собственная жизнь, но и жизнь его жены и сына. Чтобы успокоить мальчика, Гвидо рассказывает ему, что жизнь в лагере - это гигантская игра, цель

которой - набрать очки, например, спрятаться днем, пока отец на обязательных работах. Этот обман спасает Джиозуэ от газовой камеры. Главный приз за победу в игре, говорит Гвидо сыну, - танк, и этот приз "выплачивается" в конце фильма, когда американские войска прибывают для освобождения лагеря. Но их помощь приходит слишком поздно для Гвидо, которого застреливают эсэсовцы прямо перед тем, как американские солдаты освобождают заключенных.

Сюжет был, мягко говоря, непростым. Никогда прежде не было трагикомедии, действие которой происходило бы в месте, напоминающем Освенцим. Предыдущие работы Бениньи были в основном безобидными комедиями. Более того, он сам был родом из Италии, страны, входившей в гитлеровскую Ось. Это нарушало неписаное правило, зафиксированное Ластером и Штайнертом, согласно которому только жертвам Холокоста, а не представителям более поздних поколений, разрешалось участвовать в этом жанре юмора висельника. Бениньи наверняка знал, что идет на двойной риск. Но буря негодования, которой он, возможно, опасался, не разразилась.

Немногочисленные негативные отзывы, которые получил фильм, были мягкими, и даже критики творчества Бениньи признали, что он ловко справился с трудной задачей балансирования. La Vita e Bella никогда не казалась эксплуататорской, тривиальной или безвкусной. Те немногие возражения, которые были высказаны, касались нереалистичного изображения концентрационного лагеря, и на самом деле, декорации Бениньи были не более чем наброском Освенцима, с жестокостью охранников и индустриальными убийствами, происходящими только на его окраинах. Газета "Нью-Йорк Таймс", например, отметила, что жизнь в лагерях смерти вряд ли была такой спокойной, и что в Освенциме не было детей.

Американский дистрибьютор фильма занервничал и добавил письменный отказ от ответственности, обращая внимание на вымышленный характер сюжета. Но это было излишне. Было совершенно ясно, что "La Vita e Bella" - это своего рода сказка, а стилизованное изображение Холокоста стало одной из причин того, что фильм оказался настолько эффективным. Большинство зрителей

смотрели фильм с образами реального Освенцима в голове. Первая половина фильма, имеющая все признаки романтической комедии, заложила трагедию драматического падения семьи. К тому времени, когда трое главных героев были депортированы, зрители уже полностью сочувствовали им. Не было необходимости вводить детали исторической реальности, чтобы зрители оценили ужасы этого падения или адский мир, который пришел на смену частной утопии Гвидо. Бениньи избежал ошибки переключения стилей и регистров в середине фильма. Поскольку фильм оставался сказкой, в которой больше использовались аллюзии, чем конкретные детали, он тем сильнее апеллировал к воображению зрителя.

Хотя в конце герой погибает, "La Vita e Bella" - это фильм о выживании, а невинный мальчик Жозуэ олицетворяет надежду, которая сохраняется даже среди самых ужасных ужасов. Зло изображается как нечто нелепое и банальное, которое однажды пройдет или будет преодолено. Даже если Гвидо должен умереть, Джиозуэ выживает, чтобы вырасти в мире без национал-социализма. Эта мораль может показаться упрощенной, но сказкам позволено быть мечтательными - такова их природа. Бениньи получил четыре премии "Оскар" в 1997 году за свою миротворческую, смешную и трагическую работу - заслуженное признание за чуткое отношение к травме Холокоста, которое ни разу не скатилось к банальности.

Год спустя немецкие критики были столь же мягки в своих суждениях о гораздо более резкой сатирической работе одного из ведущих художников комиксов Германии. В 1998 году "Адольф, нацистская свиноматка" Вальтера Моерса была еще одной работой на опасную тему, которую некоторым поначалу было трудно воспринять. Главная идея заключалась в том, что Гитлер, с центральной частью и усами, пережил войну, спрятавшись в канализации, и вновь появился в современной Германии. Но старомодный диктатор не может сравниться с постмодернистским миром и поэтому оказывается втянутым в ряд абсурдных ситуаций. В одном из эпизодов фюрер появляется в популярном, реальном телевизионном кулинарном шоу, где он взрывается от ярости, ошибочно полагая, что ведущий - еврей. В другом он позволяет своему тамагочи голодать, мстя за

предательство Японии во время Второй мировой войны. "Жалкие предатели", - пылает фюрер. "Две маленькие атомные бомбы, и что они делают? Бросают полотенце!" Единственным утешением для него является открытие, что его старый приятель Герман Геринг тоже пережил Вторую мировую войну и теперь работает проституткой-трансвеститом в квартале красных фонарей Гамбурга.

Гитлеру нужны все друзья, которых он может получить, поскольку Моерс отправляет его в путешествие по всем клише современного мира СМИ, от культа принцессы Дианы до домохозяек, похищенных инопланетянами. Безнадежно сбитый с толку, бывший диктатор совершенно не способен понять страну, которой когда-то правил, и может выплеснуть свое разочарование только в полуартикулированных вспышках ярости. Например, услышав песню "Hey Jude" группы "Битлз", он приходит в ярость от того, что песня о евреях могла стать таким хитом в Германии. Еще хуже для Гитлера то, что никто в ярко раскрашенном, комиксовом пейзаже постмодернистской Германии не обращает внимания на бред старика. Современная Германия с ее непрекращающейся болтовней в ток-шоу может быть поверхностной, как хочет сказать Моерс, но, по крайней мере, в ней нет места для фюрера. Брошенный на произвол судьбы на родине, ставшей чужой страной, Гитлер может вести не более чем теневое существование.

"Настоящие поклонники Адольфа находят его не более смешным, чем антифашисты", - написала о работе Моерса немецкая газета Junge Freiheit, которая сама была обвинена в фашистских тенденциях. Но на самом деле мало кто в немецких СМИ решил опубликовать свое мнение, положительное или отрицательное, о скандальном комиксе. Мишель Фридман, в то время заместитель главы Совета евреев в Германии и никогда не уклонявшийся от борьбы, просто назвал опус Моерса "неудачным". В конечном счете, именно читатели оценили "Адольфа, нацистскую свиноматку". Для них тоненький том Моерса стал массовым хитом, проданным тиражом более 170 000 экземпляров.

С течением времени немцы стали более спокойно относиться к изображению Гитлера как нелепой фигуры. Сегодня уже не кажется странным, что комики играют фюрера в фильмах, таких как "Майн

фюрер" Дэни Леви: The Truly Truest Truth about Adolf Hitler. То, что раньше было приемлемо только для иностранной продукции, теперь считается допустимым и для немецких произведений. Без идеологического балласта прошлого возмущение СМИ по поводу "тривиализации" изображения Гитлера кажется искусственным и перегруженным. Временная дистанция сделала свое дело. Когда сегодня немцы смотрят кинохронику Третьего рейха, они видят не только чудовищность гитлеровского режима, но и его абсурдность. Это нисколько не снижает значимости Холокоста. Наоборот, сегодня люди спрашивают себя, как поколение немцев могло совершить такие тяжкие преступления по приказу крикливого тирана с глупыми усами. Времена демонизации Гитлера прошли. Тем не менее, на вопрос о том, как он вообще смог удержать такую власть, ответить будет не легче, а труднее. Для последующих поколений, которые видели Гитлера только в его причудливых появлениях в исторической кинохронике, привлекательность фюрера для масс совершенно загадочна.

Можно ли смеяться над Гитлером? Является ли комедия, подобная "Продюсерам" Мела Брукса, аморальной? Соответствующие ответы - да и нет. Фильм Брукса не снижает значимость Холокоста; он уменьшает Гитлера до человеческих размеров, чтобы люди могли увидеть в нем нечто иное, чем злого демона, которого пропагандировала историография 1950-х годов. Немцы в Третьем рейхе не были ни одержимы злым духом, ни коллективно "загипнотизированы" своим фюрером. Они не имеют права претендовать ни на одно из смягчающих обстоятельств. Когда мы смеемся над Гитлером, мы отвергаем метафизические, демонические возможности, которыми наделяли его послевоенные апологеты. Тем более уместен вопрос о том, как пустое надувательство нацистов, которое уже было слишком хорошо разоблачено критиками в конце 1920-х и 1930-х годов, могло закончиться Холокостом.

При ближайшем рассмотрении аргумент, который так часто выдвигался в Германии после Второй мировой войны, о том, что люди не знали о демонических маневрах Гитлера и поэтому были более склонны к обольщению, просто не выдерживает критики. Нелепый фюрер", лишенный своего имперского позерства, отнюдь не был

послевоенным новшеством. С первых лет нацизма существует достаточно карикатур, изображающих Гитлера крикливым шутом и диктатором из жестяной банки. Множество пренебрежительных шуток о руководстве нацистской партии, распространявшихся во времена Третьего рейха, также подтверждают вывод о том, что немцы отнюдь не были невольными жертвами пропаганды. Огромное количество людей в те времена видели, как Геббельс и его банда проворачивали аферы. К сожалению, это ничего не изменило в том, что в течение нескольких лет Германия была основательно втянута в страшный водоворот нацистских преступлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЮМОР ПРИ ГИТЛЕРЕ

1. «различные сборники «шуток шепотом»»; Среди этих антологий следует особо отметить сборник Селлина, так как он появился сразу после крушения Третьего рейха. Другие антологии анекдотов были опубликованы с гораздо большей временной дистанцией от их предмета.

2. «у нас нет возможности точно узнать, насколько широко они были распространены»; См. Вёлерт, с. 7ф.

3. «выражение воли евреев выжить вопреки всему»; См. Ландманн, с. 12.

II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЮМОРА

1. «Таким образом, политические анекдоты могли возникнуть только в современном светском мире»; См. Вёлерт, с. 15.

III. ЗАХВАТ ВЛАСТИ НАЦИСТАМИ

1. « ‘… для этого репортера ничего особенного’ »; См. Фест, с. 356.

2. «выкрикивая свою идиотскую любимую песню: «Когда еврейская кровь брызнет из-под ножа, вернутся счастливые дни». »; Цитируется по Focke/Stroka, p. 15.

3. «Это насильственное вхождение в дворянство-землевладельцо принесло ему прозвище «фон Риббенсноб». »; См. Винер, с. 85.

4. «Они приветствовали друг друга словами «Свинг хейл!»»; См. Предупреждение, с. 25.

5. «наказанием за несоблюдение является« убой »животных»; См. Предупреждение, с. 87.

6. «личность истинного виновника»; См. Steinert, с. 264.

7. «Я не могу себе представить, чтобы кто-то поверил в коммунистических преступников вместо контрактной работы, заказанной от имени свастики»; Клемперер, том. 1, с. 8.

8. «Братья Сасс [SA+SS]»; Братья Сасс были главарями известной банды преступников.

9. «еврейское изобретение»; Фокке/Строка, с. 143.

10. «В строй, в строй»; Цитируется по Kühn, p. 102.

11. «они являются одним из многих примеров деятелей культуры, заявлявших о своей лояльности нацистам в те первые дни»; См. Кюн, с. 336.

12. «они явно ошиблись»; Ханфштенгль, с. 14ф.

13. «он желал избавить здоровые производительные массы немецкого народа от кровавого противостояния с их врагами»; Ханфштенгль, с. 110.

14. «Работа Ханфштенгля «напомнит нам о героической борьбе нашего фюрера»»; Ханфштенгль, с. 32.

15. «Его антинацистские карикатуры появились в массовом обращении, и вряд ли можно было ожидать, что Геббельс и его приспешники забудут его прежнюю критику фашизма»; См. E. O. Plauen, p. 43.

16. «Опасно или нет — продолжайте!»; См. Кюн, с. 79.

17. «Но Третий рейх действительно дал ряд примеров именно этого»; Селлин, с. 19.

18. «Самые суровые приговоры за «злостность» выносились в довоенной нацистской Германии»; См. Вёлерт, с. 95.

19. «втаптывать в грязь национал-социализм и все святое для национал-социалистов»; Финк (2), с. 75.

20. «Почему?» — ответил я. ‘Мне нужно что-нибудь?’»; Финк, с. 69.

21. ««рассадники еврейской и марксистской пропаганды должны быть закрыты во время их выступлений, а все причастные, включая публику, должны быть взяты под стражу». »; См. Кюн, с. 80.

22. «Теперь этот страх ушел. Мы уже здесь.»; См. Кюн, с. 280.

23. «его вытащили из постели, которую он делил со своим любовником»; См. Фест, с. 636.

24. «послужили основой заговора не только против нравов здоровых людей, но и против безопасности государства»; См. Винер, с. 131.

IV. ЮМОР И ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

1. «объем торговли, осуществляемой впоследствии принадлежащим евреям бизнесом, ничуть не уменьшился»; См. Фест, с. 577.

2. «Еврейская прабабушка. Она принесла в семью деньги, но не беду!»; Юридическим определением еврея в Третьем рейхе было наличие одного еврейского дедушки и бабушки, поэтому люди, у которых среди других «арийских» предков была только еврейская прабабушка, не считались евреями.

3. «Никто из других участников не предпринимал никаких попыток его защитить»; См. интервью с Магдой Шнайдер в документальном фильме 2002 года «Узники рая».

4. «короче говоря, она была сердцем и душой всего театра»; Цитируется по Хиппену, с. 18.

5. «Я, князь земли лжи»; Цитируется по Хиппену, с. 26ф.

6. «И у нас были бы все основания стыдиться, если бы мы перестали делать это сейчас»; См. Хиппен, с. 23.

7. «проблемы континентальных европейцев»; См. Кюн, с. 55ф.

8. ««Эскорт» — так швейцарцы называли депортацию, и во многих случаях это был эскорт в могилу»; См. Хиппен, с. 14.

9. «невинная девушка, чью кровь он оскверняет и таким образом отнимает у ее собственного народа»; См. Фест, с. 64. 97 «Читатели Der Stürmer придумали бесконечные вариации на эту тему в придуманных ими шутках»; См. Хань, с. 225.

10. «Генрих Гофман, которого он неоднократно приглашал на вечера шуток с собой и Геббельсом»; См. Steinert, с. 327.

11. «Tatzelwurm, труппа, занявшая пространство, ранее использовавшееся запрещенными Катакомбами.»; См. Кюн, с. 81.

12. «Черчилль «пьяный»»; См. Винер, с. 37ф.

13. «Это не особенно хороший фильм Рюмана, но в военное время он служит своей цели»; Цитируется по Kleinhans, p. 6.

14. «фильм полностью в духе моей любви к полетам»; Рюманн, с. 149.

15. «Его способность воплощать «маленького человека с улицы» уже сделала его звездой Веймарской республики»; У УФА был контракт с Рюманом задолго до того, как нацисты пришли к власти. В то время это было очень необычно для комиков.

16. «никто не усомнится в подлинности моих семитов»; См. Краймейер, с. 2.

17. «Во всяком случае, так видели ситуацию политическое руководство и их приспешники в киноиндустрии»; Краймейер, с. 5.

V. ЮМОР И ВОЙНА

1. «Только самые глупые телята выбирают себе резни»; Даниманн, с. 58.

2. «Несмотря на то, что он получил несколько предупреждений, как он позже напишет, на «геббельсовском фронте» все, казалось, было спокойно». »; См. Финк, с. 111.

3. «И вполне вероятно, что ее автор был убежден в правомерности нападения Германии на Польшу.»; См. Винер, с. 105.

4. «Но в 1940 году подавляющее большинство немцев были опьянены ранними военными успехами Гитлера, и попытка Эльзера еще долго оставалась единственной попыткой убить фюрера»; См. Ширер, с. 1099.

5. «даже расчетливые студийные боссы начали понимать, что Соединенным Штатам, возможно, не удастся избежать вступления во Вторую мировую войну»; См. Файн, с. 18.

6. «История разрабатывалась два года»; Цитируется по Schnelle, p. 92.

7. ««Поторопитесь со своим фильмом, его все ждут»; Цитируется по Schnelle, p. 95.

8. «Цивилизации могут рухнуть, но в конце концов у героя и героини все будет хорошо»; Миллс, с. 168

9. «Любич, — писал критик, — пресытившийся еврейский режиссер»; См. Спайч, с. 358.

10. «многие зрители до сих пор считают некоторые сцены неуместными в свете нацистского геноцида в Восточной Европе»; См.

Файн, с. 75. В этой книге, опубликованной в 1994 году, финальная сцена «Быть или не быть» описывается как «безвкусная».

11. «это, безусловно, далеко от «берлинского режиссера, который находит удовольствие в бомбардировке Варшавы»; См. Спайч, с. 358.

12. «Но Америка в 1942 году не была к этому готова»; См. Спайч, с. 361.

13. «Рядовой на Западном фронте»; Лукас, с. 157 и далее.

14. «Нет, товарищи по расе, я один вправе решать, когда год начинается и когда он заканчивается.»; См. Кюн, с. 360.

15. «Кто преднамеренно распространяет новости иностранных вещательных компаний, которые могут поставить под угрозу способность немецкого народа к сопротивлению, подлежит перевоспитанию в тюрьме и, в крайних случаях, смерти»; Reichsgesetzblatt 1, 1939.

16. «Подрыв оборонительных сооружений наказывается смертной казнью…»; § 5 Постановления об особом уголовном праве военного времени от 17 августа 1938 г.

17. «Небольшое меньшинство остроумцев, которых заключали под «охрану», как правило, освобождали после пяти месяцев заключения»; См. Вёлерт, с. 97.

18. «Геббельс — развратник, Гитлер — преступник, а война — безнадежное дело»; Муляр, с. 58.

19. «распоряжение, чтобы его золотые часы и экземпляр гетевского «Фауста» были переданы его другу Курту Елинеку»; См. Муляр, с. 60 ф.

20. «Ее честь была навсегда уничтожена, и поэтому она будет наказана смертью.»; Об этом говорится в официальном решении Народного суда.

21. «Фрейслер воспринял эти слова и буквально применил то, что они предписывали»; См. Кох, с. 217.

22. «Смертные приговоры»; См. Кох, с. 222.

23. «Дорсею было не до нацистов»; См. Либе, с. 21.

24. «Приговор уже приведен в исполнение»; См. Либе, с. 27.

25. «Этот руководящий принцип нацистской судебной системы восходит к приказу самого Гитлера…»; См. Вёлерт, с. 137.

26. «Политика была частью того, чему он учил, и он часто предостерегал своих учеников от … крайних политических позиций»; См. Шарф-Вреде, с. 6.

27. «Это нарушало закон, как и его публичные «пораженческие» заявления о том, что Германия никогда не сможет выиграть войну»; См. Шарф-Вреде, с. 11.

28. «он был лишь умеренно умен и не обладал «интеллектуальной гибкостью»»; См. Шарф-Вреде, с. 18.

29. «блок священников» концлагеря Дахау»; См. стр. 193 Шарф-Вреде, с. 16.

30. «нацисты держали священника под наблюдением, потому что боялись, что его работа … все испортит»; См. Мюллер, с. 21.

31. «Фрейслер позволил своей рациональности быть подавленной почти религиозной верой в обещания фюрера об окончательной победе»; См. Кох, с. 231.

32. «Существовал только один способ искупить такой грех: смертная казнь»; См. Мюллер, с. 25.

33. «военный крах нацистской империи был лишь вопросом времени»; См. Ширер, с. 1413.

34. «… захватил важнейшие нефтяные месторождения Румынии и достиг границы Восточной Пруссии.»; См. Ширер, с. 1409. 183 «Но они ни хрена не попали»; См. Винер, с. 113.

35. «Нет смысла морить немцев голодом… мешки из окон погребов вываливаются»; Имелись в виду мешки с песком, которыми защищали окна от осколков.

36. «Давайте будем честными, не так ли? Никто из нас больше не девственник.»; Аноним, с. 28.

37. «Война проиграна.»; См. Ширер, с. 1424.

VI. ЮМОР И УНИЧТОЖЕНИЕ

1. «тысячи умерли в лагерях от недоедания и болезней»; См. Когон, с. 137. 210 «Это сработало как волшебство»; Болле, с. 103.

2. «Ты будешь доставлять газ или хочешь, чтобы мы об этом позаботились?»; Болле, с. 144.

3. «Эти показания подтверждаются письмами, написанными евреем из Амстердама в концлагере Вестерборк»; См. Болле, с. 218.

4. «они позволили Грюнбауму и шансонье Герману Леопольди пронести тело своего друга к воротам лагеря»; См. Троллер, с. 258.

5. «уже болел туберкулезом желудка и кишечника»; См. Либе, с. 122.

6. «каждый черный юмористичнее предыдущего»; См. Клюгер, с. 62ф.

7. «30 октября … программа окончательного решения в Освенциме была окончательно приостановлена»; См. Либе, с. 216.

VII. СМЕЕТСЯ НАД Освенцимом? ЮМОР И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ ПОСЛЕ

ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. ""А ваш еврей вернулся?""; См. Клюгер, с. 62ф.

2. «… нет ответа, который мог бы скрыть его огромность или опозорить его мертвых».; См. Ластер/Стейнерт, с. 184ф.

3. «Даже когда произведение искусства комично, художник должен проявить соответствующую серьезность»; См. Laster/Steubert, p. 186ф.

4. «Бениньи, должно быть, знал, что идет на двойной риск»; См. Laster/Steubert, p. 183.

5. «в Освенциме не было детей»; См. Laster/Steubert, p. 190.

ЦИТИРОВАННЫЕ РАБОТЫ

Аллерт, Тилман: Немецкий салют - история зловещего жеста, Берлин, 2005 г. (Eichborn Berlin).

Анонимус: женщина в Берлине — дневниковые записи с 20 апреля по 22 июня 1945 г., Франкфурт/М., 2003 (Айхборн Берлин).

Блазиус, Анке: Шутка о политическом языке в ГДР, Гамбург, 2003 г., в: Philologia, Vol.54 (издатель д-р Ковач).

Болле, Мириам: «Я знаю, что это письмо никогда не дойдет до тебя» - дневниковые письма из Амстердама, Вестерборка и Берген-Бельзена, Берлин, 2005 г. (Айхборн, Берлин).

Броер, Вольфганг: Слово как оружие - политические шутки и политическая сатира в Австрийской Республике (1918-1927), Вена, 1973 (издатель австрийского научного общества).

Даниманн, Франц: Шепчущие шутки и сатирические стихи под свастикой, Вена, 2001 г. (Ephelant Verlag).

Фест, Иоахим: Гитлер, Франкфурт/М. и Берлин, 1973 г. (3-е изд., 1992 г.; Ульштейн-Верлаг).

Финк, Вернер: Старый дурак, что теперь? , Мюнхен, 1992 (Herbig-Verlag). ———— Джокер — Фогельфрей, Берлин, 1991 (Henschel-Verlag).

Фокке, Харальд и Моника Строцка: повседневная жизнь тех, кого поставили в строй - Как нацисты поджарили церковь, культуру, судебную систему и прессу, Рейнбек под Гамбургом, 1985 (Rowohlt-Verlag).

Файн, Роберт: Голливудская пропаганда Второй мировой войны, Метучен, Нью-Джерси, 1994 (The Scarecrow Press).

Гамм, Ханс-Йохен: Шепчущая шутка в Третьем рейхе, Мюнхен, 1963 г. (исправленное и дополненное издание 1990 г .; List-Verlag).

Гриммельсхаузен, Ганс Якоб Кристоффель из: Авантюрный Simplicissimus German, Weinheim, 1988 (Репродукция первого издания 1668/VCH).

Хан, Фред: Дорогой забастовщик! - Письма редактору NS-Kampfblatt с 1924 по 1945 год, Штутгарт, 1978 (Зевальд-Верлаг).

Ханфштенгль, Эрнст: Гитлер в карикатуре на мир, Берлин, 1933 г. (издательство Brown Books).

Хартманн, Руди: Шепчущие шутки из тысячелетнего рейха, Мюнхен, 1983 г. (Knaur-Verlag).

Хертлинг, Виктория, Вольф Кёпке и Йорг Тунеке (ред.): Гитлер в поле зрения, литературная сатира и карикатуры как оружие против национал-социализма, Вуппераль, 2005 г. (Arco-Verlag).

Хиппен, Рейнхард: Сатира против Гитлера - кабаре в изгнании, Цюрих, 1986 г. (pendo-Verlag).

Хирхе, Курт: Коричневая и красная шутка, Дюссельдорф/Вена, 1964 (Econ-Verlag).

Кляйнханс, Бернд: «Пропаганда в фильмах Третьего рейха», в: www.shoa.de/filmpropaganda.html.

Клемперер, Виктор: Я хочу засвидетельствовать последнее. Дневники 1933—1945, под редакцией Вальтера Новойски, 3-е изд., Берлин, 2005 г. (Aufbau TB).

Клугер, Рут: Пейзажи памяти - память о детстве во время Холокоста , Лондон, 2001 г. (Блумсбери).

Когон, Ойген: Государство СС - система немецких концентрационных лагерей, Мюнхен, 1974 г. (Heyne-Verlag).

Кох, Ханнсйоахим В.: Народный суд - политическая юстиция в 3-м рейхе, Тюбинген, 1988 г. (Universitas-Verlag).

Кернер, Торстен: хороший друг - Хайнц Рюманн, Берлин, 2001 г. (Aufbau-Verlag).

Краймейер, Клаус: «Антисемитизм в национал-социалистическом кино», в: «Еврейские персонажи в кино и карикатурах», Штутгарт, 1995 (Ян-Торбеке-Верлаг).

Кюн, Фолькер: Пробуждение Германии - кабаре под свастикой 1933-1945, Берлин, 1989 (Quadriga-Verlag).

Ландманн, Салсия: еврейские анекдоты - выбраны и представлены Салсией Ландманн, Мюнхен, 1983 г. (DTV).

Ластер, Кэти и Ханнс Штайнерт: «Новая мораль в изображении Холокоста? - О восприятии La Vita e Bella», в: Смех над Гитлером - смех Освенцима?, Франкфурт / М, 2003 г. (текст издания + критика)), стр. 181–197.

Либе, Ульрих: почитаемые, преследуемые, забытые - актеры как жертвы нацизма, Берлин, 1992 г. (новое издание 1995 г.; Quadriga-Verlag).

Лукас, Роберт: Дорогая Амалия; Очень любимая женщина! - Письма рядового Хирншала, Франкфурт, 1984 г. (Ассоциация по продвижению и исследованию антифашистской литературы).

Маргри, Карел: «Концентрационный лагерь как идиллия: Терезиенштадт - документальный фильм из района еврейских поселений», в: Освенцим - История, восприятие и влияние, ежегодник 1996 г. по истории и влиянию Холокоста. Франкфурт-на-Майне/Нью-Йорк, 1996, стр. 319–352.

Миллс, Роберт Уильям: Американские фильмы Эрнста Любича - критическая история , Анн-Арбор, 1976 (Диссертация Мичиганского университета).

Мёрс, Вальтер: Адольф, нацистская свинья, Франкфурт/М., 1998 (Эйхборн).

Муляр, Фриц: Покорно сообщите об этом! — Мои жизненные приключения, Грац, 2003 (Штейрия).

Мюллер, Оскар: Жизнь во Христе и для Христа - жизнь, работа, страдания и жертвенная смерть пастора Йозефа Мюллера, Groß Düngen/Celle, 1948 (самопубликовано).

Плауэн, Э.О. (Эрих Озер): Политические карикатуры, рисунки, иллюстрации и все фоторепортажи отца и сына, Констанц, 2000 (Зюдверлаг).

Рюманн, Хайнц: Это было - воспоминания, Берлин, 1985 (Ullstein-Verlag).

Саудер, Георг: Сожжение книги 10 мая 1933 г., Мюнхен, 1983 г. (Carl-Hanser-Verlag).

Шарф-Вреде, Томас: пастор Йозеф Мюллер - свидетель Иисуса Христа, Хильдесхайм, 1994 г. (коллекция епархиального архива Хильдесхайма).

Шнелл, Франк: «Великий диктатор» Чарльза Чаплина , Штутгарт, 1994 (Verlag Robert Fischer + Uwe Wiedleroither).

Селлин, Курт: Шепчут вещи - die Hitlerei на просторечии, Гейдельберг, 1946 (Freiheit Verlag).

Ширер, Уильям Л.: Взлет и падение Третьего рейха, Нью-Йорк, 1950 г. (новое издание, 1992 г., Random House).

Спайх, Герберт: Эрнст Любич и его фильмы, Мюнхен, 1992 (Heyne Verlag).

Штайнерт, Марлис: Гитлер, Мюнхен, 1994 (издатель CH Beck).

Сладкий, Вильгельм: смех, комедия и анекдоты в древности, Цюрих, 1969 (Artemis Verlag).

Троллер, Георг Стефан: Веселая могила на Дунае — моя Вена 1918–1938, Дюссельдорф/Цюрих, 2004 (Артемис и Винклер).

Винер, Ральф: Опасный смех - черный юмор в Третьем рейхе, Рейнбек под Гамбургом, 1994 (Rowohlt-Verlag).

——————Когда смех был смертельным, Рудольштадт, 1988 (Greif-Verlag).

Вёлерт, Майке: политическая шутка в нацистскую эпоху на примере избранных отчетов СД и файлов гестапо, Франкфурт, 1997 г. (Европейское научное издательство).

ФОТОГРАФИИ

1 Фотография Вайса Фердла

2 Фотография Карла Валентина

3 Фотография Хайнца Рюмана из Газмана.

4 Фотография Людвига Шмитца и Юппа Хассельса в образах Трана и Хелле: предоставлено Filmmuseum Berlin — Deutsche Kinemathek.

5 Фотография гипса Катакомб

6. Фотография «Кабаре комиков» Вилли Шефера.

7 Фотография Вернера Финка: © German Cabaret Archive Mainz.

8 Карикатура Э. О. Плауэна: © Erich Ohser/Peter Ohser.

9 Фотограф Фрица Муляра в униформе

10 Последняя воля и завещание Муляра от 31 октября 1942 г.: © проф. Фриц Муляр.

11 Кадр из фильма «Вита Белла»: © Cecchi Gori Group Tiger Cinematografica/Melampo Cinematografica/Cinetext Image Archive.

12 Кадр из фильма «Быть или не быть»: © Spiegel Media GmbH.

13 Кадр из фильма Мела Брукса «Продюсеры»: © Crossbow Productions/MGM/Springtime Productions/Cinetext Image Archive.

14 Фотография перерыва на съемках фильма «Великий диктатор»: © Charlie Chaplin Productions/Cinetext Picture Library.

15 Комикс «Адольф, нацистская свинья» Уолтера Мёрса: Взято у Адольфа. О, я вернулся!! Уолтер Моерс © Eichborn AG, июль 1988 г.

16 Фотография и документы пастора Й. Мюллера: © Diocesan Archive Hildesheim.

17 Решение Марианны Элизы Кюршнер: предоставлено Бундесархивом, подпись: NJ 3670 (AZ: 10 J 405 / 43g).

18. Фотография Фрица Петтера со своим шимпанзе.

19 Программа 1933 года для мельницы для перца Эрики Манн

20 Из книги Рейнхарда Хиппена «Сатира против Гитлера — Кабаре в изгнании». Пендо Верлаг, Цюрих, 1986 г.

21a, 21b Взято из Landesarchiv NRW, Hauptstaatsarchiv Düsseldorf RW 58 Nr.25083 BI. 17. Карикатуры на Гитлера в образе мрачного жнеца Гитлер в образе индейца: перепечатано из книги «Гитлер в карикатуре на мир» Путци Ханфштенгеля, издательство Verlag Braune Bücher, Берлин, 1933 г.

22 Фотография Курта Геррона в возрасте 30 лет, 1927 год.

23 Фотография Курта Геррона в концентрационном лагере Терезиенштадт, 1944 год.

24. Кадр из фильма «Песня, поцелуй, девушка» с участием Фрица Грюнбаума и Оскара Симы, 1932 г.

25 Фотография Роберта Дорсея

26 Объявление о казни Дорсе, адресованное его жене. Перепечатано из Ulrich Liebe: Revered, Followed, Forgotten, Beltz Verlag, Weinheim—Berlin, 1992.

27 карикатур, взятых из Der Stürmer, перепечатанных из «Дорогой Штюрмер — письма редактору NS-Kampfblatt», Seewald Verlag, Stuttgart 1978.